

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2025, том 19, № 2 (70)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравашева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
394086, г. Воронеж,
ул. Любы Шевцовой,
д. 34

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.06.2025

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бабаян С. Л. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Козаченко И. Я. – профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки), отнесен к категории К2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	118
КУЗЬМИНЫХ А. Л. «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г.	118
ШУРУХНОВ Н. Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России	125
СЕЛИВЕРСТОВ В. И., ГРУШИН Ф. В. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи)	131
РОМАНЕНКО Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации	144
АНИСИМОВ В. Ф., ЛАПШИН В. Ф., ШАМУРЗАЕВ Т. Т. Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики	157
СТАРОСТИН С. А., ГОЛОДОВ П. В. Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики	165
КАЗАК Б. Б. Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект)	173
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	180
КУЧКАРЕВ Ю. Ю., ГОРНОСТАЕВ С. В. Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных	180
ИСКАНДАРОВ Р. Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы	189
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	200
ЕФИМЕНКО А. А., ПИСАРЕВ О. М. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников	200
ЗАУТОРОВА Э. В. Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы	209
ПОЛЯКОВА Я. Н., КАШКИНА Е. В. Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации)	218

Научная статья

УДК 94(47).084.8-9

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001

«Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,
istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Реферат

Введение: в статье на основе анализа опубликованных и неопубликованных архивных документов, а также советской периодической печати рассмотрены организационные, военно-политические и символические аспекты массового конвоирования военнопленных германской армии по Москве 17 июля 1944 г. *Цель:* исследовать комплекс межведомственных мероприятий по сосредоточению военнопленных в Москве, организации движения колонн и поддержанию общественного порядка в городе, освещению «марша побежденных» в средствах массовой информации. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, эмпирические методы описания и интерпретации, текстологический и формально-юридический методы. *Результаты:* в ходе исследования удалось реконструировать целостную картину подготовки, проведения и информационного сопровождения массового конвоирования немецких военнопленных по Москве. *Выводы:* автор приходит к выводу, что «марш побежденных» имел большое политическое и идеологическое значение, демонстрировал военное и моральное превосходство советской армии над гитлеровскими войсками, а также воплотил идею справедливого возмездия нацистской Германии со стороны Советского Союза. Беспрецедентная по своему масштабу пропагандистская операция, ход которой курировал лично И. В. Сталин, вселяла в сердца советских людей веру в приближающуюся Победу Советского Союза над нацизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; немецкие военнопленные; конвоирование; органы внутренних дел; военная пропаганда.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г. // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 118–124. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001.

“March of the Vanquished”: Preparation, Organization and Symbolic Significance of Escorting German Prisoners of War through Moscow on July 17, 1944

ALEKSANDR L. KUZMINYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Abstract

Introduction: based on the analysis of published and unpublished archival documents, as well as the Soviet periodical press, the author considers organizational, military-political and symbolic aspects of the mass convoy of prisoners of war of the German army in Moscow on July 17, 1944. *Purpose:* to study a set of interdepartmental measures to concentrate prisoners of war in Moscow, organize movement of columns, maintain public order in the city, and ensure media coverage of the “march of the vanquished”. *Methods:* theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of description and interpretation, textual and formal legal methods. *Results:* we have reconstructed a complete picture of the preparation, conduct and information support of the mass convoy of German prisoners of war in Moscow. *Conclusion:* the author concludes that the “march of the vanquished” was of great political and ideological importance, demonstrating the military and moral superiority of the Soviet army over Hitler’s troops and the idea of just retribution. The propaganda operation, unprecedented in its scale, the course of which was personally supervised by J.V. Stalin, instilled faith in the hearts of the Soviet people in the approaching Victory of the Soviet Union over Nazism.

Key words: Great Patriotic War; German prisoners of war; escorting; internal affairs agencies; military propaganda.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Kuzminykh A.L. “March of the vanquished”: preparation, organization and symbolic significance of escorting German prisoners of war through Moscow on July 17, 1944. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 118–124. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.001.

Введение

В истории Великой Отечественной войны имеется несколько исключительно ярких символических событий, оказавших заметное влияние на ее восприятие современниками. Одним из таких событий стал «марш побежденных» – массовое конвоирование немецких военнопленных через Москву 17 июля 1944 г. История этого беспрецедентного по масштабу пропагандистского мероприятия получила освещение как в документальных публикациях [1–3; 5], так и в статьях исследователей [4]. В рамках данной статьи автором рассмотрены подготовка, ход и итоги конвоирования немецких военнопленных через Москву, а также восприятие современниками этого события и его символическое значение.

Летом 1944 г. советские войска провели одну из самых крупных и успешных наступательных операций периода Великой Отечественной войны – операцию «Багратион». В результате разгрома группы немецких армий «Центр» были освобождены Белоруссия, большая часть Литвы и значительная часть Польши. По данным Совинформбюро, частями 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов с 23 июня по 23 июля 1944 г. было взято в плен 158 480 немецких солдат и офицеров, в том числе 22 генера-

ла [5]. В целом, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, в 1944 г. в его ведение поступило в 7 раз больше военнопленных, чем за два предыдущих года войны (Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 23) (далее – РГВА).

С целью демонстрации достигнутых военных успехов советское правительство решило провести уникальную пропагандистскую акцию – марш плененных немцев по улицам Москвы. НКВД СССР был разработан детальный план конвоирования военнопленных, включавший транспортировку контингента, его материальное и санитарное обеспечение, организацию движения колонн, поддержание порядка во время передвижения.

Основная часть

Подготовка мероприятия осуществлялась в тесном взаимодействии с военным командованием и органами государственной безопасности. Ответственными за перевозку военнопленных были назначены заместитель начальника Центрального управления военных сообщений генерал-майор технических войск В. И. Дмитриев и начальник отдела перевозок Наркомата госбезопасности СССР комиссар госбезопасности Д. В. Аркадьев; за обеспечение военно-

пленных продовольствием – начальник штаба тыла Красной армии генерал-лейтенант М. П. Миловский и заместитель начальника Управления военного снабжения НКВД генерал-майор интендантской службы Я. Ф. Горностаев; за медико-санитарное обслуживание военнопленных – начальник санитарного отдела Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР полковник медицинской службы М. К. Ежов; за войсковую охрану и организацию конвойной службы в пунктах погрузки и выгрузки, во время движения по железной дороге, а также в местах сосредоточения – командир московской дивизии конвойных войск НКВД полковник И. И. Шевляков; за охрану и конвоирование по городу – командир кавалерийского полка 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД подполковник Васильев; за обеспечение общественного порядка на улицах города – начальник московской милиции комиссар милиции 2-го ранга В. Н. Романченко [3, с. 135].

О масштабе подготовительных мероприятий красноречиво свидетельствуют цифры. В Москву планировалось доставить 60 тыс. обезоруженных германских военнопленных, в том числе: 26 тыс. чел. с 1-го Белорусского фронта, 5 тыс. чел. – со 2-го Белорусского фронта и 29 тыс. чел. – с 3-го Белорусского фронта. В публикациях встречаются данные о том, что перед отправкой военнопленных в Москву осуществлялся отбор здоровых и способных передвигаться пешком порядком гитлеровских солдат и офицеров [6].

В период с 11 по 16 июля 1944 г. 26 железнодорожных эшелонов должны были перевезти 20 генералов, 1200 офицеров и 58 780 рядовых. Разгрузку прибывающих в Москву военнопленных планировалось начать в 20 часов 15 июля и закончить в 21 час 16 июля 1944 г. После выгрузки военнопленных следовало сосредоточить в трех пунктах: 33 тыс. чел. – на площади Московского ипподрома, 19 тыс. чел. – на территории кавалерийского полка 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД, 8 тыс. – на станции Москва-Товарная Западной железной дороги. После завершения конвоирования предусматривалась отправка военнопленных 26 эшелонами в лагеря НКВД с Савеловского, Ржевского, Октябрьского, Ярославского, Казанского, Курского, Павелецкого, Киевского, Белорусского вокзалов, а также станций Бойня и Канатчиково [3, с. 136].

Перед маршем пленных планировалось разделить на 26 эшелонных колонн, каждая из которых, в свою очередь, разбивалась на три батальонные колонны – первые две по 800 чел. и третья – 900 чел. Движение колонн предписывалось осуществлять рядами в 20 чел. по фронту и 40 чел. в глубину. Между батальонными колоннами устанавливался интервал в 25 м, между эшелонными – 50 м.

Маршрут движения колонн выглядел следующим образом: Московский ипподром, Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского и далее по Садовому кольцу через Самотечную площадь, Колхозную площадь, Красные ворота, площадь Курского вокзала, Таганскую, Добрынинскую, Крымскую, Смоленскую, Кудринскую площади, площадь Мая-

ковского, улицу Горького, Ленинградское шоссе, Московский ипподром. Таким образом, предусматривалось кольцевое движение колонн. Головная колонна должна была двигаться с ипподрома, вслед за ней – колонна с территории кавалерийского полка, в хвосте – колонна от ramпы Москва-Товарная Западной железной дороги. Генералы и офицеры должны были следовать в особой группе (вслед за третьей колонной) под литерой «З-А». Движение колонн планировалось свободным шагом, а не в положении «смирно». Военнопленные должны были следовать в том виде (обмундирование, обувь, знаки различия), в котором они прибыли из мест пленения.

Конвоирование и охрана эшелонов военнопленных в пути возлагались на конвой, организованный в местах погрузки контингента; от мест разгрузки до пунктов сосредоточения – на 36-ю дивизию конвойных войск НКВД, по городу – на кавалерийский полк 1-й мотострелковой дивизии войск НКВД. Каждый конный конвоир вооружался винтовкой и шашкой. Во время движения колонн по городу поддержание порядка вменялось в обязанность московской милиции с привлечением кавалерийского эскадрона, отдельного мотобатальона, рядового и оперативного состава. Согласно специально разработанному плану в местах перекрестков и наибольшего скопления народа требовалось расставить усиленные наряды милиции. Контроль за движением трамваев и автотранспорта во время прохождения колонн поручался сотрудникам отдела по регулированию уличного движения [3, с. 137].

Обеспечение военнопленных продовольствием (в виде сухих пайков) на путь следования от мест погрузки до Москвы надлежало производить за счет ресурсов 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, перед и после конвоирования – фондов Управления военного снабжения НКВД. Для снабжения военнопленных водой в пункты сосредоточения следовало подать 20 автоцистерн. С 12 по 15 июля военнопленные должны были получать горячую пищу один раз в день, 16 июля – два раза в день, 17 июля – перед выступлением колонн – предусматривался горячий завтрак.

Медико-санитарное обслуживание военнопленных в процессе перевозки поручалось специально выделенному медперсоналу из расчета один врач и один фельдшер на эшелон. Больные, подлежащие госпитализации, должны были эвакуироваться в санлечучку № 668, расположенную на военной платформе Белорусского вокзала. В пунктах сосредоточения военнопленных (ипподром, кавалерийский полк и ramпа товарной станции) организовывались медпункты. Во время движения военнопленных по городу медицинское обеспечение следовало осуществлять посредством подвижных медпунктов, за которыми были закреплены транспортные средства для эвакуации больных и отстающих в санлечучки на Казанском, Павелецком, Киевском и Белорусском вокзалах. Больных, не требовавших госпитализации, предлагалось эвакуировать в эшелонах в общем порядке, а при массовом сосредоточении – направлять в специальные госпитали. В случае смерти захоронение трупов военнопленных предписывалось произ-

водить силами Красногорского лагеря НКВД № 27 [3, с. 138].

13 июля 1944 г. народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия направил донесение Государственному комитету обороны СССР и И. В. Сталину о предстоящем конвоировании военнопленных через Москву. В отличие от ранее разработанного НКВД плана конвоирования военнопленных предлагалось провести не 17, а 15 июля, то есть на два дня раньше. Количество конвоируемых военнопленных уменьшалось с 60 до 55 тыс. чел., количество эшелонов для перевозки контингента – с 26 до 24. Сосредоточение военнопленных устанавливалось не в трех, а в двух пунктах: на Московском ипподроме и плацу 1-й мотострелковой дивизии НКВД. Оба сборных пункта, находившиеся в районе развилки Хорошевского и Ленинградского шоссе, планировалось изолировать и взять под охрану конвойных войск.

Маршрут движения военнопленных также претерпел изменения. Их предлагалось конвоировать с Московского ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького, площади Маяковского и далее Садовым кольцом по улицам: Садово-Триумфальной, Садово-Каретной, Садово-Самотечной, Садово-Сухаревской, Садово-Спасской, Садово-Черногрязской, Чкаловской, Зацепному валу, Житной улице, Крымскому валу, Зубовскому и Смоленскому бульварам, улице Чайковского, через Кудринскую площадь по Баррикадной и Краснопресненской улицам, через Краснопресненскую площадь, по Ваганьковской улице на ипподром.

Также указывалось, что колонны будут построены по 20 чел. в шеренгу, по 800 чел. в батальонной колонне, за исключением двух участков пути – от Курского вокзала до Крымской площади и от Кудринской площади до Хорошевского шоссе, где эти ряды предполагалось уменьшить до шеренги в 10 чел. по фронту, в связи с тем что ширина улицы в этих местах не позволяла вести колонну в 20 чел. по фронту. Движение планировалось начать в девять часов утра и завершить к четырем часам вечера. Также к донесению прилагалась схема г. Москвы с обозначением маршрута конвоирования военнопленных [3, с. 138–139].

Однако предложенную дату мероприятия пришлось перенести. Причиной этого стали, по всей видимости, сложности с приемом и этапированием военнопленных, о чем свидетельствует донесение Л. П. Берии № 758/б от 16 июля 1944 г. на имя И. В. Сталина. В нем говорилось о недостатках в организации работы сборных пунктов военнопленных и отдела по делам военнопленных при 2-м Белорусском фронте, для исправления которых туда были командированы заместитель начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР Н. Т. Ратушный и начальник Управления конвойных войск НКВД В. М. Бочков с группой оперативных работников и переводчиков [3, с. 140]. В целях улучшения приема военнопленных от войсковых частей и соединений и их эвакуации вглубь страны в июле-августе 1944 г. был образован фронтовой отдел УПВИ НКВД СССР, реорганизована система фронтовых учреждений военного плена, развернуты новые приемные и сборные пункты,

фронтовые приемно-пересыльные лагеря (РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 165–167; Оп. 23а. Д. 1. Л. 15–19).

15 июля на стол И. В. Сталина легло очередное сообщение Л. П. Берии. В нем указывалось, что конвоирование военнопленных через Москву будет начато в 11 часов утра 17 июля. Маршрут движения военнопленных по городу в очередной раз был скорректирован. Планировалось прохождение 18 эшелонных колонн от ипподрома по Ленинградскому шоссе, улице Горького через площадь Маяковского, по Садовой-Каретной, Садовой-Самотечной, Садово-Сухаревской, Садово-Черногрязской до площади Курского вокзала. Остальные 8 эшелонных колонн должны были пройти от площади Маяковского по Большой Садовой, Садово-Кудринской через Крымскую и Калужскую площади и далее по Большой Калужской [2, с. 39].

Руководство движением колонн было возложено на командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника А. А. Артемьева. Интересно отметить, что последний командовал парадом на Красной площади 7 ноября 1941 г., а в мае-июне 1945 г. на него была возложена организация и общее руководство Парадом Победы [7]. Ответственными за поддержание порядка на улицах и движение транспорта и пешеходов были назначены комендант г. Москвы генерал-майор К. Р. Синилов и начальник милиции г. Москвы, комиссар милиции 2-го ранга В. Н. Романченко. Операция готовилась в режиме строгой секретности. Извещение начальника милиции г. Москвы о конвоировании военнопленных планировалось напечатать в газете «Правда» и передать по Московской закрытой радиосети в 7–8 часов утра 17 июля [2, с. 39; 3, с. 139].

В номере «Правды» от 17 июля 1944 г. было опубликовано извещение начальника милиции г. Москвы комиссара милиции 2-го ранга В. Н. Романченко, в котором говорилось: «Управление милиции г. Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря военнопленных часть немецких военнопленных рядового и офицерского состава в количестве 57 600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной Армии 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов. В связи с этим, 17 июля, с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных... будет ограничено. Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выхонок по отношению к военнопленным» [8].

Вечером 17 июля 1944 г. Л. П. Берия направил донесение № 763/б на имя И. В. Сталина (Государственный комитет обороны), В. М. Молотова (Наркомат иностранных дел СССР) и Г. М. Маленкова (Центральный комитет ВКП(б)) об итогах конвоирования немецких военнопленных через Москву. В нем сообщалось, что движение колонн военнопленных с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра 17 июля по маршруту: Ленинградское шоссе, улица Горького, площадь Маяковского, Садово-Каретная, Садово-Самотечная, Садово-Черногрязская, улица Чкалова, Курский вокзал и по улицам: Каляевской, Новосло-

бодской и 1-й Мещанской. По этому маршруту прошло 42 тыс. военнопленных, в том числе колонна военнопленных генералов и офицеров численностью 1227 чел., из них 19 генералов и 6 старших офицеров (полковники и подполковники). Движение колонн на этом маршруте продолжалось 2 часа 25 мин [2, с. 45].

Вторая часть колонн военнопленных прошла от площади Маяковского по улицам: Большая Садовая, Садово-Кудринская, Новинский бульвар, Смоленский бульвар, Зубовская площадь, Крымская площадь, Большая Калужская улица, ст. Канатчиково Окружной железной дороги. По этому маршруту прошло 15 600 военнопленных, на что ушло 4 часа 20 мин.

После прибытия к пунктам погрузки военнопленные направлялись железнодорожными эшелонами в лагеря. К 19 часам все 25 эшелонных колонн были погружены в вагоны и направлены к местам назначения. Из общего количества проконвоированных через город 57 600 военнопленных медицинская помощь требовалась только четырем пленным, которые были направлены в санлечучку «ввиду ослабления». Военнопленные генералы по прибытию на Курский вокзал были погружены на автомашины и доставлены «по назначению» [2, с. 45].

При прохождении колонн военнопленных население вело себя организованно. Со стороны граждан были многочисленные восторженные возгласы и приветствия в честь Красной армии, Верховного главнокомандования, генералов и офицеров Красной армии. Также было зафиксировано большое количество выкриков антифашистского содержания: «Смерть Гитлеру!», «Смерть фашизму!», «Сволочи, чтобы они подошли», «Почему вас не перебили на фронте?». Никаких происшествий в городе во время прохождения колонн военнопленных зафиксировано не было. После прохождения военнопленных улицы города были очищены поливальными машинами [3, с. 141–142].

Среди немецких генералов, прошедших по улицам столицы, были весьма титулованные военачальники Третьего Рейха: исполнявший обязанности командующего 4-й армией генерал-лейтенант Винценц Мюллер; командир 78-й штурмовой дивизии генерал-лейтенант Ганс фон Траут; командиры 27 и 53-го армейских корпусов генералы инфантерии Пауль Фелькерс и Фридрих Голлвитцер; командир 260-й пехотной дивизии Гюнтер Кляммт; командир 45-й пехотной дивизии генерал-майор Йоахим Энгель; командир 383-й пехотной дивизии, комендант г. Орла, затем Брянска и Бобруйска генерал-лейтенант Адольф Хаманн; комендант г. Могилева генерал-майор Готфрид фон Эрмансдорф и др. После завершения марша они под усиленной охраной были направлены в Бутырскую и Лефортовскую тюрьмы для допросов и оперативно-следственных мероприятий. Судьбы упомянутых немецких генералов сложились по-разному. Одни (А. Хаман и Г. Эрмансдорф) за совершенные по их приказу зверства и злодеяния были приговорены военным трибуналом к смертной казни через повешение, другие (Г. Траут и Ф. Голлвитцер) – к двадцати пяти годам каторжных работ. Кто-то умер во время заключения (П. Фелькерс и Й. Энгель), некоторые пережили советский плен и

вернулись в послевоенную Германию (В. Мюллер, Ф. Голлвитцер, Г. Траут) [6].

По воспоминаниям очевидцев, во время конвоирования германские генералы, у которых по условиям капитуляции были оставлены мундиры, ордена и знаки различия, вели себя демонстративно высокомерно. Они старались не смотреть по сторонам, делая вид, что «пленом не сломлены». Что касается солдат вермахта, то их поведение было разным: одни хмуро и злобно глядели по сторонам, другие шли молча, потупив глаза и смотря себе под ноги, третьи – с любопытством разглядывали столицу и москвичей [9].

Через день после конвоирования военнопленных на страницах центральных советских газет вышли репортажи, посвященные этому неординарному событию. Так, в номере газеты «Правда» от 19 июля 1944 г. были опубликованы очерки Л. Леонова «Немцы в Москве», «Они увидели Москву» Б. Полевого и стихотворение Д. Бедного «Страшнее нет суда...». Позднее на экранах советских кинотеатров был показан документальный короткометражный фильм «Проконвоирование военнопленных немцев через Москву» (1944, реж. И. В. Венжер). По указанию Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) перед публикацией все материалы направлялись для просмотра и утверждения начальнику Главного политуправления Красной армии, секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову [4].

«Гитлеровцы, мечтавшие о покорении всего мира, прошли по площадям Москвы, но не в роли победителей, а в качестве побежденных», – так звучала главная мысль, которую стремились донести до читателей и зрителей органы советской пропаганды. «Несостоявшиеся хозяева планеты, они плелись мимо нас – долговязые и зобатые, с волосами, задыбленными, как у чертей в летописных сказаниях, в кителях нараспашку, брюхом наружу, но пока еще не на четвереньках, – в трусиках и босиком, а иные в прочных, на медном гвозде ботинках, которых до Индии хватило бы, если бы не Россия...», – с иронией и сарказмом писал Леонид Леонов. Не ускользнула от внимательных глаз писателя и реакция москвичей, молча, с чувством презрения смотревших на шествие обездоруженного врага: «Народ мой в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца. В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не ждем пленных, не уродуем их: мы не немцы! Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата...» [10]. Об аналогичной реакции москвичей упоминают авторы научного труда «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. Краткая история» [11, с. 356–357].

По аналогии с Москвой подобные «парады побежденных» прошли и в столицах некоторых советских республик, освобожденных от врага. Так, 16 августа

1944 г. по улицам и площадям Киева были проконвоированы 36 тыс. бывших неприятельских военнослужащих, в том числе 549 офицеров. Ответственными за проведение операции были назначены заместитель наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглов и нарком внутренних дел УССР В. С. Рясной. «Марш позора» продолжался свыше пяти часов, а общая длина маршрута, пролегающего через центральные районы города, составила более двадцати километров. За движением колонн поверженного врага наблюдали свыше 150 тыс. киевлян. Охрану военнопленных осуществляли военнослужащие конвойных войск НКВД, а патрулирование улиц – сотрудники милиции [12].

После завершения мероприятия пленные были направлены на восстановление разрушенных городов, заводов и шахт, а также на другие объекты народного хозяйства. В целом, на 5 декабря 1944 г. союзным и республиканским наркоматам было выделено для трудового использования свыше 435 тыс. военнопленных (РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 148–149).

Выводы

Таким образом, конвоирование немецких военнопленных по улицам Москвы 17 июля 1944 г. явилось важным общественно-политическим событием, ознаменовавшим крах гитлеровской армии на советско-германском фронте. Проведение данного мероприятия, осуществлявшееся под личным контролем И. В. Сталина, имело не только внутрисполитическое, но и внешнеполитическое значение, так как наглядно

демонстрировало возросшую военную мощь Советского Союза.

«Марш побежденных» стал сильнейшим ударом по имиджу германских вооруженных сил. Если пленение армии Ф. Паулюса под Сталинградом доносилось до массовой аудитории посредством плакатной, фотографической и кинематографической продукции, то здесь москвичи стали живыми свидетелями конвоирования огромной массы неприятельских солдат и офицеров, что произвело сильнейшее психологическое воздействие.

Публичное конвоирование обезоруженного неприятеля представляло собой символическое развенчание образа сверхчеловека и сверхнации, которые культивировала нацистская пропаганда. В сознании советских людей это был акт справедливого возмездия в отношении нацистской Германии, стремившейся поработить народы Советского Союза. При этом СССР противопоставлялся Третьему Рейху в практике обращения с военнопленными. Последние сохраняли право на жизнь и направлялись на восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Первый опыт массового конвоирования военнопленных, требовавший тесного взаимодействия и координации между различными государственными ведомствами и военным командованием, в дальнейшем был реализован при проведении аналогичных мероприятий в других городах Советского Союза, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Конвоирование начато в 11 часов утра» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 2 (15). С. 138–139.
2. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. V. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). [авт.-сост.: В. П. Ямпольский (рук.) и др.]. М., 2007. 894 с.
3. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / под ред. В. А. Золотарева. Т. 24 (13–1): нормативные документы [авт.-сост.: В. Н. Вартанов и др.]. М., 1996. 557 с.
4. Григорьев Е., Сорокин А. «Вчера мы видели бандитов, кровопийц...»: «Марш побежденных» глазами архивистов, историков и писателей // Родина. 2019. № 7. С. 38–45. URL: <https://rodina-history.ru/2019/07/17/rodina-marsh-po-bezhdennyh-glazami-arhivistov-istorikov-i-pisatelej.html> (дата обращения: 13.02.2025).
5. 22 июля 1944 года (от Советского информбюро) // Наша Победа. День за днем (проект РИА Новости). URL: <https://web.archive.org/web/20130728111509/http://9may.ru/26.07.1944/inform/m1026> (дата обращения: 11.02.2025).
6. Сысоев Н. Парад побежденных // Военно-промышленный курьер. 2017. № 26 (690). 12–18 июля. URL: <https://www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk262017/20/assets/basic-html/index.html#12> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Генерал Павел Артемьев: «Немцы могли дойти до Кремля за полчаса». URL: <https://vm.ru/society/611531-general-pavel-artemeyev-nemtsy-mogli-dojti-do-kremlya-za-polchasa> (дата обращения: 11.02.2025).
8. Извещение от начальника милиции гор. Москвы о конвоировании немецких военнопленных // Правда. 1944. № 171. С. 4.
9. Пахомов В. Парад побежденных // Советская Россия. № 94. 2004. 17 июля. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/964-парад-побежденных-битые-в-белоруссии-под-конвоем-через-москву> (дата обращения: 13.02.2025).
10. Леонов Л. Немцы в Москве // Правда. 1944. № 172. 19 июля. С. 3.
11. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история / [ред. комис.: П. Н. Поспелов (пред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. 631 с.
12. Грищенко Н. Немецкий «Марш позора» прошел в Киеве 80 лет назад // Родина. 2024. 16 авг. URL: <https://rodina-history.ru/2024/08/16/nemeckij-marsh-pozora-proshel-v-kieve-80-let-nazad.html> (дата обращения: 07.02.2025).

REFERENCES

1. "The convoy started at 11 a.m.". *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation*, 1995, no. 2 (15), pp. 138–139. (In Russ.).

2. Yampol'skii V.P. et al. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti v Velikoi Otechestvennoi voine: sbornik dokumentov. T. V. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.)* [State security agencies in the Great Patriotic War: collection of documents. Volume V. Book 2. The borders of the USSR were restored (July 1 – December 31, 1944)]. Moscow, 2007. 894 p.
3. Grigor'ev E., Sorokin A. "Yesterday we saw bandits, bloodsuckers...": "March of the vanquished" through the eyes of archivists, historians and writers. *Rodina = Motherland*, 2019, no. 7, pp. 38–45. Available at: <https://rodina-history.ru/2019/07/17/rodina-marsh-pobezhdennykh-glazami-arhivistov-istorikov-i-pisatelej.html> (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).
4. July 22, 1944 (from the Soviet Information Bureau). *Nasha Pobeda. Den' za dnem (proekt RIA Novosti)* [Our Victory. Day by day (RIA Novosti project)]. Available at: <https://web.archive.org/web/20130728111509/http://9may.ru/26.07.1944/inform/m1026> (In Russ.). (Accessed February 11, 2025).
5. *Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR. T. 24 (13–1): normativnye dokumenty* [Russian Archive: the Great Patriotic War. Foreign prisoners of war of the Second World War in the USSR. Vol. 24 (13–1): normative documents]. Ed. by Zolotarev V.A. Moscow, 1996. 557 p.
6. Sysoev N. Parade of the vanquished. *Voенно-promyshlennyy kur'er = Military-Industrial Courier*, 2017, no. 26 (690), July 12–18. Available at: <https://www.vesvks.ru/public/flippingbook/vpk262017/20/assets/basic-html/index.html#12> (Accessed February 12, 2025).
7. General Pavel Artem'ev: "Nemtsy mogli doiti do Kremlya za polchasa" [General Pavel Artem'ev, "The Germans could reach the Kremlin in half an hour"]. Available at: <https://vm.ru/society/611531-general-pavel-artemey-nemcy-mogli-doiti-do-kremlya-za-polchasa> (accessed February 11, 2025).
8. Notification from the chief of police of the city of Moscow about the convoy of German prisoners of war. *Pravda = Truth*, no. 171, 1944, p. 4. (In Russ.).
9. Pakhomov V. March of the vanquished. *Sovetskaya Rossiya = Soviet Russia*, 2004, no. 94, July 17. Available at: <https://csdfmuseum.ru/articles/964-parad-pobezhdennykh-bitye-v-belorussii-pod-konvoem-cherez-moskvu> (In Russ.). (Accessed February 13, 2025).
10. Leonov L. The Germans in Moscow. *Pravda = Truth*, 1944, no. 172, July 19, p. 3. (In Russ.).
11. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza. 1941–1945: Kratkaya istoriya* [Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Brief history]. Moscow, 1970. 631 p.
12. Grishchenko N. The German "March of shame" was held in Kiev 80 years ago. *Rodina = Motherland*, 2024, August 16. Available at: <https://rodina-history.ru/2024/08/16/nemeckij-marsh-pozora-proshel-v-kieve-80-let-nazad.html> (In Russ.). (Accessed February 7, 2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КУЗЬМИНЫХ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры филологии и истории инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

ALEKSANDR L. KUZMINYKH – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Статья поступила 31.03.2025

Научная статья

УДК 34:94

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002

Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университе-
та юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россияmatros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются различные подходы к повышению уровня профессиональной подготовки надзирательского состава тюрем царской России, в том числе и тех, которые были предназначены для отбывания наказания женщинами. Отмечается роль руководителей Главного тюремного управления в инициировании профессиональной подготовки служащих тюрем с ориентиром на специфику деятельности в этой сфере, сложность решения вопросов, требующих наличия разносторонних знаний. **Цель:** показать истоки профессионального пенитенциарного образования, роль закона от 13 июля 1913 г. («Об учреждении школы в Санкт-Петербурге для приготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для приготовления кандидатов на должности тюремной надзирательницы»), раскрыть его правовые положения, направленные на установление компетенции Санкт-Петербургской школы подготовки старших надзирателей тюрем и Московской школы подготовки надзирательниц, рассмотреть порядок зачисления в школы, правовой статус обучающихся, финансовое обеспечение учебного процесса, преподавателей, обучающихся, их служебное положение после обучения. В статье использовались методы сравнительного анализа, аналогии, идеализации, обобщения, формализации, конкретизации. **Результаты:** установлены подходы к этапам формирования профессиональной подготовки служащих тюрем для обеспечения их эффективной деятельности, а также заслуга отдельных ученых (И. Ф. Фойницкий, Н. Ф. Лучинский) и руководителей Главного тюремного управления царской России (М. Н. Галкин-Враской, С. С. Хрулев) в стремлении показать важность для государства и общества эффективной деятельности учреждений, исполняющих наказания. **Выводы:** закон от 13 июля 1913 г. об учреждении с 1 сентября 1913 г. по 31 декабря 1915 г. школ: 1) в Санкт-Петербурге для подготовки кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и 2) в Москве – для кандидаток на должности тюремной надзирательницы является первым законом, который возвел пенитенциарное образование в ранг государственного.

Ключевые слова: Главное тюремное управление; Санкт-Петербург; Москва; школа; тюремные надзиратели; обучение.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Закон от 13 июля 1913 года: организационно-правовые аспекты становления системы подготовки служащих тюрем в царской России // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 125–130. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002.

Law of July 13, 1913: Organizational and Legal Aspects of Forming the Prison Staff Training System in Tsarist Russia

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Abstract

Introduction: the article discusses various approaches to improving the level of professional training of prison guards in tsarist Russia, including those who guarded female convicts. The role of heads of the Main Prison Administration in initiating professional training of prison employees is noted, the specifics of activities in this area and the complexity of solving issues requiring diverse knowledge are described. *Purpose:* to show the origins of professional penitentiary education, the role of the law of July 13, 1913 ("On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow"), to disclose its legal provisions fixing the competence of the Saint Petersburg School for the Training of Senior Prison Female Wardens and the Moscow School for the Training of Female Wardens. An order of enrollment in schools, a legal status of students, financial support for the educational process, teachers, students, and their official position after training are considered. The article uses *methods* of comparative analysis, analogy, idealization, generalization, formalization, and concretization. *Results:* the article reveals approaches to the stages of professional training of prison employees and describes achievements of individual scientists (I.F. Foinitskii, N.F. Luchinskii) and heads of the Main Prison Administration of Tsarist Russia (M.N. Galkin-Vraskoi, S.S. Khrulev) in proving the importance of effective performance of penitentiary institutions. *Conclusions:* the law of July 13, 1913 on the establishment of schools in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden in the period of September 1, 1913 to December 31, 1915 is the first law that elevated penitentiary education to the rank of the state.

Keywords: Main Prison Administration; Saint Petersburg; Moscow; school; prison guards; training.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Law of July 13, 1913: organizational and legal aspects of forming the prison staff training system in Tsarist Russia. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 125–130. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.002.

Введение

Профильное образование служащих любого правоохранительного ведомства предполагает наличие соответствующих образовательных учреждений. Истоки решения этого вопроса представляют определенный интерес для служащих и работников уголовно-исполнительной системы, преподавательского состава, а также для тех, кому не безразлична история российского государства.

Вопрос о необходимости подготовки специалистов для службы в пенитенциарных учреждениях Российской империи ставился руководителями Главного тюремного управления (ГТУ), учеными. Так, профессор Иван Яковлевич Фойницкий, известный российский тюремовец, один из создателей пенитенциарного права, в 1872 г. в «Судебном вестнике» опубликовал статью «Проект основных положений тюремного преобразования в России» [1, с. 11], в которой затрагивал и образовательную тематику. Однако это сразу не ре-

шало застаревшей проблемы. Анализируя высказывания профессора Сергея Викторовича Познышева, характеризовавшего отношение правительства Российской империи к использованию научных знаний в сфере исполнения уголовного наказания, можно сделать вывод о том, что оно не было положительным. Сложность, психологическая трудность, особенности организации отбывания наказания в тюрьме, значение тюремной сферы для общества и правопорядка не принимались во внимание. Считалось, что «для несложных целей и примитивной грубости этого «мертвого» дома особых пенитенциарных знаний не требуется. Строгий и распорядительный начальник, крепкие замки и решетки, наружная дисциплина и отсутствие побегов – вот все, что, казалось, нужно... для хорошей постановки пенитенциарного дела» [2, с. 13].

Первым (1874 г.) не только в России, но и в мировом сообществе, кто непосредственно обратил внимание на тюремное образование, был профессор Пе-

тербургского университета И. Я. Фойницкий. Он для всех студентов юридического факультета ввел курс по тюрьмоведению и читал его более 20 лет, до 1905 г. Формирование курса началось с отдельных статей, таких как «Тюремная реформа и тюрьмоведение (вступительная лекция, прочитанная 8 января 1874 г.)», «Русская карательная система» [1, с. 11], опубликованных в 1874 г. в журналах «Судебный вестник» и «Сборник государственных знаний». По оценкам современников, статьи и лекции И. Я. Фойницкого имели выдающееся научное и практическое значение [1, с. 12].

Подготовку кадров для системы исполнения наказаний исследователи связывают с созданием в Российской империи Главного тюремного управления в 1879 г. [3; 4] и с первым ее начальником – Михаилом Николаевичем Галкиным-Враским [5; 6]. Он возглавлял управление с 1879 по 1896 г. В целях усиления подготовки служащих, передачи им содержания ведомственных установок, информирования о деятельности Главного тюремного управления Михаил Николаевич инициировал с января 1893 г. издание журнала «Тюремный вестник».

С целью подготовки специалистов для занятия должностей в тюремном ведомстве прорабатывалось создание специальных подготовительных курсов. В 1912 г. «Главным тюремным управлением был уже внесен на рассмотрение законодательных установлений проект учреждения таких курсов... По указанному законопроекту, курсы для приготовления кандидатов на тюремные должности должны состоять под названием “Тюремных курсов” при Главном тюремном управлении, под непосредственным руководством начальника сего управления» [7, с. 1205]. Однако решения вопроса на законодательном уровне не последовало. Поэтому начальником Главного тюремного управления Степаном Степановичем Хрулевым было принято решение о проведении при управлении систематических чтений по тюрьмоведению. «Для организации чтений и ближайшего заведывания ими... был назначен редактор “Тюремного вестника”, инспектор Главного тюремного управления действительный статский советник Н. Ф. Лучинский» [7, с. 1205].

Открытие чтений состоялось 1 марта 1912 г. Программа включала профессионально направленный круг вопросов, представляющих интерес для служащих тюрем. В круг программных вопросов входили: «1) начала уголовного права и учение о наказаниях, в особенности же краткая история и сравнительный анализ различных пенитенциарных систем; 2) элементарные понятия по психологии и психоневрологии; 3) изложение в общих чертах государственного устройства в России, с более подробными объяснениями касательно организации судебной и тюремной частей; 4) соединенные с практическими занятиями чтения по различным отраслям тюремного управления и хозяйства, как то: по строительной части, по тюремной гигиене, по продовольствию и одежному довольствию арестантов, по арестантским работам, по тюремной статистике и отчетности и т. п.» [7, с. 1205–1206]. 10 мая 1912 г. чтения при ГТУ завершились.

В редакционной статье «Тюремного вестника» за 1912 г. «Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном Тюремном Управлении» говорилось о широте задач, их сложности, требующей разнообразных профессиональных знаний. «В идеальном начальнике тюрьмы, – писал Николай Флорианович (Федорович) Лучинский, – должны совмещаться всевозможные профессии: в одно и то же время он воин и администратор, интендант и архитектор, техник и коммерсант и даже психиатр и юрист» [8, с. 6].

Таким образом, на уровне научной общественности была сформулирована необходимость в создании системы подготовки кадров для пенитенциарной системы, а значит, и в издании специального законодательного акта, регламентирующего создание подобных учебных заведений.

Основная часть

13 июля 1913 г. был принят высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон, которым предусматривалось: I. учредить с 1 сентября 1913 года сроком по 31 декабря 1915 года: 1) школу в Санкт-Петербурге для приготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и 2) школу в Москве для приготовления кандидатов на должности тюремной надзирательницы на основании Положений о сих школах [9; 10].

Значимость и уникальность этого законодательного акта состояли в том, что он являлся первым документом такого уровня [11; 12], открывшим тюремное образование с 1 сентября 1913 г. В нем были закреплены материально-технические, финансовые, учебные, социальные, пенсионные, организационные положения. Они устанавливали правовой статус школ, учащихся, выпускников, компетенцию руководителей, специального совета (комиссии). Приложенные к закону положения позволили в процессе сравнительно-правового исследования установить определенные различия в организации деятельности и статусе этих двух школ.

1. Подготовка кандидатов на должность старшего надзирателя была организована в школе, состоящей при Санкт-Петербургских местах заключения. В нее принималось 30 младших тюремных надзирателей, прослуживших не менее двух лет. Отбору кандидатов на учебу на местах уделялось особое внимание. Об этом свидетельствует указание исполняющего должность начальника ГТУ Г. Ф. Беттихера. В нем говорилось: «Ввиду крайне серьезных требований, предъявляемых к лицам, занимающим должности старших тюремных надзирателей по части несения обязанностей службы и являющимся ближайшими руководителями их в сем отношении, но нередко заведывающим даже отдельными отраслями управления в местах заключения, на правах помощников начальника тюрьмы, – выбрать лиц, которые будут командированы для прохождения курса обучения в означенной школе, должен производиться с особой тщательностью и осмотрительностью» [13, с. 964]. Кроме перечисленного, было рекомендовано обращать внимание на уровень образования, возраст, состояние здоровья, нравственные (отсутствие пристрастия к употребле-

нию спиртных напитков) и служебные качества (исполнение поручений начальства) [13].

Курс бесплатного обучения длился четыре месяца, дважды в год – с 15 января по 15 мая и с 15 августа по 15 декабря. Командируемые на учебу в порядке, определенном начальником ГТУ, младшие тюремные надзиратели получали пособие, включающее стоимость железнодорожного билета третьего класса для проезда от места службы до Санкт-Петербурга и обратно, плюс по тридцать копеек за каждые сутки нахождения в пути. Все обучающиеся получали установленное им денежное содержание по прежнему месту службы, пользовались квартирой и продовольствием в натуре. По завершении обучения в школе прошедшие испытания выпускники получали особое свидетельство и право пользоваться преимуществом при назначении на должность старшего надзирателя.

Следует указать еще на одно объективное решение (от 26 июля 1913 г.), следовавшее из указания исполнявшего должность начальника ГТУ. В нем говорилось: «ввиду краткости времени, оставшегося для открытия школы в С.-Петербурге... в текущем году могут быть командированы лишь младшие надзиратели, состоящие на службе в Европейской России, почему к надзирателям, служащим в прочих местностях, настоящие правила будут иметь применение не ранее, как с начала 1914 года» [13, с. 965].

1.1. В указанный период для подготовки кандидатов на должность тюремной надзирательницы при Московской женской тюрьме также была создана школа. Ее наполняемость составляла двадцать пять человек, период обучения – шесть месяцев – с 1 сентября по 1 марта. На обучение принимались лица женского пола, исключительно по их собственному прошению, в возрасте не менее 21 года, способные по состоянию своего здоровья к службе в тюремной страже. Кандидатки должны были ранее окончить какое-либо учебное заведение, хотя бы низшего разряда, или выдержать соответствующее испытание при поступлении в школу. Более длительный срок обучения, в сравнении с обучением в Санкт-Петербургской школе, объяснялся отсутствием у лиц женского пола опыта работы в тюремной системе. Обучение было бесплатным, при этом выдавалось пособие в размере пятидесяти копеек в сутки.

Выпускницы, равно как и младшие надзиратели, получали особое свидетельство, дающее преимущество в занятии должности тюремной надзирательницы. На них было распространено обязательство (условие), заключающееся в том, что окончившие школу и получившие назначение на должность в тюремном ведомстве были обязаны прослужить в нем не менее трех лет. В случае неисполнения обозначенной обязанности они должны были возратить денежную сумму, полученную ими в качестве пособия при обучении в школе.

2. Санкт-Петербургскую школу возглавлял начальник школы, назначаемый начальником Главного тюремного управления. Он уполномочивался на осуществление административно-хозяйственной и учебной деятельности. При школе создавался особый комитет, его председателем был губернский тю-

ремный инспектор. Членами комитета по должности были начальник школы и преподаватели, а также избираемые два члена Санкт-Петербургского благотворительного комитета. Компетенция комитета школы была предельно ограниченной: общее наблюдение за преподаванием; принятие мер, могущих способствовать успешной подготовке учащихся; обсуждение вопросов, относящихся к административно-хозяйственной деятельности.

2.1. Руководство Московской школы подготовки надзирательниц в силу объективных условий было двусоставным – начальник Московской женской тюрьмы и его помощница. Их непосредственная деятельность состояла в решении учебных и административно-хозяйственных вопросов. Более широкий круг вопросов, наряду с учебными и административно-хозяйственными, включал:

- установление, с утверждения начальника ГТУ, программы преподавания в школе и порядка ведения практических занятий учащихся. Как и в Санкт-Петербурге, учащиеся могли назначаться для временного исполнения обязанностей тюремных надзирательниц в Московской женской тюрьме и женском отделении тюремной больницы. В таком случае для временного пользования они получали казенное обмундирование по установленной форме за счет общих кредитов, отпускаемых на обмундирование стражи;
- приглашение преподавателей;
- прием в школу и выпуск из нее учащихся. Решался образованным при школе советом. Его председателем была одна из директрис Московского дамского благотворительно-тюремного комитета (избираемая им).

На правах членов в совете работали: московский губернский тюремный инспектор (участвующий в совете на правах заместителя председательницы совета на время ее отсутствия); одна директриса Московского дамского благотворительно-тюремного комитета (по результатам ее избрания); начальник Московской женской тюрьмы, его помощница; преподаватели школы. Кроме перечисленного, совет устанавливал внутренний распорядок школы. Это осуществлялось путем издания особой инструкции, которая утверждалась московским губернатором.

В Санкт-Петербургской школе функции по определению внутреннего распорядка путем издания для этого особых правил и назначение преподавателей осуществлял начальник ГТУ. Он же устанавливал программу преподавания и порядок проведения практических занятий. Таким образом, компетенция совета при московской школе, в силу объективных причин, была шире по сравнению с Санкт-Петербургским комитетом.

3. По причине объективных обстоятельств (количество учащихся, периодичность, сроки обучения) в Санкт-Петербургской школе подготовки кандидатов на должность старшего надзирателя вводилась самостоятельная должность начальника, с присвоением ему VIII класса по чинопроизводству, V разряда по пенсии. В одну тысячу двести рублей в год был определен оклад содержания – 600 руб. жалования и 600 руб. столовых, а также квартира в натуре при школе.

3.1. В Московской школе должность начальника, как мы уже указывали, была совмещенной – ее возглавляли начальник Московской женской тюрьмы и его помощница.

Оригинальность анализируемого закона от 13 июля 1913 г. состояла и в том, что он конкретно расписывал цели выделяемых из государственного казначейства средств. В законе было прописано, что размер кредитов, потребных на наем помещения для Санкт-Петербургской школы, на наем квартиры для начальника и казармы для учащихся и на продовольствие последних, а равно на устройство или на наем помещений для Московской школы, определять с 1914 г. в сметном порядке.

4. На содержание Санкт-Петербургской школы в течение двух лет, начиная с 1914 г., планировалось выделять по 3400 руб., в том числе: а) на содержание начальника школы 1200 руб.; б) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 600 руб. Для того чтобы иметь представление о затратах на приобретение учебных пособий и стоимость отдельных изданий, приведем следующие данные: годичная подписная цена «Тюремного вестника» с доставкой и пересылкой составляла 7 руб.; в) на наем преподавателей школы – 1600 руб.

4.1. В обозначенный период на содержание Московской школы тюремных надзирательниц планировалось выделить: по 3350 руб. в год, в том числе: а) на уплату преподавателям школы – 900 руб.; б) на выдачу пособий учащимся в школе – 2250 руб.; в) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 200 руб. Общий расход на обе школы составлял 6750 руб. в год.

5. В 1913 г. было запланировано отпустить из средств государственного казначейства для Санкт-Петербургской школы: 1) 2766 руб., из них: а) на содержание начальника школы – 400 руб.; б) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий для школы – 200 руб.; в) на наем преподавателей школы – 533 руб.; г) на наем помещения для школы, квартиры для начальника и казармы для учащихся – 833 руб.; д) на продовольствие учащихся – 880 руб.

5.1. Затраты в обозначенный период времени на Московскую школу составили 1616 руб., в том числе:

а) на оплату преподавателей – 300 руб.; б) на выдачу пособий учащимся – 750 руб.; в) на канцелярские расходы и приобретение учебных пособий – 66 руб.; г) на наем помещения для школы – 500 руб.

На обе школы затраты составили 4382 руб. с отнесением расхода на счет ожидаемых сбережений от назначений по Государственной росписи расходов на 1913 г.

Ориентируясь на отдельные материалы, публикуемые в журнале «Тюремный вестник», и руководители ГТУ, и отдельные представители тюремной науки (Н. Ф. Лучинский) восприняли создание школ как возможность повышения профессионального уровня и престижа работы служащих тюрем царской России.

Заключительная часть

По объективным причинам (пол, возраст, срок обучения, отсутствие опыта службы в тюрьме) правовой статус школы в Москве для подготовки кандидатов на должности тюремной надзирательницы и Санкт-Петербургской школы старших тюремных надзирателей различался. Положения о школах были закреплены законодательно.

Закон от 13 июля 1913 г. о создании в Санкт-Петербурге и Москве школ для профессиональной подготовки служащих тюрем послужил предпосылкой для последующего целенаправленного образования сотрудников пенитенциарной системы. Опыт царской России в этом направлении успешно использовался в дальнейшем.

В период Временного правительства начальником Главного тюремного управления был назначен правовед А. А. Жижиленко (с оставлением на должности профессора Санкт-Петербургского университета). 17 марта 1917 г. он подписал приказ № 2 о создании пенитенциарных курсов для переподготовки тюремного персонала для работы «в условиях обновления государственного строя и свободной общественной жизни».

Учебные заведения СССР позаимствовали и усовершенствовали опыт школ подготовки тюремных служащих Российской империи, например, по проведению практических занятий, ознакомительных практик, стажировок в должности непосредственно в условиях предстоящей практической деятельности после завершения образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Люблинский П. И. Памяти трех русских криминалистов И. Я. Фойницкого, Д. И. Дриля, Н. Д. Сергеевского. СПб., 1914. 152 с.
2. Познышев Сергей Викторович. Профессор Государственного Московского Психоневрологического Института. Профессор международной Академии Наук в Тулузе // Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 342 с.
3. Зубов С. В. Сохранять память о М. Н. Галкине-Враском // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3. С. 9–19.
4. Гайдук С. Л. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 226 с.
5. Яковлева О. Н. Начальники Главного тюремного управления Российской империи: история ведомства в лицах // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 3 (29). С. 99–103.
6. Беляева Л. И. Роль М. Н. Галкина-Враского в формировании основ управления системой исполнения наказаний Российской империи // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1-4), № 3. С. 379–398.
7. Отдел неофициальный. Опыт систематических чтений по тюремоведению при Главном тюремном управлении // Тюремный вестник. 1912. № 6-7. С. 1203–1209.
8. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. 80 с.

9. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советомъ и Государственною Думою закон от 13.07.1913 «Об учреждении школы въ С.-Петербургѣ для подготовленія кандидатовъ на должности старшаго тюремнаго надзирателя и школы въ Москвѣ для подготовленія кандидатовъ на должности тюремной надзирательницы» // Полное собрание Законовъ Россійской имперіи. Собрание третье. Т. XXXIII. 1913. Петроград, 1916 (№ 39906).
10. Об учреждении школы в С.-Петербурге для подготовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и школы в Москве для подготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы // Тюремный вестник. 1913. № 6-7. С. 900–904.
11. Волошин Д. В. Московская школа тюремных надзирательниц как первое учебное заведение по подготовке пенитенциарного персонала в России // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 2 (21). С. 24–27.
12. Шурухнов Н. Г. Генезис центров научного обеспечения подготовки кадров для исполнения наказаний и борьбы с преступностью // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4). С. 552–565.
13. О порядке применения закона 13 июля 1913 г. об учреждении Школы в С.-Петербурге для подтовления кандидатов на должности старшего тюремного надзирателя и Школы в Москве для подготовления кандидаток на должности тюремной надзирательницы // Тюремный вестник. 1913. № 6–7. С. 964–965.

REFERENCES

1. Lyublinskii P.I. *Pamyati trekh russkikh kriminalistov I. Ya. Foinitskago, D.I. Drilya, N.D. Sergeevskogo* [In memory of three Russian criminologists I.Ya. Foinitskii, D.I. Dril, N.D. Sergievskii]. Saint Petersburg, 1914. 152 p.
2. Sergei V. Poznyshv. Professor at the Moscow State Psychoneurological Institute. Professor at the International Academy of Sciences in Toulouse. In: *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow, 1923. 342 p. (In Russ.).
3. Zubov S.V. Preserving the memory of M.N. Galkin-Vrasky. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2024, no. 3, pp. 9–19. (In Russ.).
4. Gaiduk S.L. *Tyuremnaya politika i tyuremnoe zakonodatel'stvo poreformennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Prison policy and prison legislation of post-reform Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1987. 226 p.
5. Yakovleva O.N. Chiefs of the Main Prison Administration of the Russian Empire: the history of the agency in person. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 3 (29), pp. 99–103. (In Russ.).
6. Belyaeva L.I. The role of M.N. Galkin-Vraskoi in the formation of the foundations of the management of the system of execution of punishments of the Russian Empire. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 3, pp. 379–398. (In Russ.).
7. Non-official department. The experience of systematic reading on prisons at the Main Prison Administration. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1912, no. 6–7, pp. 1,203–1,209. (In Russ.).
8. Luchinskii N.F. *Osnovy tyuremnago dela* [Fundamentals of prison service]. Saint Petersburg, 1904. 80 p.
9. Law of July 13, 1913 “On the establishment of the school to train candidates for the positions of a senior prison warden in Saint Petersburg and the school to train candidates for the positions of a female prison warden in Moscow” approved by the State Council and the State Duma. In: *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e. T. XXXIII* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. XXXIII]. Petrograd, 1916. No. 39,906. (In Russ.).
10. On the establishment of a school in St. Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, No. 67, pp. 900–904. (In Russ.).
11. Voloshin D.V. Moscow school of prison keepers as the first educational institution for training of penitentiary staff in Russia. *Vektor nauki TGU. Seriya: pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology*, 2015, no. 2 (21), pp. 24–27. (In Russ.).
12. Shurukhnov N.G. The genesis of the centers for scientific support of personnel training for the execution of punishments and the fight against crime. *Ugovolno-ispolnitel'noe parvo = Penal Law*, 2024, vol. 19 (1–4), pp. 552–565. (In Russ.).
13. On the procedure for applying the law of July 13, 1913 on the establishment of a school in Saint Petersburg to train candidates for the positions of a senior prison warden and a school in Moscow to train candidates for the positions of a female prison warden. *Tyuremnyi vestnik = Prison Bulletin*, 1913, pp. 964–965. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Статья поступила 22.01.2025

Научная статья

УДК 343.97

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003

Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>**ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН**Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>

Реферат

Введение: в статье на основании материалов специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 2022 г. дается уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве и находящихся в исправительных колониях особого режима. Показаны некоторые особенности исполнения лишения свободы в этих исправительных учреждениях. Приводятся данные по следующим направлениям: распределение осужденных в зависимости от срока этапирования к месту отбывания наказания; продолжительность содержания в СИЗО; распределение по условиям отбывания наказания; распределение в зависимости от места отбывания наказания; распределение в зависимости от количества исправительных учреждений; распределение в зависимости от использования права на телефонные разговоры; распределение в зависимости от получения и отправления денежных переводов; распределение в зависимости от количества полученных посылок и передач; распределение в зависимости от количества полученных бандеролей; распределение в зависимости от количества предоставленных краткосрочных и длительных свиданий. *Цель:* дать развернутую характеристику осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. *Результаты:* рассмотрены особенности условий и места отбывания наказания, а также социальные связи анализируемой категории осужденных. *Выводы:* полученные сведения позволят повысить эффективность целей наказания при исполнении лишения свободы в исправительных колониях особого режима.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы; исправительные колонии особого режима; уголовно-исполнительная характеристика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Селиверстов В. И., Грушин Ф. В. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных, совершивших преступления при особо опасном рецидиве (условия и место отбывания наказания, социальные связи) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 131–143. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003.

Penal Characteristics of Particularly Dangerous Recidivists (Conditions and Place of Serving the Sentence, Social Ties)

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

FEDOR V. GRUSHIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,

fedor062@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>

Abstract

Introduction: the article analyzes penal characteristics of particularly dangerous recidivists who are held in special-regime correctional facilities on the basis of materials of the 2022 special census of convicts and persons in custody. Some features of the execution of imprisonment in these correctional institutions are shown. The article specifies distribution of convicts according to the time of transfer to the place of serving their sentence; duration of detention in a pre-trial detention center; conditions of serving the sentence; the place of serving the sentence; the number of correctional institutions; the use of the right to telephone conversations; the receipt and dispatch of money transfers; the number of parcels and transfers received; the number of book parcels received; and the number of short-term and long-term visitations allowed. *Purpose:* to provide a detailed analysis of penal characteristics of convicts held in special-regime correctional facilities. *Methods:* comparative law and empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, a legal-dogmatic method and a method of interpretation of legal norms. *Results:* the specifics of the conditions and place of serving a sentence and social ties of this category of convicts are described. *Conclusion:* the information obtained will make it possible to boost effectiveness of achieving the goals of punishment in the execution of imprisonment in special-regime correctional facilities.

Keywords: persons sentenced to imprisonment; special-regime correctional facilities; penal characteristics.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I., Grushin F.V. Penal characteristics of particularly dangerous recidivists (conditions and place of serving the sentence, social ties). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 131–143. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.003.

Введение

Рецидивная преступность всегда представляла повышенную угрозу для развития любого государства, в том числе и для Российской Федерации. Борьба с данным негативным явлением осуществляется на профилактическом, юридическом, организационном, социальном, религиозном и других уровнях. Одним из направлений в деле противодействия рецидивной преступности выступает проводимая государством уголовно-исполнительная политика.

Значимым в деле борьбы с рецидивной преступностью является установленный специальный порядок исполнения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления при особо опасном рецидиве. Для этой категории осужденных в уголовно-исполнительной системе созданы исправительные колонии особого режима, проблемам исполнения

наказания в которых посвящали свои работы специалисты в области уголовно-исполнительного права. Так, правовое положение осужденных анализировала С. В. Михеева [1], исправительное воздействие на осужденных с учетом применения различных средств исправления рассматривал С. Н. Бычков [2], проведение воспитательной работы с осужденными изучали Ю. Ю. Кучкарев и Э. В. Зауторова [3].

В целях эффективного исправления осужденных представляет определенный интерес их уголовно-исполнительная характеристика, выявленная в результате Девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в декабре 2022 г. [4]. В рамках данной статьи будут рассмотрены такие ее элементы, как условия и место отбывания наказания, а также социальные связи осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях особого режима.

Методика проведения исследования

Девятая специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, проводилась путем вне-сведения администрацией исправительных учреждений сведений о личности осужденных и содержащихся под стражей в специально разработанную компьютерную программу по показателям, заранее определенным в переписном листе. В исправительных колониях особого режима переписной лист был заполнен на каждого пятого осужденного, определенного методом случайной выборки.

Условия и место отбывания наказания на день переписи

По общему правилу на основании ч. 1 ст. 73 УИК РФ осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Однако ч. 4 указанной статьи для осужденных при особо опасном рецидиве преступлений устанавливает исключение, в соответствии с которым данная категория осужденных направляется для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с приказом Минюста России от 26.01.2018 № 17 «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» осужденные направляются для отбывания наказания не позднее 10 дней со дня получения администрацией СИЗО, исправительного учреждения, при котором создано помещение, функционирующее в режиме СИЗО, извещения о вступлении приговора суда в законную силу.

Учитывая отдаленность колоний особого режима, процесс этапирования из СИЗО может занимать определенное время, с возможностью временного содержания осужденных в транзитно-пересыльных пунктах ФСИН России. В соответствии с ч. 7 ст. 76 УИК РФ предельный срок содержания осужденных в таких пунктах составляет не более 20 суток.

По результатам переписи 2022 г. половина осужденных (51 %) рассматриваемой категории была этапирована к месту отбывания наказания в течение 10 дней (табл. 1).

Данные о распределении осужденных, которым назначено наказание с отбыванием в исправительной колонии особого режима, по времени их содержания в СИЗО после вступления приговора в законную силу, представлены в таблице 2.

В исправительных колониях особого режима для осужденных установлены обычные, облегченные и строгие условия отбывания наказания. Разделение осужденных по условиям отбывания наказания является реализацией принципа дифференциации ис-

полнения наказаний, предусмотренного ст. 8 УИК РФ, а также элементом прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания.

Таблица 1

Распределение осужденных в исправительных колониях особого режима в зависимости от срока этапирования к месту отбывания наказания (%)

Срок этапирования		
до 10 дней	свыше 10 дней до 1 месяца	свыше 1 месяца
50,9	33,9	15,2

Таблица 2

Продолжительность содержания в СИЗО осужденных, которым назначено отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима, после вступления приговора суда в законную силу (%)

Срок содержания в СИЗО	Перепись 2022 г.
До 10 дней	26,2
Свыше 10 дней до 1 месяца	30,8
Свыше 1 до 2 месяцев	8,8
Свыше 2 месяцев	7,8
Свыше 4 месяцев	26,4
Итого	100

Основная масса осужденных содержится непосредственно в исправительной колонии особого режима в трех видах условий. Вместе с тем есть незначительная часть осужденных, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, но которые содержатся в других учреждениях:

- в тюрьме (перевод злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания в порядке ст. 78 УИК РФ на срок до трех лет);
- в СИЗО (осужденные, которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания; осужденные, перемещаемые из одного места отбывания наказания в другое; осужденные оставленные в изоляторе или переведенные в него в порядке, установленном ст. 77.1 УИК РФ; осужденные на срок не свыше шести месяцев, оставленные в СИЗО с их согласия);
- в лечебном исправительном учреждении;
- в лечебно-профилактическом учреждении (табл. 3).

Таблица 3

*Распределение осужденных по условиям отбывания наказания
в исправительных колониях особого режима (%)*

Вид условий (места нахождения)	Перепись 1999 г.	Перепись 2009 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Обычные условия	36,8	47,8	63,4	80,5
Облегченные условия	6,3	13,8	11,6	10,1
Строгие условия	56,9	38,4	22,5	6,4
Льготные условия			-	0,1
В тюрьме на общем режиме			0,3	0,3
В тюрьме на строгом режиме			1,8	1,8
В колонии-поселении живет с семьей в собственном доме или на арендуемой жилплощади			-	0,1
Отбывает наказание в СИЗО			0,4	0,7
Итого	100	100	100	100

Как видно из таблицы 3, 97,5 % осужденных, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, содержатся в данном учреждении на тех или иных условиях: 63,4 % – содержится в обычных условиях отбывания наказания, 11,6 % – в облегченных и 22,5 % – в строгих.

Незначительное количество осужденных содержится в тюрьме, на строгом или общем режиме – 2,1 % (осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в период отбывания наказания в колонии особого режима и переведенные судом в тюрьму, в порядке ст. 78 УИК РФ, на срок до трех лет), а также в СИЗО – 0,4 %.

Если сопоставить осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, с другими осужденными мужчинами, отбывающими лишение свободы, то можно увидеть следующее:

– доля лиц, содержащихся в строгих условиях отбывания наказания, в колонии особого режима гораздо выше (в 3,5 раза), чем в остальных исправительных колониях;

– доля лиц, содержащихся в облегченных условиях отбывания наказания, в колонии особого режима чуть выше (на 1,5 %), чем в других исправительных учреждениях.

Если сопоставить условия отбывания наказания в динамике, то можно выявить тенденцию к постоян-

ному существенному сокращению доли лиц, содержащихся в строгих условиях: в 1999 г. доля таких лиц превышала половину от всех осужденных и составляла 56,9 %, в 2009 г. – 38,4 %, а в 2022 г. сократилась до 22,5 %, то есть более чем в два раза за двадцать три года. Соответственно, увеличивалась доля осужденных в иных условиях – в большей степени в обычных условиях и в меньшей в облегченных.

В дополнение к данным, указанным в таблице 3, представлена информация о распределении осужденных, которым назначено отбывание наказания в исправительных колониях особого режима, по учреждениям, в которых они находились на день переписи (табл. 4).

Осужденные, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, в силу различных обстоятельств (болезнь, этапирование и пр.) могут находиться в других учреждениях. Как видно из таблицы 4, существенных отличий с видом учреждения, в котором находились осужденные на день переписи, между колоний особого режима и другими учреждениями не наблюдается. Некоторая разница объясняется тем, что осужденные, которым назначено отбывание наказания в исправительной колонии особого режима, по действующему законодательству, не могут находиться в воспитательных колониях, колониях-поселениях и в СИЗО в качестве хозяйственной obsługi.

Таблица 4

Учреждение, в котором находились осужденные на день переписи (%)

Вид учреждения	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3
Воспитательные колонии	0,0	1,8

1	2	3
Исправительные колонии	91,3	79,6
Тюрьма	2,2	2,1
Колония-поселение	0,0	7,6
ЛПУ	0,8	1,3
ЛИУ	4,2	3,8
СИЗО (хозобслуга)	0,0	1,9
СИЗО, ПФРСИ (приговор вступил в силу, однако в ИУ осужденный еще не отправлен)	0,5	0,9
СИЗО, ПФРСИ (осужденный этапирован из ИК или оставлен там для производства следственных действий)	0,7	0,7
СИЗО (осужденному осталось отбывать менее 6 месяцев)	0,0	0,1
СИЗО (осужденный следует транзитом)	0,3	0,2
Итого	100	100

Весьма существенное значение имеют данные о месте содержания осужденных внутри исправительного учреждения

(табл. 5), так как позволяют сделать определенные выводы о характеристике осужденных.

Таблица 5

Место содержания на день переписи (%)

Место содержания	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
В общежитиях ВК, ИК, колонии-поселения	59,6	90,0
В помещении камерного типа ИК особого режима (в запираемых помещениях ИК общего и строгого режима)	34,9	3,1
В общей камере в тюрьме	1,7	1,9
В одиночной камере в тюрьме	0,6	0,2
В штрафном (дисциплинарном) изоляторе в ВК, ИК, колонии-поселении, в тюрьме	0,5	0,8
В порядке меры взыскания в одиночной камере ИК особого режима (в ИК общего, строгого режима – в помещении камерного типа)	0,7	1,6
В едином помещении камерного типа	0,5	0,2
В общежитии за пределами охраняемой зоны ИК и ВК	0,0	0,1
В собственной или на арендуемой жилплощади в колонии-поселении, ИК общего режима	0,0	0,0
В жилом помещении в ВК	0,0	0,1
В камере СИЗО, ПФРСИ	1,5	2,0
Итого	100	100

Как уже было отмечено, в исправительных колониях особого режима содержатся наиболее опасные преступники, в связи с этим установлено, что в строгих условиях осужденные проживают не в запираемых помещениях, а в помещениях камерного типа. Кроме того, вместо меры взыскания в виде перевода в помещение камерного типа предусмотрен перевод в одиночную камеру. Относительно других осужденных к лишению свободы в исправительных колониях особого режима гораздо больше доля лиц, отбывающих наказание в строгих условиях (в помещениях

камерного типа), – на 31,7 %. Данная категория осужденных характеризуется отрицательно и склонна к нарушению условий отбывания наказания. Вместе с тем доля лиц, к которым применяются такие взыскания, как водворение в штрафной изолятор и перевод в одиночную камеру (перевод в ПКТ), в колониях особого режима незначительно, но ниже.

Наукой уголовно-исполнительного права доказано, что чем дальше исправительное учреждение от места проживания и, соответственно, от родственников осужденного, тем сложнее ему сохранить соци-

ально полезные связи, которые положительно влияют на его исправление. В связи с этим законодатель в ст. 73 УИК РФ предусмотрел общее правило, согласно которому осужденные к лишению свободы отбывают

наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Представление о месте отбывания наказания дает таблица 6.

Таблица 6

Распределение осужденных в зависимости от места отбывания наказания (%)

Место отбывания наказания	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
В том районе (городе), где жил до ареста	4,9	7,7	25,2
Не в том районе (городе), но в том же субъекте Российской Федерации, где имел постоянное место жительства	33,0	28,8	49,5
В другом субъекте Российской Федерации по месту осуждения	3,2	3,8	4,2
В другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения	54,0	58,2	19,0
Не имел постоянного места жительства	4,9	1,5	2,1
Итого	100	100	100

К сожалению, нет данных по соотношению места отбывания наказания осужденного с местом его нахождения до осуждения по переписи 2009 г. Однако если сопоставить места отбывания наказания по переписям 1999 и 2022 г., то видны следующие позитивные тенденции:

- идет небольшое увеличение доли лиц, которые отбывают наказание в том районе (городе), где жили до ареста, – с 4,9 % в 1999 г. до 7,7 % в 2022 г.;

- достаточно существенно снизилась доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и не имевших постоянного места жительства до осуждения, – с 4,9 % в 1999 г. до 1,5 % в 2022 г.

Вместе с тем с негативной точки зрения можно констатировать, что с 54 % до 58,2 % увеличилась доля осужденных, которые отбывают наказание в другом субъекте Российской Федерации (не по месту жительства и не по месту осуждения). Данная категория осужденных находится в наиболее уязвимых условиях с точки зрения сохранения социально полезных связей. Вместе с тем высказываются позиции, согласно которым в отдельных случаях отбывание наказания не по месту жительства может положительно отразиться на осужденном. Например, С. М. Савушкин полагает, что «при отсутствии работы в колонии, где осужденный отбывает наказание, и при его согласии, возможно, было бы целесообразным направить его в другой регион» [5, с. 88].

Если сопоставить исправительные колонии особого режима с другими учреждениями, то видно, что осужденные в колониях особого режима гораздо в большей степени отбывают наказание за пределами субъекта Российской Федерации, в котором они жили

до осуждения. В исправительных колониях особого режима доля таких лиц достигает 62 %, а в остальных исправительных учреждениях – 23,2 %. Объяснение этому обстоятельству достаточно простое – колоний особого режима существенно меньше (по состоянию на 1 января 2023 г. – 35), чем общего (164) и строгого (251), а также колоний-поселений (94), то есть далеко не в каждом субъекте Российской Федерации имеются исправительные колонии особого режима.

Данные о месте отбывания лишения свободы наглядно характеризуют отмеченное в науке диалектическое противоречие. Общественная опасность лица, совершившего преступление при особо опасном рецидиве, его криминальная запущенность обуславливают необходимость усиленного воспитательного воздействия на него, в том числе и с помощью семьи, а экономические факторы, наоборот, диктуют в большей степени, чем для других категорий осужденных, территориальное отдаление осужденных от места постоянного жительства, где у осужденных (не у всех) остаются семьи.

Указанные данные необходимо учитывать при решении вопроса о месте открытия новых колоний особого режима, а также строительства учреждений объединенного типа, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

С местом отбывания наказания достаточно тесно связан вопрос перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое. В ряде случаев такой перевод стимулирует правопослушное поведение осужденного (в порядке изменения вида учреждения на основании ст. 78 УИК РФ в зависимости от

поведения), а в других случаях может оказывать негативное влияние (при переводе в другое исправительное учреждение с сохранением вида учреждения,

например, при закрытии колонии). Представление о количестве учреждений, в которых осужденный отбывал наказание, дает таблица 7.

Таблица 7

Распределение осужденных в зависимости от количества исправительных учреждений, в которых они отбывали наказание по данному приговору (%)

Количество исправительных учреждений, в которых осужденный отбывал наказание по данному приговору	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	72,8	54,5	56,8
2	17,5	29,6	23,3
3	5,9	9,5	6,7
4 и более	3,8	6,4	13,2
Итого	100	100	100

Если сопоставить места отбывания наказания по переписям 1999 и 2022 г., то видно, что доля лиц, отбывающих наказание в одном учреждении, существенно сократилась – с 72,8 % в 1999 г. до 54,5 % в 2022 г.

Социальные связи осужденных

Такая цель наказания, как исправление осужденных, достигается с помощью различных средств, основные из которых обозначены в ч. 2 ст. 9 УИК РФ: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Представляется, что одним из средств исправления осужденных является поддержание социальных связей с семьей, родственниками и другим позитивным окружением. В науке уголовно-исполнительного права предлагалось включить поддержание социальных связей осужденных в перечень основных средств исправления, предусмотренный в ч. 2 ст. 9 УИК РФ [6, с. 90]. Именно так поступил законодатель в Республике Казахстан (п. 3 ч. 1 ст. 7 УИК Республики Казахстан).

Поддержание социальных связей осужденных выражается в следующих аспектах отбывания наказания в виде лишения свободы:

- выезды за пределы исправительного учреждения;
- телефонные разговоры;
- получение денежных переводов;
- получение посылок, передач, бандеролей;
- краткосрочные и длительные свидания.

В отличие от осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, колониях-поселениях, исправительных колониях общего и строгого видов режима, осужденным в исправительной колонии особого режима выезды за пределы учреждения не предоставляются (ч. 3 ст. 97 УИК РФ). На основании ст. 92 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры. Законодатель формально не ограничивает количество данных разговоров, однако устанавливает, что при отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до двенадцати в год.

Представление о пользовании осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях особого режима, правом на телефонные разговоры дает таблица 8.

Таблица 8

Распределение осужденных в зависимости от использования права на телефонные разговоры (%)

Количество телефонных разговоров осужденных в год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1 раз	2,0	7,3	6,5
2 раза	0,7	7,0	5,9
3 раза	0,2	5,2	5,9
4 раза	0,2	6,9	7,4

1	2	3	4
Нет из-за того, что некому было звонить	5,1	4,9	1,6
Не было желания	40,0	14,9	9,3
Итого	100	100	100

Анализ данных о телефонных разговорах осужденных позволяет сделать вывод о явном прогрессе в данном направлении, связанном с оснащением практически всех исправительных учреждений средствами связи, что позволяет осужденным в полной мере реализовывать право на телефонные разговоры. За 23 года, прошедшие с переписи осужденных в 1999 г., доля осужденных, которые хоть раз за год воспользовались правом на телефонные разговоры, выросла с 3,2 до 78,8 %! При этом свыше половины осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях особого режима, совершают более четырех звонков в течение года. Если в 1999 г. доля осужденных, не воспользовавшихся правом на телефонные разговоры по причине отсутствия технических возможностей, составляла 50,2 %, то в 2022 г. – 0,6 %!

Если сопоставить исправительные колонии особого режима с другими учреждениями, то видно, что осужденные в колониях особого режима пользуются правом на телефонные разговоры несколько реже. Так, если доля осужденных в исправительных колониях особого режима, которые хоть раз за год воспользовались правом на телефонные разговоры,

составляет 78,8 %, в других учреждениях – 88,1 %. Ключевыми причинами, обусловившими меньшую востребованность телефонных разговоров в колониях особого режима, стали отсутствие желания звонить – 14,9 %, а также отсутствие лиц, которым можно было бы позвонить, – 4,9 %.

На основании ч. 5 ст. 91 УИК РФ осужденные к лишению свободы вправе получать переводы денежных средств. Кроме того, за счет средств, находящихся на лицевых счетах (деньги, заработанные в период отбывания наказания, пенсии, пособия и пр.), осужденные вправе осуществлять переводы денежных средств близким родственникам, а с разрешения администрации исправительного учреждения – иным лицам.

Денежные средства, которые осужденные получают переводами, нередко являются для них единственной возможностью приобрести продукты питания и предметы первой необходимости в магазине (интернет-магазине) исправительного учреждения, поскольку часть осужденных не обеспечена оплачиваемым трудом и, соответственно, не получает заработной платы (табл. 9).

Таблица 9

*Распределение осужденных
в зависимости от получения ими денежных переводов (%)*

Получение денежных переводов за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Да	7,1	42,5	41,9
Нет	92,9	57,5	58,1
Итого	100	100	100

Представление об осуществляемых осужденными, содержащимися в исправительных колониях

особого режима, переводах денежных средств дает таблица 10.

Таблица 10

*Распределение осужденных в зависимости
от отправления ими денежных переводов (%)*

Отправление денежных переводов за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
Да	1,6	15,9	15,0
Нет	98,4	84,1	85,0
Итого	100	100	100

Как видно из представленных данных, относительно переписи осужденных 1999 г. существенно выросла доля осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях особого режима и получающих переводы, – в 6 раз. Кроме того, в 9,9 раза выросла доля осужденных, отбывающих наказание в колониях особого режима и отправляющих переводы (как правило, родственникам). Наметившиеся тенденции стоит считать положительными, так как они свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении социальных связей осужденного с семьей, с другой – об улучшении трудовой занятости осужденных, а также материального положения их родственников.

Существенной разницы в получении и отправлении денежных средств между осужденными, содержащимися в исправительных колониях особого режима, и другими осужденными, отбывающими лишение свободы, не наблюдается.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 УИК РФ осужденным к лишению свободы разрешается получение посылок, передач и бандеролей. Их количество ограничено в

зависимости от вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания. В исправительных колониях особого режима осужденным, содержащимся в обычных условиях, разрешается получать три посылки или передачи и три бандероли в течение года; осужденным, содержащимся в облегченных условиях, – четыре посылки или передачи и четыре бандероли в течение года; осужденным, содержащимся в строгих условиях, – одну посылку или передачу и одну бандероль в течение года. В порядке поощрения (ст. 114 УИК РФ) осужденным в течение года может быть разрешено получение дополнительно до четырех посылок или передач. Кроме того, больные осужденные, осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, могут получать дополнительные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемом в соответствии с медицинским заключением.

Представление о количестве получаемых осужденными, содержащимися в исправительных колониях особого режима, посылок и передач дает таблица 11.

Таблица 11

Распределение осужденных в зависимости от количества полученных ими посылок и передач (%)

Количество полученных посылок и передач за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	-	29,1	16,9
2	-	20,8	17,9
3	-	10,6	18,2
4	-	5,3	13,5
5	-	2,4	4,7
6	-	1,3	2,9
7	-	0,4	1,5
8	-	0,6	1,0
9	-	0,1	0,5
10	-	0,2	0,4
11	-	0,0	0,2
12	-	0,2	0,9
0	54,0	29,0	21,4
Итого		100	100

Представление о количестве получаемых осужденными, содержащимися в исправительных ко-

лониях особого режима, бандеролей дает таблица 12.

Таблица 12

Распределение осужденных в зависимости от количества полученных ими бандеролей (%)

Количество полученных бандеролей за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1	-	17,1	13,3
2	-	6,1	6,4

1	2	3	4
3	-	1,3	3,1
4	-	0,6	2,2
5	-	0,1	0,3
6	-	0,1	0,2
7	-	0,0	0,0
8	-	0,0	0,0
9	-	0,0	0,0
10	-	0,0	0,0
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0	0,0
0	66,4	74,7	74,5
Итого		100	100

Как видно из приведенных данных, по переписи 2022 г. доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, которые не получили ни одной посылки или передачи в течение года, относительно переписи 1999 г. сократилась практически в два раза – с 54 до 29 %, что свидетельствует об улучшении социально полезных связей осужденных. Вместе с тем доля осужденных, которые в течение года не получили ни одной бандероли, несколько увеличилась – с 66,4 до 74,7 %. Данный факт можно объяснить падением интереса осужденных к получению бандеролей, вызванным изменением почтовых правил, исключивших направление в бандеролях продуктов питания (конфет, печенья и пр.).

Осужденные в исправительных колониях особого режима получают посылки, передачи и бандероли в меньшем количестве, чем осужденные из других исправительных учреждений, что объясняется в первую очередь большей степенью утраты социально полезных связей. Кроме того, в исправительных колониях особого режима законодательно предусмотрено минимальное количество разрешенных посылок, передач и бандеролей.

На основании ч. 1 ст. 89 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляются краткосроч-

ные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. Длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения осужденным в исправительных колониях особого режима не предоставляются. Свидания осужденных с родственниками или близкими лицами – это ключевой фактор, влияющий на поддержание осужденными социально полезных связей.

В течение года осужденным в исправительных колониях особого режима разрешается иметь: в обычных условиях – по два краткосрочных и длительных свидания; в облегченных условиях – по три краткосрочных и длительных свидания; в строгих условиях – два краткосрочных свидания и одно длительное. В порядке поощрения (ст. 114 УИК РФ) осужденному в течение года может быть предоставлено дополнительно до четырех краткосрочных или длительных свиданий.

Данные о количестве краткосрочных свиданий, проводимых с родственниками или иными лицами в присутствии представителя администрации исправительного учреждения, представлены в табл. 13.

Таблица 13

Распределение осужденных в зависимости от количества предоставленных им краткосрочных свиданий (%)

Количество краткосрочных свиданий за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	2	3	4
1	-	8,6	15,0
2	-	2,7	8,1
3	-	0,8	3,5
4	-	0,1	1,8
5	-	0,0	0,5
6	-	0,0	0,3
7	-	0,0	0,1
8	-	0,0	0,1
9	-	0,0	0,1
10	-	0,0	0,1

1	2	3	4
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0	0,3
0	85,5	87,8	70,1
Итого		100	100

Вызывает беспокойство, что подавляющее большинство (87,8 %) осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, свое право на краткосрочные свидания в течение 2022 г. вообще не реализовывали. Если сравнивать с другими учреждениями, то данный показатель выше (хуже) на 17,7 %. Из осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и воспользовавшихся правом на краткосрочное свидание, большинство имело лишь одно краткосрочное свидание в течение года.

Если сопоставить данные с переписью 1999 г., то доля осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима и не воспользовавшихся правом на краткосрочное свидание, практически не изменилась.

Длительные свидания предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), родителями, детьми, усыновителями, усыновленными, родными братьями и сестрами, дедушками, бабушками, внуками, а с разрешения начальника исправительного учреждения – с иными лицами (табл. 14).

Таблица 14

Количество длительных свиданий, предоставленных осужденным, содержащимся в исправительных колониях особого режима (%)

Количество длительных свиданий за год	Перепись 1999 г.	Перепись 2022 г.	
	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные в ИК особого режима	Осужденные мужчины, отбывающие лишение свободы в других ИУ
1	-	10,3	12,4
2	-	3,4	9,1
3	-	1,4	4,8
4	-	0,5	2,2
5	-	0,2	0,5
6	-	0,2	0,3
7	-	0,0	0,1
8	-	0,0	0,1
9	-	0,0	0,1
10	-	0,0	0,0
11	-	0,0	0,0
12	-	0,0	0,1
0	92,7	84,0	70,3
Итого		100	100

Доля осужденных, содержащихся в ИК особого режима и не реализовавших свое право на длительные свидания, также весьма высока (84 %), но чуть меньше (лучше) по сравнению с реализацией права на краткосрочные свидания – на 3,8 %. По сравнению с переписью 1999 г. доля осужденных, которые не воспользовались правом на длительные свидания, сократилась на 8,7 %. Если сравнивать с другими исправительными учреждениями, то доля осужденных, содержащихся в колониях особого режима и не реализовавших свое право на длительные свидания, выше на 13,7 %.

Чем же можно объяснить то, что осужденные столь редко пользуются краткосрочными и длительными свиданиями?

Во-первых, сказывается то зафиксированное переписью обстоятельство, что многие осужденные

отбывают наказание вдали от дома и семьи. Родственники и близкие зачастую не могут себе позволить (даже в рамках установленных УИК РФ норм) навещать осужденных по материальным соображениям либо в связи с состоянием здоровья, или по другим обстоятельствам.

Во-вторых, у части осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима, в силу рецидива преступлений и больших сроков наказания утрачены социально полезные связи с родственниками и близкими. Согласно переписи осужденных 2022 г. 69,9 % осужденных в колониях особого режима не состояли в браке, а у каждого двенадцатого (8,9 %) во время отбывания наказания распался зарегистрированный или гражданский брак [4, с. 12–13].

В-третьих, повлияло на данный результат развитие информационных технологий, в первую очередь теле-

фонной сети с предоставлением возможности пользования официальной и неофициальной (такое явление имеется в системе исправительных учреждений) телефонией. С более широким внедрением практики предоставления осужденным видеосвиданий не следует ожидать повышения роли традиционных свиданий в приоритетах осужденных и их родственников.

В-четвертых, следует учитывать ограничения, вводимые во время пандемии коронавируса. Несколько лет исправительные учреждения были закрыты для родственников по соображениям нераспространения эпидемии. И хотя в 2022 г. ограничения в предоставлении свиданий по данному основанию были сняты, в сознании осужденных и членов их семей сформировался алгоритм преимущественного поддержания связей более легким способом, а именно путем денежных переводов, посылок и телефонных разговоров.

Заключение

По сравнению с 1999 г. в 2022 г. увеличились доли осужденных, находящихся в обычных и облегченных условиях. Почти в три раза сократилась доля осужденных, находящихся в строгих условиях исправительных колоний особого режима. Все это свидетельствует не столько о более стабильном правопослушном поведении осужденных, сколько о реализации тенденции гуманизации обращения с осужденными.

По сравнению с 1999 г. имеется противоречивая (по некоторым показателям положительная, по отдельным показателям – отрицательная) динамика по такому показателю, как отбывание лишения свободы по месту жительства семьи осужденного. В статистике экономические факторы (небольшое количество исправительных колоний особого режима) в боль-

шей степени, чем для других категорий осужденных, определяют территориальное отдаление осужденных от места постоянного жительства.

По сравнению с 1999 г. также имеется положительная динамика в пользовании осужденными в исправительных колониях особого режима предоставленными законом возможностями по поддержанию социальных связей с семьей, родственниками и иным социально позитивным окружением. Однако зафиксированная переписью 2022 г. статика поддержания социально полезных связей, особенно использования права на краткосрочные и длительные свидания, свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер по поддержанию семейных отношений осужденных. Определенные шаги в этом предпринимаются: 12 марта 2025 г. на расширенном заседании коллегии директор ФСИН России А. Гостев отметил, что по итогам проведенной работы с осужденными, утратившими социально полезные связи, в 2024 г. семейные отношения возобновили более 2,4 тыс. чел.» [7].

Недостаточный уровень поддержания социально полезных связей осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима, с одной стороны, подтверждает актуальность усилий Российской Федерации по созданию службы пробации, призванной оказывать содействие в семейно-адаптационной, социально-психологической, профессиональной подготовке, трудовом и бытовом устройстве освобождаемых из мест лишения свободы лиц. С другой стороны, он свидетельствует о необходимости тонкой настройки механизмов пробации с учетом появляющегося практического опыта применения норм Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и предложений юридической науки [8, с. 196–201].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михеева С. В. Правовое положение осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 185 с.
2. Бычков С. Н. Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях особого режима: организационно-правовые вопросы и характерные особенности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 271 с.
3. Кучкарев Ю. Ю., Зауторова Э. В. Особенности воспитательной работы с осужденными в исправительных колониях особого режима // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей : сб. науч. ст. обучающихся Вологод. ин-та права и экономики ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2020. С. 136–140.
4. Грушин Ф. В., Маликова Н. Б. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях особого режима: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года. М., 2024. 88 с.
5. Савушкин С. М. Социальные связи осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 86–90.
6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.
7. Директор ФСИН России генерал внутренней службы Российской Федерации Аркадий Гостев провел расширенное заседание коллегии по итогам работы ведомства. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=795990 (дата обращения: 15.03.2025).
8. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–202.

REFERENCES

1. Mikheeva S.V. *Pravovoe polozhenie osuzhdennykh. soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: dis. ... kand. yurid. nauk* [The legal status of convicts held in special-regime correctional facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Samara. 2011. 185 p.

2. Bychkov S.N. *Ispolnenie ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: organizatsionno-pravovye voprosy i kharakternye osobennosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Execution of criminal punishment in the form of imprisonment in special-regime correctional facilities: organizational and legal issues and characteristic features: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg. 1996. 271 p.
3. Kuchkarev Yu.Yu., Zautorova E.V. Features of educational work with convicts in special-regime correctional facilities. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye problemy obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk: nauchnyi podkhod molodykh issledovatelei: sb. nauch. st. obuchayushchikhsya Vologod. in-ta prava i ekonomiki FSIN Rossii* [Actual problems of social sciences and humanities: the scientific approach of young researchers: collection of scientific articles by students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Vologda. 2020. Pp. 136–140. (In Russ.).
4. Grushin F.V., Malikova N.B. *Kharakteristika osuzhdennykh. otbyvayushchikh lishenie svobody v ispravitel'nykh koloniyakh osobogo rezhima: po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits. sodержashchikhsya pod strazhei, dekabr' 2022 goda* [Characteristics of convicts serving their sentences in special-regime correctional facilities: based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022]. Moscow. 2024. 88 p.
5. Savushkin S.M. Social connections of persons sentenced to the deprivation of freedom as a factor of their differentiation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*. 2021. no. 18. pp. 86–90. (In Russ.).
6. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and substantiation of theoretical modeling]. Moscow. 2017. 328 p.
7. *Direktor FSIN Rossii general vnutrennei sluzhby Rossiiskoi Federatsii Arkadii Gostev provel rasshirennoe zasedanie kollegii po itogam raboty vedomstva* [Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, General of the Internal Service of the Russian Federation Arkadii Gostev held an expanded board meeting on the results of the department's work]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=795990 (accessed March 15, 2025).
8. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2022. vol 16. no. 2. pp. 194–202. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, vis_home@list.ru<https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vis_home@list.ru<https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

FEDOR V. GRUSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Research Center No. 1 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, fedor062@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>

Статья поступила 17.03.2025

Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу отдельных вопросов теории и практики применения ст. 305 УК РФ. *Цель:* на основе обобщения теоретических положений уголовно-процессуальной науки и практики уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудных судебных актов показать проблемные моменты, влияющие на эффективность защиты интересов правосудия при раскрытии и расследовании данной категории преступлений. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ исследованного материала показал, что уголовно-правовые средства и процессуальные механизмы защиты интересов правосудия нуждаются в совершенствовании. *Выводы:* для повышения защиты интересов правосудия при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 305 УК РФ, требуются ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании судьи; дополнительное исследование вопросов о стадиях совершения данного преступления и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление; выявление его элементов и установление его совокупности с другими должностными преступными деяниями представителей судебной власти; предоставление судейскому сообществу и другим уполномоченным лицам возможности участия в уголовных делах данной категории с целью защиты интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: неправосудный судебный акт; заведомая неправосудность; уголовная ответственность судьи; уголовное преследование судьи; ст. 305 УК РФ; интересы правосудия; преступления против правосудия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Романенко Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Original article

The Interests of Justice as an Object of Criminal Law Protection in a Crime Provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation

NATAL'YA V. ROMANENKO

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Abstract

Introduction: the article analyzes certain issues of the theory and practice of applying Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Purpose:* based on the generalization of theoretical provisions of criminal procedure science and the practice of criminal prosecution of judges for making knowingly unlawful judicial acts, to show key problematic issues affecting the effectiveness

of protecting the interests of justice in the detection and investigation of this category of crimes. *Methods*: theoretical methods of formal and dialectical logic, historical, comparative legal, empirical methods of description, interpretation; private scientific methods, such as legal-dogmatic and interpretation of legal norms. *Results*: the analysis of the studied material has shown that criminal law tools and procedural mechanisms for protecting the interests of justice need to be improved. *Conclusion*: in order to enhance the protection of the interests of justice when considering cases of crimes provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to limit the dispositive principle in the criminal prosecution of a judge, to conduct additional research into the stages of committing this crime and the possibility of criminal prosecution for an unfinished crime; to identify its elements and to establish its combination with other official criminal acts of representatives of the judiciary; and to provide representatives of the judicial community and other authorized persons with the opportunity to participate in criminal cases of this category in order to protect the interests of the Russian Federation.

Key words: unlawful judicial act; deliberate unlawfulness; criminal liability of a judge; criminal prosecution of a judge; Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation; interests of justice; crimes against justice.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Romanenko N.V. The interests of justice as an object of criminal law protection in a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 144–156. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.004.

Статья 305 УК РФ: значимость и применимость

Правосудию в современном мире заслуженно отводится роль одного из самых эффективных способов защиты прав человека, и, по меткому выражению ученых, это «одна из тех высших социальных ценностей, которую человечество могло бы представить в свое оправдание на суде истории» [1, с. 13]. До последнего времени «суд и осуществляемое им правосудие являются одним из востребованных методов разрешения конфликтов на основе норм реального права» [2, с. 47]. Оно охватывает всю без исключения процессуальную деятельность вне зависимости от стадий и вида судопроизводства – «ибо только в таком случае судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, а не ее локальным свойством» [3, с. 46]. Оно является единственным способом реализации судебной власти как одного из видов власти государственной, причем ветви самой дружелюбной к человеку и гражданину, максимально ориентированной на обеспечение его интересов, в том числе от злоупотреблений представителями других ее ветвей.

Поэтому объяснимо, что его собственные интересы подлежат особой правовой охране, в том числе и силами уголовного закона, избравшего для таких целей в качестве щита гл. 31 УК РФ. Сегодня в ней содержится более двух десятков статей, в которых обозначены уголовно наказуемые деяния, посягающие на нормальное решение судом стоящих перед ним задач. Эти статьи «адресованы» самой разнообразной аудитории – от рядовых лиц, даже не вовлеченных в судопроизводство, до профессиональных его участников – следователей, дознавателей, прокуроров, адвокатов. Одна из них выделяется своим особым положением – это ст. 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта»).

Данная статья уникальна как по кругу субъектов (ибо предназначена только для «элиты» правоприменителей – самих вершителей правосудия), так и по порядку ее применения (которое в силу их особого

конституционно-правового статуса осуществляется всегда в особой процедуре, с учетом положений, предусмотренных гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»). Указанное преступное деяние предусмотрено только для судей и квалифицируется отдельно от других совершаемых ими должностных преступлений (например, злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или их превышения (ст. 286 УК РФ), получения взятки (ст. 290 УК РФ), посредничества во взятничестве (ст. 291.1 УК РФ), служебного подлога (ст. 292 УК РФ)), которые рассчитаны на более широкий круг субъектов. Заметим, что далеко не все должностные лица – прокуроры, адвокаты, депутаты, министры, нотариусы, уполномоченные и пр. – могут «похвастаться» наличием такого исключительного состава, предусмотренного только для них и ни для кого более.

«Элитарность» данной статьи обуславливает ее особое положение в ряду других статей УК РФ и нечастое по сравнению с ними применение. Для составления полного и объективного представления об особенностях уголовно-правовой охраны интересов правосудия как объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, нами было проведено самостоятельное исследование, результаты которого регулярно дополняются и частично излагались ранее [4; 5]. Исследовались материалы, содержащие свыше ста случаев уголовного преследования судей за вынесение заведомо неправосудного судебного акта в период 2002–2024 гг., начиная с момента инициации – получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи в квалификационной коллегии судей, в том числе 55 постановленных в отношении судей приговоров по ст. 305 УК РФ. Основное исследование проводилось в рамках работы над диссертацией по теме «Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации». Как показывает практика, случаи уголовного преследования судей

за вынесение заведомо неправосудных судебных актов встречаются примерно 3–5 раз в год, при этом, по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество осужденных по ней лиц еще меньше – 1–2 приговора в год. Конечно, это ничтожно малое количество по сравнению, например, с кражами, мошенничествами, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и пр., которых ежегодно в нашей стране совершаются десятки тысяч. В этой связи в теории и на практике нередко высказываются мнения о неприменимости ст. 305 УК РФ: «реальная практика применения данной нормы практически отсутствует» [6, с. 4], «статистика преступности в сфере правосудия свидетельствует о незначительной доле этих преступлений в общей совокупности преступности» [7, с. 4].

С мнением о бесполезности данной статьи трудно согласиться. Да, ст. 305 применяется намного реже, чем даже другие статьи гл. 31 УК РФ. Но подчеркнем, что ее применение не должно идти в сравнение с применением других, «массовых», статей УК РФ хотя бы из-за малочисленности субъекта преступления (доля судейского корпуса, без учета судей в отставке, по данным федеральных законов 2019–2023 гг. о федеральном бюджете на соответствующие календарные годы, от 29.12.1999 № 218-ФЗ об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации, в среднем сегодня составляет около 40 тыс. чел., то есть менее одного процента от всего населения страны). При этом следует учитывать не только количество постановленных по ст. 305 УК РФ приговоров, но и количество случаев иного завершения уголовного преследования (например, прекращения уголовного дела за давностью, по амнистии, в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием), а также случаев его неудавшейся инициации (отказа квалификационной коллегии судей в даче согласия на возбуждение уголовного дела в соответствии с положениями ст. 448 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», например, за отсутствием заведомого умысла в деянии судьи), что также часто встречается. По мнению ученых, «уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных решений реализуется далеко не всегда» [8, с. 22].

О повышенной значимости указанного посягательства для государства говорит и сам факт существования уголовной ответственности за вынесение неправосудных судебных решений во всех ранее действовавших образцах отечественного уголовного закона (ст. 114 УК РСФСР 1926 г., ст. 111 УК РСФСР 1922 г, ст. 177 УК РСФСР 1960 г.), где предусматривалась аналогичная сегодняшней ответственность судей за данное преступление. Но при этом в первых редакциях вместо условия заведомости эта статья устанавливала наличие у судей корыстной или иной личной цели, а также предусматривала более тяжелые санкции – «вплоть до расстрела».

Полагаем, что сколько веков существует само правосудие, столько же существует и антиправосудие, одним из первых примеров которого можно выделить

эпизод с Понтием Пилатом, принявшим «решение не по своему личному убеждению, а по настоянию толпы, требующей крови и казни» [3, с. 45]. Попытки недобросовестных сторон и некоторых судей «прогнать правосудие под себя» всегда были, есть и будут, и потому очевидно, что стражем надлежащего соблюдения интересов правосудия ст. 305 УК РФ должна оставаться всегда, выступая когда-то незримым, а когда-то вполне осязаемым хранителем его хрупкой сущности. Однако это не значит, что, хотя она изначально и не рассчитана на массовое использование, применение ее положений не сталкивается с проблемами. Многие из них связаны, по мнению ученых, с тем, что «в теории и практике не выработано научно обоснованных критериев квалификации содеянного по ст. 305 УК РФ» [6, с. 4]. К сожалению, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» обошел вниманием ст. 305 УК РФ [9, с. 268], очевидно, с учетом все тех же незначительных статистических показателей ее применения, которые не являются показателями ее реальной востребованности.

Можно отметить тенденцию последних лет, связанную со снижением количества выявляемых преступлений, предусмотренных ст. 305 УК РФ (в 2002–2015 гг. среди всех должностных преступлений судей оно занимало лидирующую позицию, составляя примерно 80 %). Сегодня же среди представителей судейского корпуса существенно увеличивается доля преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Но не думаем, что это связано с тем, что неправосудных решений стало выноситься меньше. Ученые, рассуждая в целом о направленных против правосудия преступлениях, отмечают их очень высокий уровень латентности («еще большее количество лиц, совершивших подобные деяния, остается вне поля зрения правоохранительных органов, так как данные преступления традиционно принято считать высоколатентными» [8, с. 22; 10, с. 6], «в действительности незаконных арестов, задержаний, вынесения неправосудных приговоров и пр. в реальности несравненно больше» [11, с. 602]), объясняя это рядом криминологических причин (эти преступления «не регистрируются, уголовные дела не возбуждаются и виновные часто остаются безнаказанными... доказать факт нарушения закона судьей очень трудно, а иногда и невозможно... даже зарегистрированные преступления сотрудников правоохранительных органов весьма редко передаются в суд, дело обычно ограничивается дисциплинарным взысканием или увольнением со службы... это объясняется как корпоративной, ложно понимаемой “солидарностью” юристов, снисходительно относящихся к нарушению законности своими коллегами, так и более опасными причинами: личными знакомствами в руководящих кругах, подкупом должностных лиц, криминальными связями» [11, с. 602]). Соглашаясь в целом с этими утверждениями, отметим, что с процессуальной точки зрения эти тезисы требуют более детальной аргументации.

Процессуальные механизмы защиты интересов правосудия

Одним из процессуальных способов защиты является возможность участия в деле в качестве потерпевшего со всеми правами, предоставляемыми ст. 42 УПК РФ. Однако данная статья не предусматривает возможности признания потерпевшим по уголовному делу публичных элементов, например Российской Федерации как носителя, чьим именем постановлен неправомерный судебный акт и чьим интересам вред причинен в первую очередь, а также не гарантирует участия в деле ее представителей (традиционно ими выступают органы прокуратуры). Формально потерпевшими в таких делах чаще всего признаются частные лица – физические или юридические, интересы которых непосредственно ущемлены неправомерным судебным актом. Как правило, это участники, не уведомленные о рассмотрении дела, не извещенные надлежащим образом о дате и времени судебного заседания, чьи права и интересы затронуты судебным актом, лишившиеся собственности, привлеченные к административной ответственности и др. Не бывает представителей потерпевших и от лица судейского сообщества, на чьи органы – советы, квалификационные коллегии судей и пр. – законом возложена задача утверждения авторитета судебной власти, обеспечения выполнения судьями требований, предъявляемых Кодексом судейской этики (п. 4 ст. 4 Российской Федерации от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»). А ведь авторитету судебной власти преступлением судьи, предусмотренным ст. 305 УК РФ, наносится тяжелейший ущерб:

– «указанные умышленные действия судьи Л. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти Российской Федерации, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново);

– «своими действиями судья Е. дважды грубо нарушила указанные выше нормы гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, подорвала авторитет судебной власти в государстве, нарушила нормальную работу органов правосудия, а также причинила вред законным интересам лиц в гражданском процессе» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2007 № УКПИ07-2 в отношении Е., судьи Трусовского районного суда г. Астрахани);

– «указанные умышленные действия судьи Х. повлекли существенное нарушение... охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в причинении ущерба репутации судьи, дискредитации и подрыве авторитета органов судебной власти, грубом нарушении регламентированной законом деятельности судов, что способствовало формированию в обществе негативного отношения к суду и судейской профессии»

(решение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № АКПИ23-732, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № АПЛ23-475 в отношении Х., мирового судьи судебного участка № 33 в границах административно-территориального образования г. Великие Луки Псковской области);

– «судья А. предвидел неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения установленного порядка осуществления судьей своих служебных полномочий по осуществлению правосудия и формирования у С. убеждения о коррумпированности органа судебной власти, подрыва авторитета и дискредитации последнего... Своими действиями судья А. существенно нарушил... охраняемые законом интересы государства, поскольку подорвал авторитет судебной власти, дискредитировал статус судьи и пренебрег присягой судьи» (решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2023 № АКПИ23-683, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2023 № АПЛ23-420 в отношении А., судьи Майкопского городского суда Республики Адыгея), и пр.

Трудно согласиться с тем, что формирование в обществе негативного мнения о судебной власти в государстве является «необоснованным домыслом обвинения, поскольку суду не представлено никаких доказательств того, что умышленно допущенные нарушения закона мировым судьей Ф. были преданы огласке среди населения и население выразило мнение о своем негативном отношении к судебной власти в стране» (приговор Тюменского областного суда от 30.07.2014 № 2-28/2014 в отношении Ф., мирового судьи судебного участка № 5 г. Тобольска). Каждый случай уголовного преследования судьи за любое преступление – это феномен, который всегда вызывает широкий общественный резонанс, воспринимается болезненно как нечто экстраординарное, требующее незамедлительного и адекватного реагирования, хотя население, как правило, и не выражает это активно (митингами, пикетами, протестами и пр.).

Другим способом защиты уголовно-правовых интересов является возможность обжалования судебного акта, затрагивающего интересы конкретного субъекта, даже если он не был привлечен к участию в деле. В соответствии с положениями процессуального законодательства к субъектам обжалования, помимо непосредственных участников правового спора, относятся также «иные лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы». В различных видах судопроизводства (ст. 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ, ст. 320, 376, 391.1 ГПК РФ, ст. 295, 318, 332 КАС РФ, ст. 42, 257, 273, 308.1 АПК РФ) они называются по-разному:

– «лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»;

– «другие лица, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями»;

– «лица, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом»;

– «другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами»;

– «лица, не участвовавшие в деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт».

Однако представители Российской Федерации либо судейского сообщества ни в одной из перечисленных статей не указаны прямо в числе субъектов апелляционного, кассационного или надзорного обжалования приговоров, постановленных по ст. 305 УК РФ за вынесение неправосудных судебных актов по уголовным, гражданским, административным, арбитражным делам.

Наконец, еще одним способом защиты публичных интересов (в том числе интересов правосудия) является право на обращение в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям. Ими наделены органы прокуратуры, которые уполномочены на совершение подобных действий в соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, ч. 1 ст. 39 КАС РФ, ч. 1 ст. 52 АПК РФ. Сложно представить, в каком размере денежного эквивалента вред, причиненный авторитету судебной власти, может быть компенсирован судьей, осужденным за совершение преступления, в том числе предусмотренного ст. 305 УК РФ. На практике иски о возмещении вреда, причиненного Российской Федерации вследствие умаления интересов правосудия, авторитета судебной власти, заявленные к осужденным по ст. 305 УК РФ судьям в ее интересах органами прокуратуры, также не встречаются.

Таким образом, процессуальные механизмы защиты интересов правосудия – основного объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, представляются сегодня довольно абстрактными.

Структура объекта преступного посягательства и характеристика его цели

Требуется уяснения также объект преступного посягательства, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с учетом того что в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации об этом не сказано («авторы разъяснений оказались столь искусными юристами, что смогли охарактеризовать составы преступлений, не упоминая объекта, против которого они направлены» [1, с. 14]).

Традиционно учеными в данном преступлении выделяются два объекта посягательства – основной и дополнительный. К основному относятся общественные отношения, обеспечивающие решение судом стоящих перед ним задач правосудия, к дополнительному – права, свободы и законные интересы сторон [12, с. 221; 13, с. 429]. Подчеркнем, что именно такая расстановка акцентов следует из сформулированной законодателем конструкции и расположения данной статьи: состав помещен именно в гл. 31, а, например, не в гл. 19 УК РФ («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»), где бы он мог звучать как «Нарушение права на судебную защиту путем вынесения судьей неправосудного судебного акта», то есть законодатель отводит интересам правосудия безусловный приоритет перед интересами личности.

В принципе, это характерно для всех статей гл. 31 УК РФ и для многих статей других глав кодекса. В то же время этот приоритет обособляет правосудие как объект уголовно-правовой охраны от государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступления против которых сосредоточены в гл. 30 УК РФ. Это выглядит логично с учетом того, что судья как субъект преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, государственным служащим не является, а занимает государственную должность – федеральную либо субъекта РФ. Однако при этом отмечается смешение объектов уголовно-правовой защиты всего раздела X («Преступления против государственной власти») и входящей в него гл. 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), из наименования которой упоминание о государственной власти следовало бы исключить. Также следствием этого является возможность установления совокупности преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, с преступлениями, предусмотренными в гл. 30 УК РФ.

Следует отметить, что участники процесса, будучи недовольными судебным решением, в любом случае стремятся обвинить судью в пристрастности, умышленном характере его неправомерных действий. При таких условиях справедливым выглядит утверждение, что «любое лицо, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом, следовательно, имело место совершение преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ» [14, с. 101]. Поэтому повышенный стандарт доказанности, обеспечиваемый признаком заведомости (по мнению ученых, этот признак обязывает правоприменителя установить не просто умысел, а «предшествующую ему осведомленность обвиняемого о каком-либо значимом обстоятельстве» [15, с. 73]), выглядит оправданно. Кроме того, отмеченная выше расстановка акцентов в диспозиции ст. 305 УК РФ и приоритет интересов правосудия над частными интересами участников судопроизводства не позволяют говорить о возможности уголовного преследования судьи за любое решение, которым оказывается недовольна одна из сторон.

Законодатель сегодня отказался от формулировки цели как необходимого признака данного преступления, освободив правоприменителя от необходимости ее выявления. Как видится, это является одним из серьезных упущений, поскольку от цели совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, зависит, надо ли выявлять в деянии судьи признаки других преступлений. Практика показывает, что цель совершения данного преступления в подавляющем большинстве случаев (около 80 %) корыстная [об этом мы также писали ранее – 16–18] (предполагается непосредственное получение вознаграждения в виде денежного эквивалента – взятки), то есть подкуп как основной способ оказания влияния на судью делает преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, преступлением коррупционной направленности [19,

с. 338] (последняя охватывает лишь те должностные преступления, совершение которых обусловливается подкупом должностных лиц). Это же подтверждается исследованиями других ученых: «мотивы вынесения заведомо неправосудных судебных актов в подавляющем большинстве случаев основаны на материальных потребностях субъектов (в том числе потребности в систематическом повышении уровня своего благосостояния, а также в стабильном заработке)» [8, с. 23; 20, с. 78]; «в случаях вынесения заведомо неправосудных судебных актов преобладают личные мотивы, связанные в большинстве случаев с коррупцией, с просьбами “высоких покровителей” виновных или с близкими отношениями с представителями преступного мира (что большей частью остается в тени)» [11, с. 604]. То есть в данном случае в деянии судьи должна усматриваться совокупность преступлений, предусмотренных ст. 305 и 290 УК РФ, а если при этом использовался поддельный протокол судебного заседания, которого в действительности не проводилось, то еще и ст. 292 УК РФ.

Кроме корыстной, возможна и иная личная заинтересованность. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также п. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами. Применительно к рассматриваемому преступлению это различного рода зависимость судьи от участников спора в силу ранее оказанных ими услуг, связанность определенными обязательствами перед ними, чувством невыплаченного долга и др. – и, как следствие, желание угодить, отблагодарить, воздать должное. Данный характер зависимости свидетельствует о наличии в деянии судьи признаков совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 и 285 (286) УК РФ (а также при наличии поддельного протокола дополнительно ст. 292). И лишь примерно в каждом десятом случае вынесение неправосудного судебного акта обусловлено исключительно ненадлежащей организацией работы, оно совершается с целью не допустить дальнейшего затягивания сроков рассмотрения дел, сократить количество находящихся в производстве дел, скрыть небрежность в своей работе и улучшить ее показатели во избежание неблагоприятных дисциплинарных последствий (в данном случае ст. 305 УК РФ применяется в «чистом виде» или в совокупности только со ст. 292 УК РФ).

Взаимообусловленность деяний, предусмотренных ст. 305 и 290 (а также 285, 286, 292 УК РФ) представляется очевидной, а установление этой взаимосвязи и назначение более строгого наказания за совокупность преступлений – необходимым условием надлежащей охраны интересов правосудия. Однако, не

будучи обязательно выявляемой, цель вынесения неправосудного судебного акта при расследовании данного преступления выявляется не всегда, и совокупность этого преступления с другими зачастую не устанавливается.

Ограничение диспозитивного начала в уголовном преследовании по ст. 305 УК РФ

Присутствие интересов правосудия – максимальной абстрагированной категории, ориентированной на неограниченный круг лиц, «целью которых является защита прав и свобод человека и гражданина» (обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), решение Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2019 № АКПИ19-35 и др.) – дополнительно сужает возможность реализации диспозитивного начала, и без того ограниченного в уголовном судопроизводстве, например примирения обвиняемого с потерпевшим. Оно допускается по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые (что вполне подходит под параметры деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ), и организуется только между судьей и потерпевшими – частными лицами: «Потерпевший полагает указанный приговор незаконным, так как в ходе судебного разбирательства не исследовались доказательства, он не был допрошен как подсудимый, не проводились прения сторон, ему не предоставлено право обратиться к суду с последним словом, приговор не провозглашался, в судебных заседаниях участия он не принимал. Но впоследствии судьей Л. ему в полной мере возмещен моральный вред в сумме 70 000 рублей, от исковых требований он отказывается» (приговор Фрунзенского районного суда г. Иваново от 05.09.2017 № 1-123/2016 в отношении Л., мирового судьи судебного участка № 5 Фрунзенского судебного района г. Иваново).

Этический аспект примирения вследствие возмещения в виде денежного эквивалента вреда, причиненного актом неправосудия, весьма сомнителен. И если потерпевший может определить достаточный для себя размер, исходя из собственного уровня притязательности и представлений о справедливости, то кто и в каком размере может определить размер морального вреда, причиненного Российской Федерации, и как судья, заглаживая вред, должен извиняться перед ней? Очевидно, что ответов на эти вопросы нет. Поэтому такое примирение больше напоминает «отступное» за легализацию преступного поведения представителя публичной власти по отношению к человеку и гражданину, за поправное право на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции Российской Федерации, чем достижение легитимного компромисса между равными сторонами уголовного-правового спора.

Цена сделки с правосудием, в каком бы размере она не назначалась, выглядит весьма цинично: «В ходе следующей встречи судья Г. пояснил ему, что он может вынести решение в пользу С., однако для этого ему необходимо передать 2 000 000 рублей, что являлось ценой за вынесение незаконного и неправосудного решения» (приговор Пролетарского районного суда Ростова-на-Дону от 19.07.2024 № 1-13/2024 в от-

ношении Г., судьи Темрюкского районного суда Краснодарского края).

Таким образом, возможно, удовлетворяя интересы дополнительного объекта преступного посягательства, такое примирение никак не компенсирует интересы основного объекта – правосудия, и даже при выполнении всех формальных условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, лишь подчеркивает его неуместность. Поэтому полагаем, что специфика объекта преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, должна влечь прямой запрет прекращения дела за примирением, деятельным раскаянием, судебным штрафом и по любым другим компромиссным основаниям. Позитивное посткриминальное поведение, которое требуется в большинстве этих случаев, может служить лишь смягчающим обстоятельством и уменьшить размер ответственности, но не освободить от нее.

Выявление интересов правосудия как объекта преступного посягательства в каждом преступлении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий

Не всегда интересы правосудия как объект преступного посягательства устанавливаются в преступном поведении судьи, связанном с исполнением должностных полномочий. Конституционный Суд Российской Федерации в известном постановлении от 18.10.2011 № 23-П («По делу о проверке конституционности положений ст. 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и п. 8 ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. Л. Панченко») подчеркнул, что преступлению, предусмотренному ст. 305 УК РФ, как правилу, сопутствует ряд других преступлений («Мошенничество» (ст. 159), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285), «Превышение должностных полномочий» (ст. 286), «Получение взятки» (ст. 290)). С одной стороны, это говорит о том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, крайне редко совершается как единичное, само по себе. Как справедливо отмечается учеными, многие незаконные действия «связаны с получением или покушением на получение взятки (главным образом за обещание прекратить уголовное дело, вынести оправдательный приговор, удовлетворить незаконное исковое требование и т. п.)» [11, с. 603]. При этом Верховный Суд Российской Федерации в определении от 09.12.2013 № 24-Д13-9 уточнил, что перечень приведенных выше Конституционным Судом Российской Федерации составов преступлений не является исчерпывающим, то есть отмеченные преступления совершаются в дополнение к вынесению заведомо неправосудного судебного акта чаще всего (хотя и не обязательно только они).

С другой стороны, вся противоправная деятельность, которая инициируется вокруг судьи, в связи с его служебными полномочиями, так или иначе ориентирована на принятие им неправосудного судебного акта. Судья, в соответствии со своим конституционно-правовым статусом, наделен только одной публичной функцией, направленной на реализацию су-

дебной власти, отправлением правосудия (в отличие, например, от сотрудника прокуратуры, в арсенале которого в соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» насчитывается более десяти властно-распорядительных полномочий надзорного и ненадзорного характера). Поэтому судья представляет собой объект преступного интереса не за «общее покровительство» или «общее попустительство», а лишь в связи со своей возможностью, злоупотребив должностными полномочиями, превысив их или действуя в соответствии с ними, принять решение в пользу того или иного участника процесса. Причем эти действия могут быть связаны как непосредственно с принятием судебного акта в рамках конкретного уголовного, гражданского или административного дела, находящегося в производстве судьи, так и с некоторыми организационными действиями, например, направленными на принятие дела к своему производству: «Адвокат К. обратилась к судье К. с предложением признать недопустимыми доказательствами первоначальные протоколы допросов Х. в качестве подготавливаемого и обвиняемого, в которых тот изобличал Д. в совершении преступлений... на что судья К. согласился, потребовав денежные средства в сумме 13 000 000 руб., из которых в сумме 4 000 000 руб. являлись гарантом принятия им уголовного дела к своему производству» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

Именно эта возможность притягивает к судье определенную категорию недобросовестных лиц, превращая его в «орудие» совершения преступления. В противном случае все преступное общение с судьей лишено какого-либо смысла. В одних ситуациях данные лица – представители сторон, адвокаты, просто знакомые, знакомые знакомых и пр. – могут склонять судью к противоправным действиям путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения или оказания иного давления, но чаще всего путем подкупа, обещания ему вознаграждения в той или иной незаконной форме (например, предлагая взятку). Иногда сам судья, не обладая необходимыми моральными качествами, может предложить это представителям сторон, например вымогать взятку (решение Квалификационной коллегии судей Свердловской области от 05.06.2018 об отставке судьи Арбитражного суда Свердловской области Г., решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 28.11.2018 о даче согласия на возбуждение уголовного дела, решение Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № АКПИ19-71, апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2019 № АПЛ19-153).

Признаки обусловленности взятки вынесением неправосудного судебного акта достаточно очевидны:

– «за полученную от Д. взятку судья Г. вынес по делу определение о введении процедуры наблюдения в отношении ООО и об утверждении временным управляющим П. и огласил его резолютивную часть, а затем изготовил в полном объеме данное (моти-

вированное) определение» (приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 11.04.2023 № 1-6/2023 в отношении Г., судьи Арбитражного суда Алтайского края);

– «судья А. предложил П. передать ему 100 тысяч рублей за вынесение решения об удовлетворении искового заявления. А. поставил условие, что положительное решение по иску будет вынесено после получения им в полном размере взятки. При таких обстоятельствах рассмотрение гражданского дела было отложено» (приговор Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2011 № УКПИ11-10 в отношении А., судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону);

– «судья К. в результате неоднократных переговоров... согласился на предложение. Таким образом, у него возник преступный умысел: признать недопустимыми доказательствами протоколы допроса Д. в качестве подозреваемого и обвиняемого, прекратить уголовное преследование А. и Д. в части совершения ими преступлений в составе организованной группы, квалифицировав их деяния как совершенные группой лиц по предварительному сговору, назначить минимально возможное наказание А. и Д. при отсутствии на то законных оснований, за что потребовал взятку в виде денег в сумме 13 000 000 руб., что является особо крупным размером» (приговор Московского областного суда от 28.08.2023 № 2-62/2023 в отношении К., судьи Лыткаринского городского суда Московской области).

В теории и практике устойчивым является мнение о необходимости установления в этих деяниях совокупности преступлений: «если вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или другого судебного акта связано с получением взятки, рассматриваемое общественно опасное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 УК и ст. 290 УК РФ» [21, с. 101]. Однако при этом получение взятки (ст. 290 УК РФ) идет основным составом (ежегодные отчеты о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания, отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам) (то есть деянием, которое было бы совершено в любом случае), а вынесение неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ) – дополнительным (то есть совершенным факультативно, которое могло бы быть, а могло и нет). Ученые определяют данную квалификацию как факультативную, надстроечную, необязательную: «дополнительная квалификация происходит тогда, когда уже установлено, что содеянное предусмотрено определенными составами преступления (определенным составом преступления), но этого еще недостаточно, чтобы дать окончательную уголовно-правовую оценку содеянного» [22, с. 119; 23].

Преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, не всегда является окончательным к моменту получения взятки или хотя бы ее части: достаточно часто стороны договариваются о полностью авансовой схеме – сначала вносится весь платеж незаконного вознаграждения,

а уже после полного расчета судья выполняет достигнутую договоренность и постановляет решение в интересах взяткодателя. Вследствие этого состав преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, выявляется не всегда, а значит, и совокупность преступлений в деянии судьи также не устанавливается. Как видится, это упущение является прямым следствием практической невозможности уголовного преследования за неоконченное преступление по ст. 305 УК РФ (см. ниже), а также дополнительного характера квалификации деяния, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и обеспечивает ненадлежащий уровень защиты интересов правосудия.

Неочевидность совершения преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ

Уголовное преследование судьи по любому преступлению отягощено процессуальными сложностями, предусмотренными гл. 52 УПК РФ и ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации». При преследовании по ст. 305 дополнительно в качестве осложняющих элементов добавляются условия неочевидности данного преступления. Ведь внешне все выглядит благополучно: судья занимается текущей повседневной работой – изучает материалы дел, проводит судебные заседания, дает поручения сотрудникам аппарата о подготовке запросов, уведомлений, извещений сторон, проектов документов, выносит и оглашает судебные акты и др. Да, возможно, к нему в кабинет заходят какие-то люди – участники спора, представители прокуратуры и адвокатуры, посетители, о чем-то они разговаривают за закрытыми дверями, наедине, но это в принципе не преступно. Нет насилия, угроз, незаконного проникновения в чужие помещения, нарушения общественного порядка, выражения неуважения к обществу и пр., то есть способ его совершения неочевиден. И лишь в случае задержания на месте преступления сотрудниками правоохранительных органов в ходе оперативного эксперимента становится известно о том, что эта благообразная с виду деятельность носила преступный характер.

Но такое бывает чаще всего при задержании в момент передачи предмета взятки или иного незаконного вознаграждения, то есть при совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 или 290 УК РФ. Отметим, что способ получения незаконного вознаграждения до настоящего времени чаще всего остается традиционным – передача наличных, при которой преступление пресекается, и в дальнейшем собирание доказательств тоже ориентировано на указанные составы преступлений. Помимо показаний свидетелей – взяткодателей, ими являются следующие доказательства:

– постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент»; рапорты о его результатах, согласно которым получены сведения о наличии в действиях судьи состава преступления; постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей; постановления о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности органа дознания, следователю или в суд; заявления лиц о

добровольном согласии на участие в оперативно-розыскных мероприятиях в целях выявления и пресечения преступной деятельности судьи;

- показания сотрудников ФСБ, участвовавших в задержании; показания присутствовавших при задержании понятых и представителей общественности;

- протоколы осмотров мобильных устройств, электронных носителей аудио- и видеозаписей переговоров о взятке, детализаций звонков с абонентских устройств, флэш-накопителей с записью камер видеонаблюдения;

- акты осмотра, обработки и выдачи денежных средств и муляжей денежных средств, протоколы обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с изъятием документов, предметов и материалов;

- заключения экспертиз (фоноскопических, лингвистических, криминалистических).

Материалы, которыми оформляется задержание с поличным, становятся одним из основных доказательств по ст. 290 или 159 УК РФ, но они не могут подтвердить вынесение неправосудного судебного акта. Не исключено, конечно, определенное пересечение доказательственных средств, но при этом невозможно использовать заложенный в институте задержания мощный ресурс внезапности, рассчитанный на неготовность контролируемого лица к вмешательству правоохранительных органов и его захвату с поличным. Отсюда складывается специфический набор доказательственных средств, применяемых при раскрытии и расследовании преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. В данной ситуации требуются иные средства доказывания: ими становятся показания (участников процесса, работников аппарата суда, председателя суда, других судей), протоколы осмотров документов, материалы находящиеся в производстве уголовных, гражданских, административных дел, а также иные документы – акты о назначении судьи на должность, о присвоении ему квалификационного класса, о прекращении его полномочий, акты вышестоящих судов об отмене принятого им судебного решения как неправосудного. Важным источником доказательств является сам протокол судебного заседания, которое в действительности не проводилось, – его можно расценить как вещественное доказательство.

Их собирание осуществляется несколько иначе, нежели собирание доказательств, изобличающих в получении взятки или иного незаконного вознаграждения. Как правило, здесь нет необходимости проводить обследования и обыски в служебных и жилых помещениях судьи, прослушивать его телефонные переговоры. Нельзя застичь судью в момент вынесения неправосудного судебного акта (особенно с учетом отсутствия однозначно определенного момента его вынесения). Практически ни одно из перечисленных выше доказательств не является прямым, а потому они должны собираться в достаточной совокупности. Однако в условиях ограниченности применяемого к судьям принуждения это собирание затруднено, и впоследствии, при оформлении пред-

ставления Председателя Следственного комитета Российской Федерации в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации о даче согласия на возбуждение уголовного дела, материалы, подтверждающие получение незаконного вознаграждения, предоставляются в достаточном объеме, а материалы, подтверждающие, что вознаграждение предлагалось за принятие неправосудного решения, и какого именно, по какому производству, в чью пользу, как правило, отсутствуют.

В большинстве ситуаций при их расследовании, если ст. 305 УК РФ идет не основным, а дополнительным составом, вопрос о возможности такой связи (совокупности) не исследуется вообще:

- Б. сообщил, что в случае вынесения решений, смягчающих уголовную ответственность, он готов передать судье денежное вознаграждение. В связи с вышеизложенным судья Т. решил получить через посредника взятку в особо крупном размере от родственников Б. за совершение входящих в его полномочия действий в интересах последнего. Судья Т. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Красноярского краевого суда от 29.12.2022 № 2-26/2022 в отношении Т., заместителя председателя Советского районного суда г. Красноярска);

- Д. в ходе неоднократных встреч с судьей С., с которым он поддерживал доверительные отношения, обращался к нему с просьбой об оказании содействия в решении вопроса о вынесении Волжским районным судом г. Саратова оправдательного приговора в отношении своего знакомого. С. решил создать уверенность в том, что он в связи с занимаемой им должностью судьи может, используя свое служебное положение, способствовать вынесению такого приговора за передачу ему денежных средств в сумме 15 млн. руб. Судья С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Пензенского областного суда от 21.03.2019 № 2-04/2018 в отношении С., судьи Саратовского областного суда);

- у судьи К. возник преступный умысел обеспечить вынесение определения об отказе в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, поступившего в Арбитражный суд г. Москвы, за денежное вознаграждение. Судья К. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ (приговор Симонковского районного суда г. Москвы от 12.07.2022 № 1-102/22 в отношении К., судьи Арбитражного суда г. Москвы);

- в производство судьи Р. поступило арбитражное дело по исковому заявлению «АР» к ООО «РБ». В период подготовки к рассмотрению данного арбитражного дела у него возник умысел на получение взятки за вынесение решения об отказе в удовлетворении исковых требований. Судья Р. осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (приговор Краснодарского краевого суда от 23.09.2015 № 2-29/2015 в отношении Р., судьи Арбитражного суда Краснодарского края).

В подобных случаях уголовное преследование по ст. 305 УК РФ оказывается в прямой зависимости от волеизъявления или возможностей правоохранительных органов, превращается в некое подобие частного обвинения: если есть достаточные данные – уголовное преследование состоится и согласие на

возбуждение уголовного дела у квалификационной коллегии судей будет испрашиваться, если нет – следственные органы ограничиваются лишь преследованием за получение взятки (мошенничество). Следует отметить, что разграничение ответственности судьи между ст. 290 и 159 УК РФ здесь проходит в зависимости от того, находилось ли дело, за решение по которому судья получил или намеревался получить незаконное вознаграждение, в его производстве. Если да, то есть судья имел реальную возможность законными или незаконными действиями такое решение принять, то он подлежит ответственности по ст. 290 УК РФ. Если судья путем обмана или злоупотребления доверием получил вознаграждение за содействие таким действиям, которые он не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения (дело находилось в производстве других судей, в том числе в суде вышестоящей инстанции, а он лишь обещал «помочь с решением вопроса»), содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (см. п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Однако объекты уголовно-правовой охраны здесь различные, и интересы правосудия ни ст. 290, ни тем более ст. 159 УК РФ, помещенной даже в другой раздел УК РФ – «Преступления в сфере экономики», не защищены. Кроме того, о необходимости ограничивать диспозитивное (частное) начало при преследовании за посягательство на интересы правосудия мы уже говорили выше.

Отсюда следует, что интересы правосудия требуют дополнительно выявлять и устанавливать признаки преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в любом преступном деянии судьи, связанном с исполнением должностных полномочий.

Ответственность за неоконченное деяние, предусмотренное ст. 305 УК РФ: возможна ли?

Другая причина того, что вынесение неправосудного судебного акта при наличии очевидных признаков данного преступления в вину судье не вменяется, в том, что преступление, предусмотренное ст. 305 УК РФ, как было отмечено выше, нередко до конца не доводится. Это может быть связано с пресечением получения незаконного вознаграждения, которое предназначалось судье за принятие незаконного решения. Но тогда ответственность за него должна наступать как за неоконченное деяние.

Однако вопрос об установлении стадии преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, ни в теории, ни на практике не рассматривается, хотя сам по себе умышленный характер данного деяния его не исключает. Отметим, что умысел судьи на принятие неправосудного судебного решения зарождается во время первых договоренностей со сторонами; конкретизируется при обсуждении «деталей» – сроков, сумм, способов возмещения вреда и пр., при принятии от участников без должной требовательности и в нарушение инструкций фиктивных документов и т.п.;

реализуется при распечатывании текста судебного решения, удостоверении его своей подписью и печатью суда; завершается при изготовлении, заверении и выдаче сторонам (исполнителям) копий незаконного судебного решения, даче поручений работникам аппарата изготовить задним числом подложный протокол судебного заседания и пр.

Например, «В период до 19 сентября к мировому судье А. обратилось неустановленное лицо с просьбой в нарушение установленного законом порядка признать гражданку В. собственником автомашины марки «БМВ Х5»... А., осознавая незаконный характер просьбы... ответил согласием, после чего получил сфальсифицированное исковое заявление... Подсудимый 19 сентября умышленно, с целью последующего вынесения заведомо неправосудного решения... вынес незаконное определение о принятии искового заявления к своему производству, возбуждая гражданское дело № 2-468... В тот же день, продолжая реализацию умысла на вынесение заведомо неправосудного решения... минуя обязательную стадию подготовки дела к разбирательству... вынес незаконное определение о назначении дела к судебному разбирательству... 24 сентября, реализуя умысел на вынесение заведомо неправосудного решения... вынес заведомо неправосудное решение, которым иск удовлетворил... В период с 24 сентября по 10 октября подсудимый изготовил копию заведомо неправосудного решения от 24 сентября по гражданскому делу № 2-468, снабдив ее личной подписью и оттиском печати мирового судьи, после чего передал неустановленному лицу для последующего предъявления в органы ГИБДД и регистрации транспортного средства» (приговор Свердловского областного суда от 27.07.2007 № 2-77/07 в отношении А., мирового судьи судебного участка № 2 Нижнесергинского района Свердловской области).

Конечно, эти обстоятельства в первую очередь характеризуют субъективную сторону – умысел, определяя его как заранее обдуманый (в отличие от возникшего внезапно) и конкретизированный (в отличие от неопределенного) [24, с. 90–92], но также говорят и о том, что планирование вынесения неправосудного судебного акта начинается задолго до его подписания, а само вынесение не случается одномоментно. Однако в уже отмеченном нами ранее постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по делу С. Л. Панченко была высказана правовая позиция, установившая недопустимость уголовного преследования судьи по ст. 305 УК РФ, если вынесенный им судебный акт вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке как неправосудный. Впоследствии эта позиция была отражена и в уголовно-процессуальном законодательстве: ст. 448 УПК РФ была дополнена частью восьмой аналогичного содержания (Федеральный закон от 05.04.2013 № 54-ФЗ). Ею была окончательно разрушена возможность выделения стадий преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, и привлечения к ответственности за приготовление к нему (по ч. 2) или покушение на него. Отметим, что ни в одном из исследованных нами случаев деяние, предусмо-

тренное ст. 305 УК РФ, не было квалифицировано со ссылкой на ст. 30 УК РФ (ни до 2011 г., ни тем более после), хотя предполагаем, что в такой ситуации случаев применения ст. 305 УК РФ было бы намного больше и сама дискуссия о ее «мертвом» характере сошла бы на нет.

Но если принятие судебного акта не было завершено по не зависящим от судьи причинам (например, в силу задержания на месте получения взятки за вынесение неправосудного судебного акта) либо уголовное преследование не инициировалось в силу процессуальных сложностей, особенностей доказывания и пр., то эти действия, направленные против интересов правосудия, остаются безнаказанными.

Заключение

Полагаем, что интересы правосудия как основного объекта уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном ст. 305 УК РФ, требуют более взвешенного подхода в правоприменительной деятельности: ограничения диспозитивного начала, дополнительного исследования вопросов о его стадиях и возможности уголовного преследования за неоконченное преступление, об установлении его совокупности с другими должностными преступными

деяниями, возможности участия в их защите представителям судейского сообщества и другим уполномоченным лицам.

Круг отмеченных проблем требует комплексного подхода к их решению с точки зрения теории уголовно-правовых наук, законодательства и практики его применения. В числе первоочередных мер видится необходимым конкретизировать диспозицию ст. 305 УК РФ, указав в ней, что неправосудность судебного акта должна быть установлена судом вышестоящей инстанции путем его отмены в предусмотренном процессуальным законом порядке, приведя ее тем самым в соответствие с ч. 8 ст. 448 УПК РФ, а также с отмеченной выше позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в постановлении от 18.10.2011 № 23-П. Такого же пристального внимания требует исследование вопросов об объективной и субъективной сторонах данного преступного деяния, санкциях и практике назначения наказания, об особенностях возбуждения, расследования и рассмотрения уголовных дел данной категории, проблемах дисциплинарной ответственности судьи, совершившего его, и вопросах прекращения его статуса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветков Ю. А. Что такое правосудие вообще и уголовное правосудие в частности // *Мировой судья*. 2023. № 12. С. 13–20.
2. Колоколов Н. А. Российское правосудие в условиях новой правовой реальности // *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики*. 2022. № 2. С. 47–56.
3. Бозров В. М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // *Российский судья*. 2020. № 2. С. 39–50.
4. Романенко Н. В. Вынесение приговора в отношении судьи // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2017. Вып. 2 (16). С. 53–60.
5. Романенко Н. В. Осуществление уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации: проблемные вопросы теории и правоприменительной практики. М., 2018. 416 с.
6. Карташов А. Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 171 с.
7. Титова А. В. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. 27 с.
8. Пономарев В. Г., Рожнов А. П. Вынесение заведомо неправосудного судебного акта (статья 305 УК РФ): криминологическая характеристика личности преступника // *Отечественная юриспруденция*. 2015. № 2 (2). С. 21–26.
9. Зенина Л. С. Вопросы разграничения вынесения заведомо неправосудного судебного решения с преступлениями против личности (статьи 128 и 154 УК РФ) // *Пробелы в российском законодательстве*. 2023. Т. 16, № 7. С. 267–272.
10. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.
11. Криминология : учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2022. 800 с.
12. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII. М., 2024. 276 с.
13. Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 505 с.
14. Иванов А. О. К вопросу об объективных признаках вынесения заведомо неправосудного судебного акта // *Сибирское юридическое обозрение*. 2011. № 14. С. 99–102.
15. Пикуров Н. И. «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2024. № 4 (117). С. 67–74.
16. Романенко Н. В. Проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности и применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, обладающих статусом судьи : моногр. М., 2017. 144 с.
17. Романенко Н. В. Организационно-правовая модель уголовного судопроизводства в отношении судей в Российской Федерации. М., 2020. 304 с.
18. Романенко Н. В. Судейская преступность в современной России: миф или реальность? // *Мировой судья*. 2017. № 7. С. 21–26.
19. Криминология : учеб. для вузов / под ред. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 544 с.
20. Идрисов К. Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного расследования и суда : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 262 с.

21. Павлов В. Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3. С. 87–116.
22. Зацепин А. М. Признаки дополнительной квалификации преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 116–122.
23. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: доктрина и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 490 с.
24. Джинджолия Р. С., Бабаев Р. Г., Бабаев Э. Р. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие. М., 2022. 334 с.

REFERENCES

1. Tsvetkov Iu.A. What is justice in general and criminal justice in particular. *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2023, no. 12, pp. 13–20. (In Russ.).
2. Kolokolov N.A. Russian justice in the conditions of a new legal reality. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki = Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 47–56. (In Russ.).
3. Bozrov V.M. The essence, content and form of justice in criminal cases in the Russian legal science: general and special. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2020, no. 2, pp. 39–50. (In Russ.).
4. Romanenko N.V. Sentencing in respect of judges. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 2 (16), pp. 53–60. (In Russ.).
5. Romanenko N.V. *Osushchestvlenie ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii: problemnye voprosy teorii i pravoprimeritel'noi praktiki* [The existence of criminal proceedings against judges in the Russian Federation: problematic issues of theory and law enforcement practice]. Moscow, 2018. 416 p.
6. Kartashov A.Iu. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: diss. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Stavropol, 2004. 171 p.
7. Titova A.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za vynesenie zavedomo nepravosudnykh prigovora, resheniya ili inogo sudebnogo akta: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for the imposition of knowingly unlawful sentences, decisions or other judicial act: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2010. 27 p.
8. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Pronouncing a deliberately unlawful judicial act (Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological characteristics of the criminal's personality. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Russian Jurisprudence*, 2015, no. 2 (2), pp. 21–26. (In Russ.).
9. Zenina L.S. Issues of distinguishing between the issuance of a deliberately unjust judicial decision and crimes against the person (articles 128 and 154 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 7, pp. 267–272. (In Russ.).
10. Lobanova L.V. *Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii* [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation]. Volgograd, 1999. 268 p.
11. *Kriminologiya: ucheb.* [Criminology: textbook]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Eminova V.E. Moscow, 2022. 800 p.
12. Lebedev V.M. *Kommentarii k Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v 4 tomakh. T. 4. Osobennaya chast'*. Razdely X–XII [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes. Vol. 4. Special part Sections X–XII]. Moscow, 2024. 276 p.
13. Borovikov V.B. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': ucheb. dlya vuzov* [Criminal law. Special part: textbook for universities]. Moscow, 2024. 505 p.
14. Ivanov A.O. On the issue of objective signs of a deliberately unlawful judicial act. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2011, no. 14, pp. 99–102. (In Russ.).
15. Pikurov N.I. Reliable knowledge as an element of the design of a criminal law norm: problems of qualification. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 4 (117), pp. 67–74. (In Russ.).
16. Romanenko N.V. *Problemnye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti i primeneniya mer ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii lits, obladayushchikh statusom sud'i: monogr.* [Problematic issues of the implementation of operational investigative activities and the application of measures of criminal procedural coercion against persons with the status of a judge (monograph)]. Moscow, 2017. 144 p.
17. Romanenko N.V. *Organizatsionno-pravovaya model' ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii sudei v Rossiiskoi Federatsii* [Organizational and legal model of criminal proceedings against judges in the Russian Federation]. Moscow, 2020. 304 p.
18. Romanenko N.V. Judicial crime in contemporary Russia: myth or reality? *Mirovoi sud'ya = Magistrate Judge*, 2017, no. 7, pp. 21–26. (In Russ.).
19. *Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov* [Criminology: textbook for universities]. Ed. by Malkov V.D. Moscow, 2011. 544 p.
20. Idrisov K.R. *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda: diss. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against justice committed by officials of the bodies of preliminary investigation and trial: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2007. 262 p.
21. Pavlov B.G. Qualification of crimes against justice with a special subject. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2007, no. 3, pp. 87–116. (In Russ.).
22. Zatselin A.M. Elements of additional qualification of crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 8, pp. 116–122. (In Russ.).
23. Zatselin A. M. *Dopolnitel'naya kvalifikatsiya prestupleniya: doktrina i praktika: dis. d-ra yurid. nauk* [Additional qualification of a crime: doctrine and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2022. 490 p. EDN GTDWXR.
24. Dzhindzholiya R.S., Babaev R.G., Babaev E.R. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie* [Criminal law. General part: textbook]. Moscow, 2022. 334 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА РОМАНЕНКО – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени А. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

NATAL'YA V. ROMANENKO – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after A.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, ksd@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8652-1728>

Статья поступила 17.02.2025

Научная статья

УДК 343.132 (575.2)

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005

Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВЮгорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
anisimov.vf@gmail.com**ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН**Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>**ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ**Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президен-
та Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru

Реферат

Введение: в настоящее время доказано, что использование медиативных процедур в различных сферах общественной жизни, как правило, характеризуется высокой степенью эффективности разрешения конфликтов. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства, которая также нуждается в дополнительных мерах по примирению представителей сторон обвинения и защиты с обязательным соблюдением прав и законных интересов каждого из них. Проблема регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики медиации как альтернативного и восстановительного способа разрешения уголовного дела, а также особенности ее применения в рамках конкретного уголовного дела составляют предмет настоящего исследования. *Цель:* на основе анализа нормативных актов Кыргызстана и России, практики применения медиации в уголовном процессе отдельных государств, трудов ученых-правоведов, официальных статистических данных выработать предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Кыргызстан по исследуемой проблематике. *Методы:* диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный, индукции, дедукции, анализа, синтеза и др. *Результаты исследования* подтверждают наличие недостатков в действующем законодательстве Кыргызстана в части отдельных особенностей регламентации осуществления медиативных процедур в уголовном процессе. Выявленные недостатки носят частный характер, а потому могут быть устранены без пересмотра системообразующих институтов уголовного права и процесса. *Выводы:* 1) одним из условий подтверждения необходимой квалификации медиатора является наличие высшего юридического образования; 2) медиативные функции наряду с профессиональным медиатором может выполнять должностное лицо правоохранительных и (или) судебных органов, осуществляющее производство по уголовному делу; 3) заключение медиативного соглашения не препятствует обвиняемому/подсудимому отказаться от признания отдельных имеющих юридическое значение обстоятельств и фактов, установленных по делу.

Ключевые слова: альтернативный способ; восстановительное правосудие; защита; медиация; медиатор; подозреваемый; обвиняемый; потерпевший; разрешение конфликта; суд.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Анисимов В. Ф., Лапшин В. Ф., Шамурзаев Т. Т. Современное состояние и пути совершенствования медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Current State and Ways to Improve Mediation in Criminal Proceedings of the Kyrgyz Republic

VALERII F. ANISIMOV

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. LAPSHIN

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Abstract

Introduction: it has now been proven that the use of mediation procedures in various spheres of public life, as a rule, is characterized by a high degree of effectiveness in conflict resolution. The sphere of criminal proceedings is no exception, which also needs additional measures to reconcile representatives of the prosecution and defense sides, with mandatory respect for the rights and legitimate interests of each of them. The problem of regulation in the criminal procedure legislation of the Kyrgyz Republic of mediation as an alternative and restorative method of resolving a criminal case, as well as the specifics of its application in a specific criminal case, is the subject of this study. *Purpose:* based on the analysis of normative acts of Kyrgyzstan and Russia, the practice of using mediation in the criminal process of individual states, the works of legal scholars, official statistical data, to develop proposals aimed at improving the criminal procedure legislation of the Republic of Kyrgyzstan on the issues under study. *Methods:* dialectical, comparative-legal, system-structural, induction, deduction, analysis, synthesis, etc. *The results* of the study confirm the existence of shortcomings in the current legislation of Kyrgyzstan in terms of certain features of the regulation of mediation procedures in criminal proceedings. The identified shortcomings are of a private nature, and therefore can be eliminated without reviewing the system-forming institutions of criminal law and the process. *Conclusions:* 1) one of the conditions for confirming necessary qualifications of a mediator is the availability of higher legal education; 2) mediation functions, along with a professional mediator, may be performed by a law enforcement official and (or) judicial authorities conducting criminal proceedings; 3) the conclusion of a mediation agreement does not prevent the accused / defendant from refusing to recognize certain legally significant circumstances and facts established in the case.

Keywords: alternative method; restorative justice; defense; mediation; mediator; suspect; the accused; victim; conflict resolution; court.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Anisimov V.F., Lapshin V.F., Shamurzaev T.T. Current state and ways to improve mediation in criminal proceedings of the Kyrgyz Republic. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 157–164. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.005.

Введение

Любое цивилизованное государство стремится обеспечить минимизацию негативных последствий, вызванных совершением преступления. Данное правило в равной степени касается как потерпевшего от преступной деятельности, так и лица, признаваемого виновным в совершении уголовно наказуемого деяния. В странах постсоветского пространства либерализация уголовной ответственности преимущественно осуществляется по пути смягчения наказания уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами регламентации. Это находит свое проявление, например, в виде включения в уголовные законы новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, введения новых видов освобождения

от уголовной ответственности и наказания, расширения возможностей судейского усмотрения при выборе вариантов смягчения мер ответственности, применяемых к осужденному. Примеры гуманизации условий исполнения наказаний также можно встретить в действующих уголовно-исполнительных законах стран бывшего СССР. Они, как правило, связаны с созданием условий для исполнения новых видов наказаний, не предполагающих изоляцию от общества, дифференцированного подхода к определению режима отбывания лишения свободы и др.

В то же время достаточно значительный потенциал экономии уголовной репрессии содержат институты современного уголовно-процессуального

права. Обеспечение надлежащего разрешения уголовного конфликта между потерпевшим и обвиняемым на уровне производства по уголовному делу, как представляется, является более эффективным решением в части соблюдения прав и законных интересов личности и обеспечения гуманизации мер уголовной ответственности без ущерба для достижения цели восстановления социальной справедливости (исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений). Поэтому медиация в уголовном процессе имеет достаточно большие перспективы с учетом имеющего место социального запроса.

Постановка вопроса о применении медиации в уголовном судопроизводстве Кыргызстана является актуальной и своевременной, поскольку данный метод разрешения дела не используется в правоприменительной деятельности.

В законодательстве Кыргызской Республики заложены основы для применения медиации как альтернативного способа разрешения конфликтов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. При этом в научной литературе доказывается значительная социальная польза от реализации медиативных механизмов именно в рамках уголовного судопроизводства [1, с. 122]. Мы полагаем, что введение медиации в уголовное судопроизводство позволит снизить производственную нагрузку на правоохранительные и судебные органы. В рамках судебной реформы Верховный суд Кыргызской Республики заявляет о резком росте количества уголовных дел, подлежащих рассмотрению в национальных судах различных инстанций. Если в 2020 г. количество уголовных дел составляло 125 тыс. 285 дел и судебных материалов, то по итогам 2024 г. уже 251 тыс. 62. Также, по данным высшей судебной инстанции Кыргызстана, количество дел, рассматриваемых судьей, выросло в 2–2,5 раза и до 85 дел в месяц. Например, в Ленинском районном суде Бишкека осуществляют правосудие 23 судьи. В данный суд за 2022 г. поступило 14 тыс. 783 дела и судебных материалов, за 2023 г. – 15 тыс. 304, а за 2024 г. – 23,5 тыс. Средняя нагрузка на одного судью составляет от 53 до 85 дел и судебных материалов в месяц, что на 35–65 единиц выше установленной нормы [2].

Согласно ч. 3 ст. 61 Конституции Кыргызской Республики государство обеспечивает развитие внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина. Правовое регулирование медиации закреплено в Законе Кыргызской Республики от 28.07.2017 № 161 (по сост. на 08.08.2023) «О медиации» (далее – Закон КР о медиации). Но институт медиации в уголовном процессе до настоящего времени не обеспечивает необходимое снижение нагрузки на органы судебной системы и прогнозируемую эффективность разрешения уголовно-правовой конфликта с соблюдением всех прав и законных интересов его сторон (преступник, потерпевший и др.) без прохождения всех стадий обычного порядка уголовного судопроизводства. Устранение данных барьеров в настоящее время яв-

ляется очередным социально значимым вызовом для уголовно-правовой науки.

Обсуждение

Оценка уголовно-процессуальной медиации в странах постсоветского пространства неоднозначна. Если, например, в Российской Федерации медиативные процедуры в рамках производства по уголовному делу пока еще являются только предметом научного диспута, то в Республике Кыргызстан медиация уже получила официальное признание и закрепление в системе институтов уголовно-процессуального права. В целом указанный институт достаточно положительно воспринимается в научной среде и, по мнению большинства исследователей, медиация в уголовном процессе будет способствовать совершенствованию института примирения сторон [3, с. 356].

Однако на основе анализа имеющихся в настоящее время исследований можно заключить, что среди ученых не достигнуто общего понимания сущности медиации в уголовном процессе. Подтверждением данного вывода являются неоднозначные толкования рассматриваемой категории. Так, Л. В. Головкич определяет медиацию как «любую процедуру, в рамках которой предоставляется возможность пострадавшему и правонарушителю с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принять активное участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления» [4, с. 128].

По мнению В. Н. Сизовой, медиация – это «упорядоченная совокупность определенных методов, используемых специальными субъектами – медиаторами – в целях достижения соглашения и разрешения по взаимному волеизъявлению конфликтующих сторон возникшего уголовно-правового конфликта применительно к строго обозначенной категории уголовных дел небольшой и средней степени тяжести» [5, с. 158].

По утверждению Л. А. Воскобитовой, медиация – это «основанная на законе возможность разрешать конфликты при помощи посредника наиболее приемлемым для сторон образом, влекущая заключение мирового соглашения или прекращение производства» [6, с. 65].

Л. Н. Симанович определяет медиацию по уголовным делам в качестве элемента восстановительного правосудия, посредством которого достигаются ускорение уголовного судопроизводства (*de lege ferenda*), финансовая экономия и эффективное восстановление нарушенных прав потерпевшего [7, с. 47].

Медиация в уголовном судопроизводстве, по мнению А. А. Арутюняна, является разновидностью особого (упрощенного) порядка рассмотрения уголовного дела. Ее применение содействует упрощению и, как следствие, в ряде случаев ускорению уголовного судопроизводства посредством отказа от уголовного преследования при наличии определенных условий или посредством внедрения дифференцированных процедур, направленных на разрешение уголовно-правового конфликта без проведения расследования и судебного разбирательства в общем порядке [8, с. 21].

Из предлагаемых российскими учеными научно обоснованных решений о целесообразности введения в уголовный процесс медиации как одного из средств эффективного разрешения уголовно-правового конфликта, законодатель ограничился применением данного процессуального института только в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» медиация применяется в спорах, которые возникают в рамках реализации преимущественно частноправовых отношений. Исключением из этого правила являются публичные правоотношения, реализуемые в ходе административного судопроизводства.

Указанный федеральный закон является нормативным актом, определяющим юридические основы возникновения и правила реализации медиативных процедур. Поэтому в случаях, не предусмотренных указанным нормативным актом, медиация становится возможной только при указании в ином федеральном законе на основание и порядок ее осуществления (ч. 1 ст. 3). Учитывая, что действующий УПК РФ не предусматривает возможность применения медиации, последняя не может применяться как самостоятельное средство урегулирования уголовно-процессуальных отношений.

Но категорично заявить об отсутствии признаков медиации в российском уголовно-производстве тоже было бы неверным, поскольку ст. 76 УК РФ предусматривает отдельный вид освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести. Основанием для такого освобождения является утрата лицом, совершившим преступление, общественной опасности, а условие для такого признания сводится к факту примирения с потерпевшим. Медиативные процедуры примирения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном кодексе не получили детальной регламентации, что можно рассматривать лишь как перспективную возможность законотворческой деятельности в части медиации в уголовном судопроизводстве. Пока же на роль медиаторов могут претендовать представители всех сторон правоотношения: суд, следователь, потерпевший, защитник, подозреваемый, обвиняемый и др. Ключевое значение отводится факту официального примирения подозреваемого/обвиняемого/подсудимого и потерпевшего, сопровождаемого заглаживанием вреда, причиненного в результате совершения преступления, то есть признаками, характерными для медиации.

Российская практика нормотворчества в части медиативных процедур в уголовном судопроизводстве пока не воспринимает зарубежный опыт: в настоящее время многие страны признают медиацию по уголовным делам как эффективную процедуру разрешения споров. Наиболее развит институт медиации в таких странах, как Япония, Корея, США, Великобритания, Германия, Австралия, Китай, Индия и др. [9, с. 90]. В 70-е годы прошлого столетия

в США в результате практикуемой общественными и религиозными организациями восстановительной работы с преступниками стали появляться различные программы примирения в уголовном судопроизводстве. Разработка и реализация программ восстановительного правосудия обеспечили эффективность применяемых уголовных и уголовно-процессуальных мер принуждения, что сопровождалось экономией уголовной репрессии и обеспечением восстановления прав и законных интересов потерпевшего от преступления. В течение двадцати лет медиативные инструменты были включены в уголовно-процессуальные законы большинства штатов [10, с. 202–204].

В первые годы на медиацию направлялись материалы по преступлениям небольшой тяжести, совершенные несовершеннолетними преступниками, в последнее время все сильнее обнаруживает себя иная тенденция: на медиацию чаще направляют материалы о преступлениях, более тяжких или совершенных взрослыми преступниками. При этом стоит отдельно отметить, что вышеуказанные нормы распространяются как на несовершеннолетних, так и на взрослых преступников. Особенностью содержания американского варианта медиации является то, что она рассматривается в качестве одного из видов процедур правосудия, а не средства примирения сторон на любой стадии уголовного судопроизводства. Это означает, что выполнение процессуальных мероприятий по программе медиации возможно только с момента поступления уголовного дела в суд для принятия решения по существу [10, с. 203].

Учитывая положительный опыт применения медиации на любой стадии производства по уголовному делу, законодатель Кыргызстана принял решение о пользе рецепции указанного института в национальное законодательство, в результате чего был принят Закон КР о медиации. Официальное содержание медиации определяется как процедура урегулирования спора при содействии медиатора (медиаторов) путем согласования интересов спорящих сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения (п. 1 ст. 2). Закон определяет основные юридически значимые составляющие медиации как межотраслевого правового института:

- принципы осуществления;
- правовой статус медиатора как участника специфических правоотношений в области семейного, трудового, уголовного и иного права;
- процедурные правила примирения конфликтующих сторон, включая медиативные особенности по некоторым категориям споров.

Анализ отдельных положений данного Закона позволяет выявить некоторые аспекты правовой регламентации, которые имеют небесспорный характер и (или) нуждаются в дополнительном уточнении. Прежде всего речь идет о требованиях, которые предъявляются к образованию медиатора. В соответствии п. 2 ч. 1 ст. 9 одним из условий приобретения указанного статуса является наличие высшего образования. Полагаем, что подобное положение требует

уточнения, поскольку очевиден факт наличия высшего образования в области юриспруденции, тогда как формально установленное законом условие может выполняться при наличии высшего образования любой специальности: гуманитарной, естественно-научной, технической и т. п. По справедливому мнению ряда исследователей, отсутствие у профессионального медиатора глубоких познаний в области юриспруденции может привести к негативным результатам реализации примирительных процедур, в том числе к нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [11, с. 393]. В связи с чем считаем целесообразным к требованиям, предъявляемым к медиаторам, отнести высшее юридическое образование как условие допуска к профессиональной деятельности.

Некоторую дискуссионность вызывают ограничения, которые вызваны должностным положением лица, претендующего на осуществление медиативных уголовно-процессуальных действий, то есть государственных или муниципальных служащих (п. 1 ч. 2 ст. 9). Данный запрет находит свою конкретизацию в ст. 26 Закона КР о медиации, в которой содержится описание уголовно-процессуальных статусов сторон. В частности, сторонами медиации в сфере уголовно-правовых отношений являются потерпевший и лицо, подозреваемое в совершении преступления, или лицо, отбывающее наказание. Факт участия в медиации в случае недостижения согласия по спору не может рассматриваться как отказ от обвинения или как признание вины. Не могут выступать в качестве медиатора в сфере уголовно-правовых отношений следователь, прокурор, судья, сотрудник уголовно-исполнительной системы и пробации, адвокат одной из сторон.

Логика законодателя в части установления такого запрета в целом понятна: медиатор должен быть независим, что предполагает отсутствие у него каких-либо обязательств, в том числе перед органами власти и управления. Включение его в состав Республиканского сообщества медиаторов (гл. 3) как раз и обеспечивает (по мнению законодателя) подобную независимость. Это позволяет провести аналогии с представителями адвокатуры, которые осуществляют функции профессиональных защитников в уголовном процессе на безвозмездной или договорной основе. Но применение правил, которые распространяются на деятельность адвоката в уголовном процессе, мало оправдано, так как не отвечает сути медиации как средства внесудебного урегулирования конфликта. Подтверждение высказанных сомнений можно найти в содержании базовых принципов, на которых строится проведение медиации, одним из которых является нейтральность медиатора (п. 3 ст. 3, ст. 6).

Нейтральность медиатора предполагает:

- беспристрастность;
- независимость от сторон медиативных процедур, органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, физических лиц;

– обеспечение равенства интересов конфликтующих сторон, исключаящее частные предпочтения и преференции.

Положения ст. 3 и 6 Закона КР о медиации исключают возможность инициирования и осуществления процедур медиации властными субъектами уголовного судопроизводства: судом, прокурором, следователем, руководителем следственного подразделения, органом дознания, по причине их принадлежности к органам государственной (судебной и исполнительной) власти. Кроме того, перечисленные субъекты, за исключением суда, представляют сторону обвинения, что формально указывает на отсутствие беспристрастности в уголовном процессе.

Подход, демонстрируемый законодателем Кыргызской Республики, носит сугубо формальный характер и потому создает неоправданные препятствия для эффективности применения медиации на любой стадии уголовного процесса, а также при исполнении назначенного наказания. Перечисленные субъекты уголовного процесса, в отличие, например, от представителей стороны защиты, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Кыргызстана (УПК КР) обязаны обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования всех обстоятельств дела (ст. 19), а не только тех, которые формируют доказательственную базу виновности подозреваемого и обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления. Беспристрастность суда вообще не может вызывать сомнений, поскольку он не принадлежит к какой-либо из сторон уголовного судопроизводства, а его независимость определяется одним из принципов уголовно-процессуального законодательства (ст. 9).

В этой части уместно привести пример российского уголовного судопроизводства, в котором официально не предусматривается медиатор как самостоятельный участник процессуальных отношений, но характерная для медиации задача – примирение с потерпевшим и экономия уголовной репрессии – реализуется через институты освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ) и прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Субъектами деятельности, направленной на разрешение конфликта, возникшего на основе факта совершения преступления и нарушения прав, свобод и (или) законных интересов потерпевшего, как раз являются перечисленные выше властные участники уголовного процесса, хотя объективность и непредвзятость их действий по примирению сторон под сомнение не ставится [12, с. 52].

Кроме этого, некоторые исследователи справедливо указывают на наличие нравственной составляющей в инициировании судом или субъектами предварительного расследования примирительных процедур между преступником и потерпевшим [13, с. 53]. По этой причине допущенное существенное сужение круга лиц, имеющих право реализовывать примирительные процедуры в ходе производства по уголовному делу, а равно при исполнении назна-

ченного наказания, нам видится неоправданным ни с правовой, ни с социальной точек зрения.

Неоправданные коллизии имеют место в нормах УПК КР и Закона КР о медиации, которые определяют правовое содержание медиации. Так, согласно ч. 3 ст. 26 Закона КР о медиации для участия в медиации стороны должны соглашаться с обстоятельствами, установленными в ходе производства по уголовному делу. Медиация как способ разрешения уголовного дела преследует задачу достижения сторонами взаимоприемлемого способа разрешения конфликта. При этом подозреваемый (обвиняемый), потерпевший могут и не соглашаться с обстоятельствами дела, выполняя при этом обязательства, связанные с процедурой медиации (возмещать причиненный вред и т. д.). В этой части мы вновь наблюдаем приоритет создания «формальной чистоты» уголовного преследования, которая сводится к закреплению в какой-то степени вынужденного согласия сторон отказаться от своих претензий на защиту прав и законных интересов в пользу принятия решения о прекращении уголовного судопроизводства в связи с примирением сторон. В то же время истинной задачей медиации является обеспечение обвиняемым и иными лицами восстановления всех нарушенных прав и законных интересов потерпевшему, в результате чего последний не настаивает на реализации уголовной ответственности в полном объеме и не видит при этом несправедливости в принимаемом решении по делу. Учитывая данные обстоятельства, полагаем, что установление условия реализации медиативных процедур, предусмотренного ч. 3 ст. 26 указанного закона, не отвечает действительному социально-правовому содержанию медиации. На этом основании указанное положение целесообразно исключить для обеспечения эффективности деятельности по примирению сторон уголовного судопроизводства.

Судя по официальным статистическим данным, медиация в уголовном судопроизводстве не нашла должной востребованности, несмотря на свой высокий социально-правовой потенциал как средства экономии уголовной репрессии. Новейшие научные исследования свидетельствуют, что в настоящее время количество ежегодно заключаемых медиативных соглашений не превышает ста, из которых только пятая часть (21 %) – по уголовным делам, находящимся в производстве суда. Приблизительно треть (27 %) от общего числа медиативных процедур не имеет положительного результата, так как стороны не приходят к решению о возможности заключить медиативные соглашения с последующим отка-

зом от продолжения уголовного преследования [14, с. 358]. Возможно, перечисленные обстоятельства и выступают основными препятствиями для широкого применения уголовно-процессуальной медиации в Кыргызстане.

Заключение

Медиация как институт уголовно-процессуального права Кыргызской Республики имеет значительные перспективы для развития, прежде всего, по причине обеспечения экономии уголовной репрессии и эффективности решения социально значимых задач: восстановление нарушенных прав потерпевшего, инициативное заглаживание лицом, совершившим преступление, причиненного вреда, высокая степень воспитательного воздействия на общество и др.

Для масштабирования практики успешной реализации медиативных процедур в законодательство Кыргызстана необходимо внести ряд изменений и дополнений, направленных на создание дополнительных условий для качественного выполнения функций медиатора и включение дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Для этого необходимо реализовать следующие законодательные решения:

1. Одним из требований, которые предъявляются к кандидату на получение статуса «медиатор», должно являться наличие высшего юридического образования. Образование по иным специальностям не гарантирует наличие достаточных знаний, умений и навыков, необходимых для квалифицированного разрешения юридических споров.

2. Функции медиатора в уголовном процессе может выполнять не только официальный представитель Республиканского сообщества медиаторов, но и должностные лица правоохранительных и судебных органов, осуществляющих производство по делу. Необходимые правовые гарантии надлежащего выполнения ими указанных функций лежат в основе их правового (уголовно-процессуального) статуса.

3. Заключение медиативного соглашения, констатирующего факт примирения с потерпевшим, не может создавать ограничения или препятствия для отказа обвиняемого от некоторых установленных по делу фактов и обстоятельств, имеющих юридическое значение. Признание всех инкриминируемых обвиняемому обстоятельств, полученных в процессе реализации уголовного преследования, не может быть условием освобождения от уголовной ответственности и формировать сущность института уголовно-процессуальной медиации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Салмина С. Г. К вопросу об институте медиации в уголовном процессе // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 122–125.
2. Обзор Верховного суда Кыргызской Республики за 2020–2024 гг. Сколько в год рассматривается дел в судах? Цифры растут. URL: <https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut> (дата обращения: 12.03.2025).

3. Петухов И. И. Эвристический потенциал медиации в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2016. С. 355–360.
4. Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.
5. Сизова В. Н. Медиация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 156–158.
6. Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. Вып. 6. М., 2006. С. 65–73.
7. Симанович Л. Н. Перспективы применения института медиации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые основы обеспечения национальной безопасности. 2018. № 3 (23). С. 46–50.
8. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
9. Липка Д. В. Медиация в зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 6. С. 88–93.
10. Василенко А. С. Медиация в уголовном процессе США // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2. С. 202–208.
11. Иванушкина Ю. А., Худойкина Т. В. Актуальные проблемы применения процедуры медиации в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 11. С. 392–395.
12. Яцененко Б. В. Уголовно-правовая природа усмотрения // Уголовное право. 2024. № 3. С. 50–58.
13. Рябинина Т. К., Грохотова Е. А. Нравственная характеристика примирительной процедуры в частном обвинении // Юридический мир. 2014. № 5. С. 51–53.
14. Турсунбаева Н. С. Медиация в Кыргызской Республике: принцип добровольности // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 11. С. 354–360.

REFERENCES

1. Salmina S.G. On mediation institute in criminal procedure. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, 2017, no. 1 (44), pp. 122–125. (In Russ.).
2. *Obzor Verkhovnogo suda Kyrgyzskoi Respubliki za 2020–2024 gg. Skol'ko v god rassmatrivaetsya del v sudakh? Tsifry rastut* [Review of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic for 2020–2024. How many cases are considered in the courts per year? The numbers are growing]. Available at: <https://sot.kg/post/skolko-v-god-rassmatrivaetsya-del-v-sudah-tsifry-rastut-ezhegodno> (accessed March 12, 2025).
3. Petukhov I.I. *Evristicheskiy potentsial meditsii v ugovnom protsesse Respubliki Belarus'* [Heuristic potential of mediation in the criminal process of the Republic of Belarus]. Minsk, 2016. Pp. 355–360.
4. Golovko L.V. Institute of criminal law mediation and its prospects in the Russian Federation. *Zakon = Law*, 2009, no. 4, pp. 127–135. (In Russ.).
5. Sizova V.N. Mediation in criminal law: issues of definition of the concept. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3 (31), pp. 156–158. (In Russ.).
6. Voskobitova L.A. The model law of the subject of the Russian Federation “On the Reconciliation Service”. In: *Vestnik vosstanovitel'nogo pravosudiya. Vyp. 6* [Bulletin of Restorative Justice. Issue 6]. Moscow, 2006. Pp. 65–73. (In Russ.).
7. Simanovich L.N. Prospects of using the institution of mediation in criminal proceedings of the Russian Federation. *Pravovye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti = Legal Foundations of National Security*, 2018, no. 3 (23), pp. 46–50. (In Russ.).
8. Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation in criminal proceedings: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2012. 32 p.
9. Lipka D.V. Mediation in foreign countries. *Pravo i upravlenie = Law and Management*, 2023, no. 6. S. 88–93. (In Russ.).
10. Vasilenko A.S. Mediation in the criminal process of the USA. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 2012, no. 2, pp. 202–208. (In Russ.).
11. Ivanushkina Yu.A., Khudoikina T.V. Actual problems of application of mediation procedure in the Russian Federation. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2018, vol. 4, no. 11, pp. 392–395. (In Russ.).
12. Yatselenko B.V. The criminal-legal nature of discretion. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2024, no. 3, pp. 50–58. (In Russ.).
13. Ryabinina T.K., Grokhotova E.A. Moral characteristics of the conciliation procedure in private prosecution. *Yuridicheskii mir = Legal World*, 2014, no. 5, pp. 51–53. (In Russ.).
14. Tursunbaeva N.S. Mediation in the kyrgyz republic: the principle of voluntariness. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2024, vol. 10, no. 11, pp. 354–360. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ ФИЛИППОВИЧ АНИСИМОВ – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, anisimov.vf@gmail.com

VALERII F. ANISIMOV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, anisimov.vf@gmail.com

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

ТААЛАЙБЕК ТУРСУНОВИЧ ШАМУРЗАЕВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, taalha@mail.ru

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

TAALAIBEK T. SHAMURZAEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, taalha@mail.ru

Статья поступила 18.03.2025

Научная статья

УДК 342.95

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006

Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>**ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ**Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы содержания и реализации законодательства, устанавливающего компенсацию за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, раскрываются социально-правовое значение и особенности данного межотраслевого правового института. *Цель:* на основе анализа законодательного регулирования и практики присуждения компенсации за ненадлежащие условия содержания установить имеющиеся правовые проблемы в данной области и предложить меры по их решению. *Методы:* формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой. *Результаты:* выявлен ряд проблем в исследуемой области (в административном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует требование предварительного досудебного обжалования нарушений условий содержания; не сформулированы четкие критерии для разграничения нарушений условий содержания и иных нарушений, существенных и малозначительных нарушений, критерии определения размеров денежной компенсации; законодательно не определены особенности обеспечения условий содержания подозреваемых и обвиняемых при их конвоировании в спецавтомобилях и спецвагонах; затруднены сбор и обеспечение сохранности доказательств для опровержения фактов нарушений, имевших место задолго до поступления иска в суд; отсутствует единообразная судебная практика относительно применения срока исковой давности; имеют место правонарушающее поведение самих осужденных (подозреваемых, обвиняемых) и злоупотребление с их стороны правом на обращение в суд); сформулирован ряд предложений (обеспечить неукоснительное и объективное применение правовых норм о сроках исковой давности; законодательно закрепить виды нарушений условий содержания, порядок определения размера компенсации, требование предварительного досудебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц, приведших к нарушению условий содержания; предусмотреть возможность подачи самостоятельного административного иска только о присуждении компенсации). *Выводы:* правовой институт компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении получил подробную правовую регламентацию, однако в соответствующей сфере остается ряд проблем, требующих своего решения; повышению эффективности реализации данного института будут способствовать организация мониторинга выявляемых нарушений и проведение соответствующей профилактической работы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; следственный изолятор; исправительное учреждение; условия содержания; административное судопроизводство; взыскание компенсации.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Старостин С. А., Голодов П. В. Компенсация за ненадлежащие условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: проблемы законодательства и практики // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 165–172. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006.

Compensation for Poor Conditions of Detention in Penitentiary Institutions of the Russian Federation: Problems of Legislation and Practice

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

PAVEL V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Abstract

Introduction: the article discusses certain issues of the content and implementation of legislation establishing compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation, reveals socio-legal significance and features of the intersectoral legal institution under consideration. *Purpose:* based on the analysis of legislative regulation and the practice of awarding compensation for poor conditions of detention, to identify existing legal problems in this area and propose measures to solve them. *Methods:* formal-logical, system-structural and comparative-legal methods. *Results:* we have identified a number of problems in the area under study (administrative and penal legislation do not require a preliminary pre-trial appeal of the violation of detention conditions; there are no clear criteria for distinguishing violations of detention conditions and other violations, significant and minor violations, criteria for determining the amount of monetary compensation; legislation does not define the specifics of ensuring detention conditions for the suspected and accused during their transportation in special vehicles and special wagons; it is difficult to collect and secure evidence to refute violations that had occurred long before the claim was filed in court; there is no uniform judicial practice regarding the application of the statute of limitations; the convicted, suspected and accused abuse their right to appeal to the court). A number of proposals are formulated (to ensure strict and objective application of legal norms on the limitation period; to legislate types of detention conditions violations, the procedure for determining the compensation amount, and the requirement of a preliminary pre-trial appeal against officials' actions (inaction) resulting in the violation of detention conditions; to provide for the possibility of filing an independent administrative claim only for compensation). *Conclusion:* the legal institution for the compensation for the violation of detention conditions is legally regulated, but there are problems to be addressed; monitoring of detected violations and carrying out appropriate preventive work will contribute to improving the effectiveness of its implementation.

Key words: penal system; pre-trial detention center; correctional institution; detention conditions; administrative proceedings; recovery of compensation.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Starostin S.A., Golodov P.V. Compensation for poor conditions of detention in penitentiary institutions of the Russian Federation: problems of legislation and practice. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 165–172. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.006.

Введение

Охрана государством достоинства личности закреплена в Конституции Российской Федерации. Ничто не может быть основанием для его умаления. Вместе с тем в современных реалиях еще имеют место факты нарушения данного конституционного требования. Не является исключением и деятельность, связанная с реализацией уголовной ответственности и применением мер уголовно-процессуального

принуждения. Особую значимость приобретают нарушения, выражающиеся в ненадлежащих условиях содержания под стражей лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, а также осужденных в местах лишения свободы. Их допущение негативно сказывается на состоянии законности и правопорядка в уголовно-исполнительной сфере, обеспечении прав и свобод лиц, подвергшихся уголовному преследованию, наносит серьезный вред

авторитету государственной власти вообще и уголовно-исполнительной системы (УИС) в частности.

Наиболее распространенными нарушениями условий содержания являются переполненность и неудовлетворительное санитарное состояние помещений исправительных учреждений и следственных изоляторов, плохое сантехническое оборудование, нахождение в одном жилом помещении здоровых и больных людей, курящих и некурящих лиц, сложности с лечением и лекарственным обеспечением, низкое качество пищи, невыдача вещевого имущества, нарушение права на личную безопасность и ряд других. При этом следует учитывать, что понятие условий содержания в законодательстве не раскрывается и исчерпывающий систематизированный перечень их не приводится. Верховный Суд Российской Федерации рассматривает эти условия в широком смысле, выводя их за пределы регулирования исключительно уголовно-исполнительного законодательства (например, право на юридическую помощь, доступ к правосудию и др.) [1]. Более того, предоставление отдельным лицам незаконных привилегий и льгот также может свидетельствовать о нарушении названных выше условий.

В последние годы на государственно-правовом уровне предпринят ряд мер по приближению условий содержания в учреждениях УИС к международным стандартам и предотвращению их нарушения. В числе таких мер наряду с сокращением численности «тюремного населения», увеличением финансирования УИС, развитием институтов государственного и общественного контроля можно назвать создание на национальном уровне действенного механизма судебно-правовой защиты от нарушений, связанных с необеспечением надлежащих условий содержания. Данный механизм введен Федеральным законом от 27.12.2019 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 494-ФЗ) и предусматривает право лиц, находящихся в учреждениях УИС, получить компенсацию за нарушение условий содержания под стражей (содержания в исправительных учреждениях) за счет средств федерального бюджета на основании судебного решения, принятого в порядке административного судопроизводства [2].

Общая характеристика института компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении

Институт компенсации за нарушение условий содержания предусмотрен ст. 17 и 17.1 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 12.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ и ст. 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (КАС РФ). Указанными нормами установлено право подозреваемых, обвиняемых и осужденных на получение компенсации, а также регламентированы особенности подачи и рассмотрения требований о присуждении компенсации.

В соответствии с положениями КАС РФ административное исковое заявление подается не позднее

трех месяцев со дня нарушения. Административное исковое заявление может подать как административный истец, так и его представитель, самостоятельно определяя подсудность дела (ч. 4 ст. 24 КАС РФ). Административными ответчиками, как правило, выступают целый перечень субъектов, основным из которых является ФСИН России как главный распорядитель средств федерального бюджета. Компенсация присуждается с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий.

Особенности работы с требованиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных о взыскании компенсации за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС

При работе с требованиями о взыскании компенсаций за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС следует учитывать возможность злоупотребления со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных правом на подачу административного иска. Побуждают к таким действиям желание и реальный шанс получить денежную компенсацию за действия, которые сотрудники ФСИН России не в силах опровергнуть ввиду невозможности доказывания и которых в действительности не было [3]. Поэтому осужденные находят основания для подачи административного иска, нередко указывая на те нарушения условий содержания, опровергнуть которые достаточно сложно (неприятный запах в спальных помещениях, плохое качество воды, повышенный уровень шума и т. п.) [4], либо жалуются на текущие (несущественные) несоответствия условий содержания, оперативное устранение которых не представляется возможным в силу существования для этого регламентированных процедур (например, процедура заключения государственного контракта). В определенной мере это обусловлено отсутствием мер ответственности за злоупотребление правом при подаче административного искового заявления.

Административные истцы часто пропускают либо умышленно затягивают сроки обращения в суд. Однако суды восстанавливают сроки давности, считая доводы представителей административных ответчиков несостоятельными. По прошествии нескольких лет с момента нарушения ответчик не всегда имеет возможность представить необходимые доказательства [5]. При этом несвоевременность обращения осужденного за восстановлением нарушенных прав и получением компенсации не всегда связана с трудностями в сборе доказательств, подтверждающих факт нарушения, в условиях пребывания в изоляции, а бывает обусловлена лишь возникшим желанием получить компенсацию после своего освобождения.

О злоупотреблении правом на получение компенсации за ненадлежащие условия содержания могут свидетельствовать и факт повторного обращения осужденного в суд с административным иском, а также отсутствие предварительных жалоб осужденного, что косвенно говорит о том, что у административного истца нет цели добиваться устранения нарушения его прав (целью является получение денежной компенсации).

Изучение судебной практики демонстрирует, что достаточность денежных средств для устранения нарушений условий содержания, конструктивные особенности зданий и сооружений учреждений УИС, проведение реконструкции зданий не принимаются судами в качестве достаточного доказательства, свидетельствующего о наличии чрезвычайных или непредвиденных обстоятельств. При этом суды учитывают данные объективные факторы, но лишь в совокупности с принятыми мерами по устранению нарушений.

В судебной практике встречаются ситуации, когда суд исходит не только из факта конкретного нарушения условий содержания, а рассматривает его с учетом совокупности иных сопутствующих обстоятельств, усугубляющих положение истца. Например, размещение некурящего лица в камере с курящими будет признано судебными инстанциями нарушением условий содержания при наличии у истца заболевания дыхательной системы. Здесь следует принимать во внимание возможность прямого применения правового принципа гуманизма в сфере правоотношений, возникающих при размещении подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах принудительного содержания [6; 7]. При вынесении решения по результатам рассмотрения административного иска судом могут учитываться и такие сопутствующие обстоятельства, как несоблюдение нормы санитарной площади камер, время года, особенности климата по месту дислокации учреждения УИС и др.

Проблемным моментом, на наш взгляд, является отсутствие законодательного закрепления критериев и правовых последствий признания нарушения условий содержания в учреждении УИС малозначительным. Например, жалобы поступают на неприятный запах в спальнях помещениях, повышенный уровень шума, лай собаки за окном или дым, исходящий из трубы здания бани [4]. Даже при фактическом наличии и подтверждении факта нарушения условий содержания (например, представление прокуратуры об устранении нарушений уголовно-исполнительного законодательства) суды принимают в расчет отсутствие доказательств того, что данные нарушения повлекли существенные негативные последствия для осужденного (подозреваемого, обвиняемого). В решении Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 20.07.2020 № 2А-1095/2020 указано, что сам по себе факт содержания в условиях, не соответствующих надлежащим условиям содержания, без установления конкретных фактов, которые бы свидетельствовали о каких-либо негативных последствиях такого содержания для истца, не может являться основанием для привлечения ответчиков к ответственности.

Суды, делая вывод о недоказанности нарушения прав осужденного, нередко ссылаются на то, что осужденный в период отбывания наказания не жаловался на нарушение условий содержания [8; 9]. Отсутствие жалоб, с одной стороны, говорит о незначительности нарушения для осужденного, с другой – не позволяет администрации учреждения сво-

евременно выявлять и устранять нарушения, а также документально их фиксировать.

Администрациями учреждений УИС постепенно вырабатывается комплексный подход к формированию доказательной базы [4]. Набор доказательств специфичен для каждой конкретной ситуации (нарушения условий содержания) и поэтому должен составляться с учетом ее особенностей. Сбор доказательств направлен на опровержение доводов административного истца в полном объеме или в определенной части как применительно к самому факту нарушения, так и к его объему, продолжительности, уровню негативного влияния и имевших место последствий с учетом наличия обстоятельств непреодолимой силы, объективно существующих сопутствующих факторов (недостаточность финансирования, проведение ремонтов и т. п.), а также характеристик и специфики поведения самих осужденных (порча имущества, курение в неразрешенных местах, состояние здоровья, постановка на профучет и т. п.). Чаще всего суды основывают решения о присуждении компенсации за ненадлежащие условия содержания на факте наличия и содержании актов прокурорских проверок (представлений прокуратуры), имеющихся в материалах дела или инициативно истребуемых в органах прокуратуры. В силу ст. 61 КАС РФ обстоятельства административного дела, которые согласно закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими иными доказательствами (например, оспариваемый факт ненадлежащего оказания осужденному медицинской помощи может быть опровергнут результатами судебно-медицинской экспертизы, а не показаниями медицинского работника исправительного учреждения и составленными им медицинскими документами).

В соответствии ч. 1 ст. 62 КАС РФ лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений. В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47 разъяснено, что в силу ч. 2 и 3 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания соблюдения надлежащих условий содержания лишенных свободы лиц возлагается на административного ответчика – соответствующий орган или учреждение, должностное лицо, которому следует подтверждать факты, обосновывающие возражения. Вместе с тем административному истцу надлежит в административном исковом заявлении, а также при рассмотрении дела представлять (сообщать) суду сведения о том, какие права, свободы и законные интересы лица, обратившегося в суд, или лица, в интересах которого подано административное исковое заявление, нарушены, излагать доводы, обосновывающие заявленные требования, прилагать имеющиеся соответствующие документы, в частности описания условий содержания, медицинские заключения, обращения в органы государственной власти и учреждения, ответы на такие обращения, документы, содержащие сведения о лицах, осуществлявших общественный контроль, а также о лишенных свободы лицах, кото-

рые могут быть допрошены в качестве свидетелей, если таковые имеются (Апелляционное определение Вологодского областного суда от 31.05.2022 № 33а-2124/2022 (дело № 2а-815/2022). Одних показаний административного истца недостаточно для установления факта нарушения условий его содержания, он должен конкретизировать факты, указанные им в административном исковом заявлении: когда именно имели место данные нарушения, сообщал ли он о них сотрудникам учреждения, если сообщал, то кому именно, каким образом фиксировались его сообщения, принимались ли какие-либо меры по его заявлениям (Решение Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 20.07.2020 № 2А-1095/2020). Следовательно, административный истец должен доказуемо подтвердить факт нарушения условий содержания.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 227 КАС РФ в случае удовлетворения административного иска суд указывает на необходимость устранения административных ответчиком допущенных нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца [10]. Вместе с тем на практике суды нередко ограничиваются лишь признанием незаконными действий (бездействий) административных ответчиков, а также присуждением компенсации, что влечет за собой дальнейшее несоответствие условий содержания установленным законом требованиям и, как следствие, дальнейшее нарушение прав, свобод и законных интересов административных истцов [11]. В связи с этим особую актуальность приобретают профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин нарушений, развитие системы взаимодействия с иными правоохранительными органами, а также совершенствование системы учета и документирования состояния условий содержания в учреждениях УИС.

Основные проблемы и предложения по совершенствованию законодательства

В практике деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов возникает немало проблем, связанных с применением норм, регламентирующих вопросы присуждения компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении в соответствии со ст. 227.1 КАС РФ. В частности, в административном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует требование предварительного досудебного обжалования нарушений условий содержания; не выработаны четкие критерии для разграничения нарушений условий содержания и иных нарушений, существенных и малозначительных нарушений, критерии определения размеров денежной компенсации; законодательно не определены особенности обеспечения условий содержания подозреваемых и обвиняемых при их конвоировании в спецавтомобилях и спецвагонах (в основном применяются подзаконные нормативные правовые акты); затруднены сбор и обеспечение сохранности доказательств для опровержения фактов нарушений, имевших место задолго до поступления иска в суд; отсутствует единая судебная практика относительно при-

менения срока исковой давности, предусмотренного ст. 219 КАС РФ; имеют место правонарушающее поведение самих осужденных (подозреваемых, обвиняемых) и злоупотребление с их стороны правом на обращение в суд и др.

Одной из самых распространенных процессуальных проблем является фактическое нивелирование ст. 219 КАС РФ, которой предусмотрен трехмесячный срок для подачи административного искового заявления в порядке ст. 227.1 КАС РФ, поскольку суды не рассматривают пропуск срока исковой давности в качестве самостоятельного основания для отказа в удовлетворении искового заявления и нередко восстанавливают пропущенные сроки [12]. Такая возможность предусмотрена п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 47, признающим длящийся характер нарушений условий содержания в местах лишения свободы и право административного истца на обращение в суд в течение всего срока нахождения в учреждении УИС, а также в течение трех месяцев по убытии из учреждения. Данная правовая проблема ставит в невыгодное положение административного ответчика в процессе сбора доказательств и доказывания в ситуациях, когда с момента предполагаемого нарушения условий содержания прошел значительный период времени: документы и иные свидетельства о реальном состоянии условий содержания к моменту рассмотрения административного спора могут быть уже утрачены (сроки хранения документов истекли, сотрудники – потенциальные свидетели уволились и т. п.).

В связи с этим считаем, что обеспечение безусловного применения срока обращения с иском заявлением могло бы исключить злоупотребление правом на обращение в суд со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых, особенно если очевиден момент окончания нарушения (например, в случае перевода осужденного (подозреваемого, обвиняемого) из исправительного учреждения (следственного изолятора), при содержании в котором имело место нарушение, в другое учреждение либо из одного отряда (отделения, участка, иного подразделения) в другой). Вместе с тем существует иная позиция, согласно которой к материальным правоотношениям, связанным с нарушением условий содержания под стражей, имевшим место до вступления в силу Закона № 494-ФЗ, применяются правила исчисления сроков исковой давности по требованиям о защите личных неимущественных прав, предусмотренным абз. 2 ст. 208 ГК РФ, то есть сроки исковой давности не применяются вне зависимости от того, вступил ли в силу Закон 494-ФЗ к моменту подачи соответствующего искового заявления (например, Кассационное определение СК по административным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2024 по делу № 8а-9434/2024) [13].

Анализ судебной практики по рассмотрению дел об установлении компенсации за нарушение условий содержания в учреждениях УИС демонстрирует, что размеры сумм денежных компенсаций, фактически присуждаемых в пользу административных истцов,

существенно различаются в зависимости от региона даже по схожим по содержанию и продолжительности нарушениям. Данное положение вещей обусловлено наличием конкретной региональной судебной практики при отсутствии нормативно закреплённых критериев и процедуры определения размеров компенсаций. В связи с этим полагаем возможным законодательное установление предельных или даже фиксированных размеров компенсаций в зависимости от вида допущенного нарушения. Детальная категоризация нарушений условий содержания в исправительных учреждениях и следственных изоляторах представляется непростой задачей ввиду множественности правовых источников в данной области, а также существенных отличий одних и тех же по составу нарушений в зависимости от их продолжительности, обстоятельств, при которых они были допущены, и наступивших последствий. Тем не менее систематизация перечня условий содержания, нарушение которых влечёт право осуждённого на обращение в суд с требованием о присуждении компенсации, видится целесообразной (например, в рамках ст. 12.1 УИК РФ и ст. 17.1 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

Наиболее существенными по своему характеру нарушениями, предельный (фиксированный) размер компенсации по которым должен быть установлен на максимальном уровне, следовало бы признать нарушения следующих прав осуждённых, подозреваемых и обвиняемых: на охрану здоровья (медицинское лечение и лекарственное обеспечение), обеспечение средствами реабилитации инвалидов, получение квалифицированной юридической помощи, личную безопасность (в том числе защиту от жестокого обращения (пытки) и ущемления человеческого достоинства), свидания с родственниками, а также религиозных прав и права на доступ к правосудию, прав, связанных с материально-бытовым обеспечением осуждённых беременных женщин, осуждённых кормящих матерей и осуждённых женщин, имеющих детей. По иным нарушениям предельный (фиксированный) размер компенсации целесообразно сделать меньше, предусмотрев при этом безусловную обязанность суда по присуждению компенсации в случае установления факта нарушения.

В настоящее время отсутствие предварительных письменных жалоб и заявлений от административного истца на имя соответствующих должностных лиц администрации исправительного учреждения (следственного изолятора), территориального органа или центрального аппарата ФСИН России, органов прокуратуры не всеми судами принимается в качестве основания для отказа в удовлетворении требования о присуждении компенсации. Однако имеется и иная практика, согласно которой отсутствие со стороны истца обращений по поводу ненадлежащих условий содержания свидетельствует о низкой значимости для него заявленных обстоятельств (решение Шарьинского районного суда Костромской области

от 08.02.2022 № 2А-1017/2021). Полагаем, что суды должны учитывать факт обращения с жалобами к руководству учреждения УИС о неудовлетворительных условиях содержания, поскольку это позволит обеспечить своевременную фиксацию уполномоченным органом факта нарушения в документах, которые в последующем могут быть использованы в качестве доказательств. В связи с этим представляется целесообразным закрепить в ст. 227.1 КАС РФ требование предварительного досудебного обжалования действий (бездействия) должностных лиц исправительного учреждения (следственного изолятора).

Законодательно не решен вопрос о возможности подачи самостоятельного административного иска только о присуждении компенсации в том случае, если истец по тем или иным причинам не воспользовался правом на присуждение компенсации, предусмотренной статьей 227.1 КАС РФ, обжаловав ранее решения, действия (бездействия) административного ответчика [11]. Необходимо также внести в ч. 4 ст. 108 УПК РФ дополнения, предусматривающие информирование суда прокурором, участвующим в процессе, о возможности (невозможности) содержания под стражей.

Заключение

Таким образом, правовой институт компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении нашел свое закрепление в законодательстве, по вопросам его применения сложилась определенная судебная практика, в том числе обобщенная на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Между тем до настоящего времени остается ряд проблемных вопросов, требующих своего решения посредством внесения изменений в законодательство и формирования адекватных складывающейся судебной практике правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации. Основные из них связаны с применением сроков исковой давности при обращении в суд, злоупотреблением правом со стороны административных истцов, отсутствием четкого перечня видов (категорий) условий содержания в учреждениях УИС, правовых ориентиров для расчета размеров присуждаемых компенсаций.

Кроме того, особую актуальность приобретают профилактическая работа, направленная на выявление и устранение причин нарушений, развитие системы взаимодействия с иными правоохранительными органами, а также совершенствование системы учета и документирования состояния условий содержания в учреждениях УИС. Необходимы постоянный мониторинг данных вопросов, исключение причин и условий нарушений, особенно субъективных, устранение их последствий. Учреждения и органы ФСИН России должны действовать системно во взаимодействии с органами прокуратуры, институтами общественного контроля, исходить из принципа недопустимости нарушений прав человека, принимать исчерпывающие меры по результативному их выявлению и предотвращению [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чорный В. Н. Основания и порядок реализации права осужденного на компенсацию за нарушение условий его содержания в исправительном учреждении // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 10. С. 52–59.
2. Голодов П. В., Дербина О. В. Работа с требованиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных о взыскании компенсаций за ненадлежащие условия содержания в учреждениях УИС в соответствии со статьей 227.1 КАС РФ : практ. рук. Вологда, 2024. 45 с.
3. Дуванова Т. В. Некоторые особенности реализации права на обращение при подаче и рассмотрении требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении // Дискуссионные вопросы пенитенциарной науки и практики : сб. науч. тр. профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2022. С. 47–51.
4. Сипягина М. Н. Присуждение компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении. Первый опыт российского судопроизводства // Петербургские Пенитенциарные конференции : материалы конф. : в 4 т. (г. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г.). СПб., 2021. Т. 4. С. 275–281.
5. Бобров А. М. О правоприменительной практике присуждения компенсации за нарушения условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении (на основе материалов ГУФСИН России по Пермскому краю и судов общей юрисдикции в регионе) // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 21 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Е. В. Сенатовой. Рязань, 2022. С. 35–41.
6. Панченко В. Ю., Деменишин А. В. Надлежащие условия в местах принудительного содержания России: актуальные вопросы нормативного правового регулирования и судебной практики // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 90–97.
7. Панченко В. Ю., Деменишин А. В. Применение правовых принципов и норм о раздельном содержании курящих и некурящих в местах принудительного содержания // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 88–95.
8. Белик В. Н., Искра М. А. К вопросу реализации права на компенсацию за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых и условий содержания осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1–4), № 2. С. 160–165.
9. Головастова Ю. А. Право осужденных на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания в исправительном учреждении: новелла уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Самара, 3–4 июня 2021 г.). Самара, 2021. С. 53–55.
10. Административное судопроизводство : учеб. / В. А. Власенко, О. П. Зиновьева, И. А. Невский [и др.] ; под ред. Е. С. Смагиной. М., 2021. 483 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1165264> (дата обращения: 30.06.2024).
11. Сыроежина К. К., Дербина О. В. О проблемах, возникающих при разрешении судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей и в исправительном учреждении // Актуальные проблемы административного права и процесса : сб. науч. тр. Вологда, 2022. С. 124–130.
12. Мельникова Н. А., Сизов Д. О. Проблемы содержания статьи 227.1 КАС РФ и механизма ее реализации в современных условиях // Актуальные проблемы административного права и процесса : сб. науч. тр. Вологда, 2022. С. 81–87.
13. Алехин Д. Е., Алехина Е. Е. Особенности рассмотрения судами общей юрисдикции дел о взыскании компенсации за нарушение условий содержания под стражей // Правда и закон. 2024. № 4 (30). С. 25–32.

REFERENCES

1. Chornyi V.N. Grounds and procedure for exercising convict's rights for compensation in case of violation of conditions of his maintenance in correctional institution. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2021, no. 10, pp. 52–59. (In Russ.).
2. Golodov P.V., Derbina O.V. *Rabota s trebovaniyami podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh o vyzyskanii kompensatsii za nenadlezhashchie usloviya soderzhaniya v uchrezhdeniyakh UIS v sootvetstvi so stat'ei 227.1 KAS RF : prakt. ruk.* [Dealing with demands of the suspected, accused and convicted persons for compensation for improper conditions of detention in correctional institutions in accordance with Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure the Russian Federation : a practical guide]. Vologda, 2024. 45 p.
3. Duvanova T.V. Some features of the realization of the right to appeal when filing and considering a claim for compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Diskussionnye voprosy penitentsiarnoi nauki i praktiki: sb. nauch. tr. professorsko-prepodavatel'skogo sostava VIPE FSIN Rossii* [Controversial issues of penitentiary science and practice: collection of scientific papers]. Vologda, 2022. Pp. 47–51. (In Russ.).
4. Sipyagina M.N. Award of compensation for violation of conditions of detention, detention in a correctional institution. The first experience of Russian legal proceedings. In: *Peterburgskie Penitentsiarnye konferentsii: materialy konferentsii: v 4-kh tomakh (g. Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda)* [Saint Petersburg Penitentiary Conferences: conference materials: in 4 volumes (Saint Petersburg, May 17–18, 2021)]. Saint Petersburg, 2021. Pp. 275–281. (In Russ.).
5. Bobrov A.M. On the law enforcement practice of awarding compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution (based on materials from the Federal Penitentiary Service of Russia in the Perm Oblast and courts of general jurisdiction in the region). In: Senatova E.V. (Ed.). *Administrativnaya deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sb. mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 21 aprelya 2022 g.)* [Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference (Ryazan, April 21, 2022)]. Ryazan, 2022. Pp. 35–41. (In Russ.).

6. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Appropriate conditions in places of detention in Russia: topical issues of legal regulation and judicial practice. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).
7. Panchenko V.Yu., Demenishin A.V. Application of legal principles and norms on the segregation of smokers and non-smokers in places of detention. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2022, no. 3 (52), pp. 88–95. (In Russ.).
8. Belik V.N., Iskra M.A. On the issue of exercising the right to compensation for violations of the conditions of detention of suspects and accused and the conditions of detention of convicts in correctional institutions. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 2, pp. 160–165. (In Russ.).
9. Golovastova Yu.A. The right of convicts to receive monetary compensation for violations of conditions of detention in a correctional institution: a novel of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: mat. Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhd. uch. (g. Samara, 3–4 iyunya 2021 g.)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: proceedings of the All-Russian research-to-practice conference with international participation (Samara, June 3–4, 2021)]. Samara, 2021. Pp. 53–55. (In Russ.).
10. Vlasenko V.A., Zinov'eva O.P., Nevskii I.A. et al. *Administrativnoe sudoproizvodstvo: uchebnik* [Administrative court proceedings: textbook]. Ed. by Smagina E.S. Moscow, 2021. 483 p.
11. Syroezhina K.K., Derbina O.V. On the problems arising in the resolution by courts of general jurisdiction of cases on the award of compensation for violations of conditions of detention and in a correctional institution. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. P. 124–130. (In Russ.).
12. Mel'nikova N.A., Sizov D.O. Problems of the content of Article 227.1 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation and the mechanism of its implementation in modern conditions. In: *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sbornik nauchnykh trudov Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa: sb. nauchn. tr.* [Actual problems of administrative law and process: collection of scientific works]. Vologda, 2022. Pp. 81–87. (In Russ.).
13. Alekhin D.E., Alekhina E.E. Features of consideration by courts of general jurisdiction of cases on collection of compensation for violation of conditions in detention. *Pravda i zakon = Truth and Law*, 2024, no. 4 (30), pp. 25–32. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, профессор кафедры административно-правовых дисциплин факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia; professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia; SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

PAVEL V. GOLODOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Статья поступила 04.04.2025

Научная статья

УДК 343.163

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007

Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект)

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАКАкадемия ФСИН России, Рязань, Россия, kafoppd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

Реферат

Введение: на основе исследования предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования исполнения наказания в виде обязательных работ, актуализируются выводы некоторых специалистов в сфере структурно-функционального анализа уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства о том, что, какими бы ни были совершенными уголовное судопроизводство и уголовно-правовые нормы, реальные результаты воздействия на лицо, совершившее преступление, можно оценить только после его осуждения, в период исполнения уголовного наказания. Именно от эффективности реализации установленного законодательством порядка и условий отбывания уголовного наказания зависит успешность предшествующих этапов, регламентированных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, теснейшим образом связанных с правоохранительной и судебной деятельностью в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ. **Цель:** исследовав различные подходы к правовому регулированию комплексных мер воздействия на осужденных к обязательным работам, совершивших одинаковые по своей правовой природе правонарушения, в сфере исполнения наказаний в виде как обязательных, так и исправительных, принудительных работ, выявить проблемы и пути совершенствования организационно-правовых основ взаимодействия судов с уголовно-исполнительными инспекциями при рассмотрении представлений о замене неотбытой части наказания более строгим видом наказания в целях предупреждения повторных преступлений. **Методы:** диалектический, формально-юридический, системный методы, методы анализа, синтеза, дедукции, межотраслевых юридических исследований, контент-анализа. Предметом исследования является процессуальная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, субъектами которой могут быть судьи и иные участники судебного процесса (уголовно-исполнительные инспекции, работодатели, представители правоохранительных органов и т. д.). Тема научной работы соответствует действующей Программе фундаментальных научных исследований на 2021–2030 гг. (исполнители – ФСИН России и другие заинтересованные представители правоохранительной системы), где в разделе «Фундаментальные и поисковые научные исследования» запланированы такие исследования, как «5.3.3. Криминология и пенитенциарная система: 5.3.3.3 Разработка альтернативных систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе». **Результаты:** предлагается внести в законодательство соответствующие изменения, которые будут способствовать повышению эффективности организации деятельности специализированных государственных органов в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, также акцент делается на необходимости совершенствования организационно-правовых основ взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с судами в целях предупреждения повторных преступлений. **Выводы:** среди основных причин повторных преступлений и иных нарушений порядка и условий отбывания обязательных работ, допущенных осужденными, ученые и практические работники выделяют недостаточную эффективность применения к ним мер воздействия, которая обусловлена в том числе несовершенством правовой регламентации взаимодействия судов со специализированными государственными органами, исполняющими альтернативные наказания.

Ключевые слова: судебная деятельность; предупреждение преступлений; альтернативные наказания; обязательные работы; организационно-правовые основы; уголовно-исполнительные инспекции; правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Казак Б. Б. Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 173–179. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007.

Original article

Judicial Activity in the Field of Execution of Alternative Punishment in the Form of Compulsory Labor (Organizational and Legal Aspect)

BRONISLAV B. KAZAK

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoffd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

Abstract

Introduction: the author proposes measures for improving legal regulation of the execution of punishment in the form of compulsory labor and considers points of view of some experts in the field of structural and functional analysis of criminal, criminal procedure and penal legislation that no matter how perfect criminal proceedings and criminal law norms are, the real results of the impact on an offender can be assessed only after his/her conviction, during the period of execution of a criminal sentence. The success of previous stages, regulated by criminal and criminal procedure legislation and closely related to law enforcement and judicial activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor, depends on the effective implementation of the procedure and conditions for serving a criminal sentence established by law. Studying various approaches to the legal regulation of complex influence measures in relation to those sentenced to compulsory labor who have committed offenses of the same legal nature in the field of execution of punishments in the form of compulsory, correctional, and forced labor, the author dwells on the problems of improving organizational and legal foundations of interaction between courts and criminal executive inspections when considering ideas on the substitution of the unserved part of the punishment with a more severe penalty in order to prevent repeated crimes. *Methods:* dialectical, formal legal, systematic methods, methods of analysis, synthesis, deduction, interdisciplinary legal research, content analysis. The author considers procedural activities in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor and identifies subjects of these activities, such as judges and other participants of the judicial process (criminal executive inspections, employers, representatives of law enforcement agencies, etc.). The topic of the scientific work corresponds to the current Fundamental research program for 2021–2030 (executors of the Federal Penitentiary Service of Russia and other interested representatives of the law enforcement system), where in the section “Fundamental and exploratory scientific research” it is planned to consider “Criminology and the penitentiary system: Development of alternative social response systems aimed at preventing and suppressing criminal behavior in society”. *Results:* it is proposed to introduce appropriate amendments to legislation that will help improve effectiveness of the organization of specialized government agencies in the field of compulsory labor enforcement. The necessity to improve the organizational and legal framework for cooperation between criminal executive inspections and courts in order to prevent repeat crimes is emphasized. *Conclusion:* among the main reasons for repeated crimes and other violations of the order and conditions of serving compulsory labor on the part of convicts, scientists and practitioners highlight insufficient effectiveness of the application of measures of influence on offenders, which is caused, among other things, by imperfect legal regulation of the interaction between courts and specialized state bodies executing alternative punishments.

Key words: judicial activity; crime prevention; alternative punishments; compulsory work; organizational and legal bases; criminal executive inspections; law enforcement activities.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kazak B.B. Judicial activity in the field of execution of alternative punishment in the form of compulsory labor (organizational and legal aspect). *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 173–179. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.007.

Введение

Анализ российского конституционного и уголовно-процессуального законодательства, заключений

экспертного сообщества показывает, что определение понятия «судебная деятельность» в нормативных правовых актах, регламентирующих те или иные во-

просы деятельности судов, отсутствует. Данное понятие чаще всего употребляется в юридической литературе либо как научная и учебная специальность, реализуемая в программах специалитета и аспирантуры системы высшего образования, либо как самостоятельная категория, отличающаяся от понятий «судебная власть», «правосудие», так как последнее является видом судебной деятельности, либо когда идет речь о критериях эффективности судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний [1, с. 122].

В свою очередь, судебная деятельность последовательно выступает за более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы. В целях реализации принципов гуманизации и справедливости за последние 15 лет количество приговоренных к лишению свободы сократилось более чем в два раза. Обязательные работы занимают третье место в системе наказаний, после лишения свободы и условного осуждения, они применяются в два раза чаще исправительных работ и в три раза – ограничения свободы, что свидетельствует о том, что процесс назначения и исполнения наказания в виде обязательных работ находится в центре внимания судебной деятельности. В юридической научной литературе справедливо отмечается, что осужденный к обязательным работам при отбывании наказания, реализуя социально полезную деятельность, удовлетворяет актуальные потребности общества, поэтому обязательный характер социально полезной деятельности осужденного преследует достижение цели по восстановлению социальной справедливости, а дополнительные обязанности и ограничения, введенные для него, позволяют реализовывать цель исправления [2].

Основной точкой зрения является утверждение о том, что в соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита его конституционных прав и свобод. В данном случае судебная деятельность в виде отправления правосудия существенно отличается от правоохранительной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений, исполняющих наказания, прокуратуры.

Таким образом, судебная деятельность – это упорядоченная совокупность действий судов, входящих в судебную систему Российской Федерации (в лице судей и работников аппаратов судов), осуществляемая в процессуальных формах с целью отправления правосудия, а также направленная на организационное обеспечение осуществления правосудия и повышение доступности и эффективности судебной защиты.

Предметом нашего исследования является основной вид судебной деятельности: процессуальная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ, субъектами которой могут быть судьи и иные участники судебного процесса (уголовно-исполнительные инспекции, работодатели, представители правоохранительных органов и т. д.). В своей работе мы специально не рассматриваем вопросы организационно-распорядительного вида судебной

деятельности, так как он является предметом исследования в иной сфере.

Сущность судебной деятельности реализуется через ее принципы, которые определяют форму и содержание той или иной деятельности. Несмотря на специфику действия принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения приговора, на судебную деятельность в сфере исполнения наказания без изоляции осужденного от общества вообще и наказания в виде обязательных работ в частности распространяются в полной мере такие принципы, как состязательность, гласность, публичность, независимость, язык судопроизводства, осуществление правосудия только судом [3, с. 375]. Таким образом, судебная деятельность в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ осуществляется на основе принципов, обеспечивающих эффективную реализацию стоящих задач уголовной политики государства.

Основная часть

Правовой основой судебной деятельности в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ являются Конституция Российской Федерации (гл. 7, ст. 118–128), федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023), УПК РФ. В частности, ст. 397 УПК РФ регламентирует вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора о наказании в виде обязательных работ, в том числе о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в соответствии со ст. 49 УК РФ принудительными работами либо лишением свободы на определенный срок в соответствии с действующим законодательством; в соответствии с ч. 1 ст. 398 исполнение приговора об осуждении гражданина к обязательным работам может быть отсрочено судом на определенный срок при наличии следующих оснований: а) в случае наличия у осужденного к обязательным работам болезни, которая препятствует отбыванию этого вида наказания, тогда исполнение приговора может быть отсрочено до выздоровления осужденного, при наличии заключения врачебной комиссии; б) если осужденная к обязательным работам имеет беременность, воспитывает малолетнего ребенка или если осужденный к обязательным работам является единственным родителем у малолетнего ребенка, то исполнение приговора тоже может быть отсрочено на период до достижения ребенком четырнадцати лет; в) для осужденных к обязательным работам, у которых возникли тяжкие последствия или угрозы их возникновения для него или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, судом может быть отсрочено исполнение приговора на определенный срок до шести месяцев.

Следует отметить, что указанная мера, установленная нормами уголовно-процессуального законодательства, направленная на гуманизацию наказания, способствует исправлению осужденного

к обязательным работам, восстановлению семьи и гарантирует социально-правовую защиту родителей и их детей. Институт отсрочки исполнения приговора регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства, решается судом, который рассматривает ходатайство осужденного к обязательным работам или его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора.

Статья 20 УИК РФ регламентирует виды судебного контроля за исполнением обязательных работ. В соответствии с данной нормой на суд возложена функция контроля за исполнением наказания в виде обязательных работ при решении вопросов, указанных в ст. 397 (за исключением случаев, указанных в подп. 1 и 18) и ст. 398 УПК РФ. Отметим, что, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в сфере рассмотрения жалоб и заявлений, на суды возложена обязанность рассматривать жалобы осужденных к обязательным работам и их представителей на действия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Кроме того, указанные нормативно-правовые акты регламентируют такую форму судебного контроля за исполнением обязательных работ, как возложение обязанности на уголовно-исполнительные инспекции уведомлять суды, вынесшие приговор, о начале и месте отбывания осужденными наказания в виде обязательных работ [4, с. 10].

Установленные уголовно-исполнительным законодательством виды судебного контроля за исполнением обязательных работ требуют тщательного анализа нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере взаимодействия их с судами, органами местного самоуправления, предприятиями и организациями, в которых отбывают наказание осужденные к обязательным работам, поскольку от этого взаимодействия зависит эффективность достижения целей рассматриваемого наказания.

Практика свидетельствует, что часть осужденных к наказаниям в виде обязательных работ совершают повторные преступления после постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции [5, с. 126]. Среди основных причин повторных нарушений эксперты (представители науки и практические работники) выделяют недостаточную эффективность применения к осужденным мер воздействия, которая обусловлена в том числе и несовершенством правовой регламентации таких мер.

Статья 29 УИК РФ устанавливает два вида ответственности осужденных к обязательным работам за нарушение ими порядка и условий отбывания наказания: а) предупреждение об ответственности; б) замена наказания более строгим видом наказания за злостное уклонение от отбывания обязательных работ. Этой же нормой на уголовно-исполнительную инспекцию возложена обязанность направлять в суд представление о замене обязательных работ более строгим видом наказания в случае злостного уклонения осужденным от отбывания обязательных работ. Анализ действующего уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного за-

конодательства и правоприменительной практики свидетельствует о существовании проблем в данной сфере судебной деятельности, особенно при взаимодействии судов с уголовно-исполнительными инспекциями. В целом за последние три года практически каждое второе ходатайство уголовно-исполнительных инспекций (58 % от общего количества направленных ходатайств) судами отклонено, а доля неудовлетворенных судами ходатайств растет. Каждое второе (около 40 %) представление о замене наказания получило отказ в удовлетворении. Причина проблем кроется, прежде всего, в слабой организации работы уголовно-исполнительных инспекций при оформлении соответствующих документов, в недостаточном уровне профессиональной подготовки сотрудников этих учреждений. Для решения обозначенных проблем необходима методическая помощь правоохранительным органам в более эффективном применении наказания в виде обязательных работ.

Статья 49 УК РФ устанавливает, что если осужденный неоднократно, то есть систематически и злостно, не выполняет требования администрации уголовно-исполнительных инспекций по соблюдению порядка и условий отбывания данного вида наказания, то он может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания обязательных работ и привлечен к ответственности в виде замены обязательных работ более строгим видом наказания, принудительными работами либо лишением свободы. Правоприменительная практика испытывает большие трудности с определением понятия «злостное уклонение». Для сравнения отметим, что наиболее точно понятие злостно уклоняющегося осужденного от наказания содержится в ст. 46 УИК РФ. В соответствии с ч. 3 данной статьи злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный: а) допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за неявку в уголовно-исполнительную инспекцию или на работу или б) скрывшийся с места жительства, местонахождение которого неизвестно. В результате анализа рассматриваемой проблемы установлено, что перечень нарушений, допущенных осужденными к обязательным работам, регулируется нормативно-правовым актом Верховного Суда Российской Федерации, а виды правонарушений, допущенных осужденными к исправительным и принудительным работам, регламентированы уголовно-исполнительным законодательством, то есть можно говорить о юридической коллизии – разногласии и противоречии между нормативными правовыми актами Верховного Суда Российской Федерации и нормами уголовно-исполнительного законодательства, регулирующими одни и те же или смежные правоотношения. Категория «злостность» нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством характеризуется двумя признаками: повторность (два и более раз) и реальное уклонение от наказания (осужденный скрылся с места жительства, его местонахождение правоохранительным органам неизвестно).

Несколько иначе злостность обозначена при исполнении наказания в виде принудительных работ.

Во-первых, в ст. 60.15 УИК РФ понятие «злостность» употребляется в двух случаях, то есть при определении злостного нарушителя порядка и условий отбывания наказания и злостных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ.

Во-вторых, осужденный признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ при совершении (один раз) следующего злостного нарушения: а) употребления спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ; б) мелкого хулиганства; в) неповиновения представителям администрации исправительного центра или их оскорбления при отсутствии признаков преступления; г) изготовления, хранения или передачи запрещенных предметов и веществ; д) организации забастовок или иных групповых неповиновений, а равно участия в них; е) отказа от работы; ж) самовольного без уважительных причин оставления территории исправительного центра; з) несвоевременного (свыше 24 часов) возвращения к месту отбывания наказания. Здесь следует отметить наличие такого вида злостного нарушения, как отказ от работы, который может быть и среди осужденных к обязательным работам, там он заменен определением уклонения от работы, относительно которого существует довольно широкое толкование, и поэтому более понятным и распространенным в уголовно-исполнительной системе и законодательстве будет термин «отказ от работы», что позволит правоприменителям эффективно исполнять данный вид наказания.

В-третьих, осужденный может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания, если он совершил в течение года не менее трех нарушений, не являющихся злостными (последние прописаны в ч. 1 ст. 60.15 УИК РФ): а) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности; б) нарушение трудовой дисциплины; в) нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре; г) неявку без уважительной причины на регистрацию в исправительный центр, если разрешено проживание за его пределами.

Из приведенного перечня нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ можно позаимствовать некоторые определения нарушений относительно наказания в виде обязательных работ, например нарушения трудовой дисциплины, общественного порядка, неявки без уважительной причины на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию.

Таким образом, в сфере правового регулирования ответственности осужденных за злостное нарушение порядка и условий отбывания наказаний имеют место спорные вопросы определения ключевого понятия «злостный». Как в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в различные периоды его функционирования, так и в юридической литературе развернулась широкая дискуссия относительно этого понятия. Например, «осужденные, злостно нарушающие требования режима» (ст. 53 ИТК РСФСР),

«злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» (ст. 188.3 УК РСФСР), «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ» (ст. 49 УК РФ), «осужденные, злостно уклоняющиеся от отбывания обязательных работ» (ст. 29 УИК РФ) [6]. Из приведенного примера усматривается, что злостное нарушение порядка и условий отбывания наказания всегда являлось основанием привлечения осужденных к дисциплинарной или уголовной ответственности в виде замены наказания более строгим видом наказания (обязательные работы заменяются лишением свободы или принудительными работами) либо перевода осужденного из исправительного учреждения с более легким режимом отбывания наказания в учреждение с более строгим режимом (из колонии-поселения в исправительную колонию строгого режима, из исправительной колонии в тюрьму) с вытекающими отсюда правовыми последствиями, выраженными в определенных ограничениях, запретах и введении дополнительных обязанностей [7].

С точки зрения судебной деятельности следует отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно обращался к этой проблеме, так как правоприменительная практика сложно решает вопросы применения указанных норм к осужденным, злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания в виде обязательных работ. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» и п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» суды при принятии решения о замене обязательных работ более строгим наказанием, в случае злостного уклонения от его отбывания, должны потребовать от уголовно-исполнительных инспекций документы, подтверждающие личность осужденного, характер и степень общественной опасности преступления, за которое осуждено лицо, состоящее на учете в уголовно-исполнительной инспекции, особенно документы, отражающие причины и условия, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания в виде обязательных работ. Например, сотрудник учреждения при подготовке в суд представления о замене осужденному обязательных работ более строгим наказанием обязан исследовать причины допущенных осужденным прогулов, появлений на работе в нетрезвом состоянии, уклонения от работы и т.д. Вместе с тем 80 % экспертов отмечают, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций испытывают трудности при подготовке качественных материалов в суд. Указанные обстоятельства требуют от них определенных знаний и умений, которые они могут получить в рамках повышения квалификации или профессиональной переподготовки, осуществляемой образовательными организациями ФСИН России по специальным образовательным программам.

Закключение

Исследование показало, что основными видами нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде обязательных работ являются: появление на работе в нетрезвом состоянии; прогул; увольнение с работы в целях уклонения от отбывания наказания; уклонение от обязанности сообщить об изменении места работы или места жительства в течение 10 дней; неявка более двух раз в течение месяца на обязательные работы без уважительных причин и т. п. В названном перечне нарушений спорным вопросом является определение «увольнение с работы в целях уклонения от отбывания наказания», которое требует дополнительного нормативного толкования, так как сам факт отсутствия на обязательных работах без уважительной причины и является отказом от их выполнения. За допущенные правонарушения осужденные к обязательным работам могут быть подвергнуты правовым мерами воздействия: замене обязательных работ более строгим видом наказания (п. 5.8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 59). Таким образом, за нарушения, совершение которых влечет ответственность, включая замену обязательных работ лишением свободы, суд «назначает» по своей правовой природе новый вид наказания. Если осужденный был предупрежден о недопустимости подобного поведения, если он не сделал выводов после письменного предупреждения со стороны администрации учреждения, тогда он признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания данного вида наказания и в отношении него принимается более строгая и единственная мера воздействия в виде замены обязательных работ лишением свободы либо принудительными работами, что напоминает отсрочку исполнения приговора или условное осуждение. Поэтому предложенные меры совершенствования правового регулирования исполнения наказания в виде обязательных работ актуализируют выводы некоторых специалистов о том, что, какими бы ни были совершенными уголовное судопроизводство и уголовно-правовые нормы, реальные результаты воздействия на лицо, совершившее преступление, можно оценить только после его осуждения, в период исполнения уголовного наказания. Именно от порядка и условий отбывания уголовного наказания в основном зависит успешность предшествующих этапов, регламентиро-

ванных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, которая, в свою очередь, зависит от уровня совершенствования базового законодательства, эффективность реализации которого теснейшим образом связана с правоохранительной деятельностью в сфере исполнения любого наказания, в в данном случае в виде обязательных работ [8].

Исходя из результатов исследования предлагаем внести соответствующие изменения в законодательство, которые будут способствовать повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ. Анализ судебной практики показывает, что судьи принимают решение о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ при наличии следующих оснований: а) более двух раз в течение месяца не вышел на обязательные работы без уважительных причин; б) более двух раз в течение месяца нарушил трудовую дисциплину; в) скрылся в целях уклонения от отбывания наказания. Из-за пробелов в нормативно-правовой базе судьи иногда самостоятельно разрабатывают методические рекомендации и руководствуются ими при признании осужденного к обязательным работам злостно уклоняющимся от наказания, что иногда не соответствует нормативному толкованию, представленному в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 25.06.2024) и уголовно-исполнительном законодательстве.

Таким образом, судебная деятельность в сфере исполнения приговора о назначении наказания в виде обязательных работ регламентируется нормами не только уголовно-исполнительного, но и уголовно-процессуального законодательства, носит многоаспектный характер, обусловлена необходимостью взаимодействия судов с органами государственной власти, органами правопорядка (прокуратурой, уголовно-исполнительной инспекцией, органами внутренних дел и т.д.), защитой осужденных, обеспечивает социально-правовую защиту прав и законных интересов осужденных к обязательным работам. Выполняя функции судебного контроля (ст. 397, 398 УПК РФ, ст. 20 УИК РФ), суд контролирует исполнение наказания в виде обязательных работ при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении данного вида наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пупышева Л. А. Обеспечение судебной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 122–127.
2. Авдеева Е. В. Обязательные работы в системе уголовных наказаний: вопросы законодательной техники и правоприменения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 23–27.
3. Качалов В. И. О характере судебной деятельности на этапе исполнения приговора и иных итоговых судебных решений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 372–378.
4. Аманулина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.
5. Смирнова И. Н., Лихолат И. А. Организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 125–128.
6. Казак И. Б. Организация деятельности персонала исправительного учреждения по предупреждению противоправных действий со стороны осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 24 с.

7. Гордополов А. Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15 (1–4), № 3. С. 303–306.
8. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 191 с.

REFERENCES

1. Pupysheva L.A. The judicial activities in the sphere of execution of criminal sanctions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 2 (27), pp. 122–127. (In Russ.).
2. Avdeeva E.V. Compulsory labor in the system of criminal punishments: issues of legal writing and law enforcement. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2021, no. 6, pp. 23–27. (In Russ.).
3. Kachalov V.I. The nature of judicial activity at the stage of execution of the sentence or other final court decisions. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Vestnik of Economic Security*, 2016, no. 5, pp. 372–378. (In Russ.).
4. Amanullina A.F. *Sudebnyi kontrol' v stadii ispolneniya prigovora: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial control at the stage of execution of the sentence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2009. 25 p.
5. Smirnova I.N., Likholat I.A. Organizational and legal support for the functioning of penal enforcement inspections in the field of execution of punishment in the form of compulsory labor. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2012, no. 3, pp. 125–128. (In Russ.).
6. Kazak I.B. *Organizatsiya deyatel'nosti personala ispravitel'nogo uchrezhdeniya po preduprezhdeniyu protivopravnykh deistvii so storony osuzhdennykh, priznannykh zlostnymi narushitelyami ustanovlennogo poryadka otbyvaniya nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Organization of activities of correctional institution staff to prevent illegal actions by convicts recognized as malicious violators of the established procedure for serving sentences: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2005. 24 p.
7. Gordopolov A.N. Malicious violator of the regime of serving a sentence: a comparative legal analysis of foreign legislation. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2020, vol. 15 (1–4), no. 3, pp. 303–306. (In Russ.).
8. Natashev A.E., Struchkov N.A. *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of correctional labor law]. Moscow, 1967. 191 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БРОНИСЛАВ БРОНИСЛАВОВИЧ КАЗАК – доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии ФСИН России, Рязань, Россия, kafoppd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

BRONISLAV B. KAZAK – Doctor of Sciences (Law), professor at the Department of Law Enforcement Intelligence Operations of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, kafoppd@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4001-2463>

Статья поступила 24.04.2025

Научная статья

УДК 159.9.07

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008

Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ

Межобластная больница № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ

Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

Реферат

Введение: в статье изучены психологические особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Наличие неизлечимой болезни и перспектива скорой смерти могут привести к нарушению социально полезных связей, правил внутреннего распорядка учреждения, деструктивному поведению. Проведен теоретический анализ особенностей отношения к жизни. Актуализируются наиболее частые реакции при проявлении неизлечимой болезни и специфические психологические проблемы данной категории осужденных. Отношение к жизни рассматривается как одна из важных составляющих профилактики суицидального поведения у данных лиц. *Цель:* изучить психологические особенности отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных, дать рекомендации по их психологическому сопровождению. *Методы:* сравнительный анализ, тест смысловых ориентаций (СЖО), U-критерий Манна – Уитни. *Результаты:* у осужденных, имеющих неизлечимые заболевания, отмечаются наиболее низкий уровень принятия своей жизни, отрицание реальности, а также недостаточное принятие прожитого. Неизлечимо больные не переживают за свою жизнь, имеют недоверие к себе и окружающим. При взаимодействии с другими испытывают жалость. На контакт идут опосредованно, не следят за своим внешним видом и поведением в связи с отсутствием принятия дальнейшей жизни. У них отмечается хроническая усталость как эффект от постоянных негативных мыслей, они испытывают чувство социальной изоляции и одиночества. *Выводы:* в ходе психологического сопровождения осужденных данной категории реалистичное отношение к жизни может выступать основой продления и продуктивного проживания оставшегося жизненного отрезка, использования своих возможностей, а с другой стороны – базой для адекватной коммуникации с окружающими, в том числе и в аспекте соблюдения норм поведения.

Ключевые слова: отношение к жизни; неизлечимо больные осужденные; пенитенциарная система; исправительные колонии; психологические аспекты; психологическое сопровождение; неизлечимые болезни.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Кучкарев Ю. Ю., Горностаев С. В. Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 180–188. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008.

Psychological Characteristics of the Attitude to Life among Terminally Ill Convicts

YURII YU. KUCHKAREV

Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

STANISLAV V. GORNOSTAEV

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

Abstract

Introduction: the article considers psychological features of terminally ill convicts' attitude to life in correctional institutions. The presence of an incurable disease and prospects of an early death can push a convicted person to violate socially beneficial relationships and internal regulations of the institution. A theoretical analysis of the specifics of attitudes to life is carried out. A number of the most frequent reactions to the manifestation of an incurable disease and specific psychological problems in this category of convicts are given. An attitude to life is considered as one of the important components of the issue to prevent suicidal behavior among convicts with incurable socially significant diseases. *Purpose:* to study psychological features of the attitude to life among terminally ill convicts and to provide recommendations on psychological support for this category. *Methods:* comparative analysis, Purpose-in-Life Test, and Mann-Whitney U-test. *Results:* the results of the study show that convicts with incurable diseases have the lowest level of acceptance of their lives. They do not worry about their lives and do not believe in themselves and others. When interacting with others, they feel pity. They make contact indirectly and do not care about their appearance and behavior. Terminally ill convicts often report chronic fatigue, which is the effect of constant negative thoughts. They experience feelings of social isolation and loneliness. *Conclusion:* when providing psychological support to convicts in this category, a realistic attitude to life can serve as the basis for longer productive life and, on the other hand, the basis for adequate communication with others, including in terms of compliance with behavioral norms.

Keywords: attitude to life; terminally ill convicts; penitentiary system; correctional facilities; psychological aspects; psychological support; incurable diseases.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Kuchkarev Yu.Yu., Gornostaev S.V. Psychological characteristics of the attitude to life among terminally ill convicts. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 180–188. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.008.

Введение

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации одной из актуальнейших проблем является совершенствование работы с осужденными различных категорий. В стране наблюдается рост заболеваемости неизлечимыми заболеваниями (например, онкологические заболевания (рак), вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД), типированные вирусы гепатита (А, В, С, D, E)) в обществе в целом, в том числе и среди осужденных. Поэтому изучение отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных даст возможность выстраивать эффективную социально-психологическую работу с данным контингентом в исправительных учреждениях. Данная проблема вызывает необходимость в улучшении, как психологической, так и медицинской помощи, этой категории осужденных.

По данным ФСИН России, на 20.12.2024 в учреждениях уголовно-исполнительной системы на лечении от туберкулеза находились 9209 чел., уровень заболеваемости составил 78,8 на 100 тыс. чел. [1]. Также отметим, что в местах лишения свободы есть и другие виды неизлечимых заболеваний, которым необходимо уделять внимание с целью дополнительного информирования людей, заинтересованных в решении проблем по оказанию помощи осужденным с такими заболеваниями.

Общее количество ВИЧ-инфицированных осужденных в местах лишения свободы на 20.12.2024 г. составляло 51 627 чел. Наличие неизлечимой болезни и перспектива скорой смерти могут привести осужденного к нарушению социально полезных связей, правил внутреннего распорядка учреждения, проявлению деструктивного поведения, агрессивному поведению, утрате социально полезных навыков, сосредоточении на роли больного при отказе от всех

остальных социальных ролей, что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации [2].

Отношение к жизни рассматривается в психологической науке в качестве системы, формирующей смыслы и цели жизнедеятельности человеческой личности, регулирующих способы их достижения (С. Л. Рубинштейн, Б. С. Братусь, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов, Е. А. Березина, М. И. Бобнева, А. В. Серый, Н. И. Непомнящая, Ю. М. Кузнецова и др.).

Поддержание жизни обеспечивает человеку как дальнейшее развитие, так и всестороннюю работу над собой и своей личностью. Также стоит отметить таких авторов, как В. В. Беляева, Е. В. Покровский, изучавших особенности лиц с ВИЧ-инфекцией.

В зарубежной психологии А. Адлер обратил внимание на взаимосвязь поведения с жизненным смыслом человека, направленностью жизни, представив достаточно развернутое понимание поведенческих смыслов жизни, которые он соотносил с жизненным стилем, планом [3]. В психологии выделяются два подхода к объяснению процесса структурирования жизненного пути личности с помощью планирования и сценарного воплощения [4]. Согласно первому подходу, представленному работами отечественных авторов (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и др.), личность осознанно выбирает и регулирует процесс жизни. Второй подход (А. Адлер, К. Роджерс, Э. Берн и др.) построен на уверенности в преимущественно бессознательном выборе жизненного плана, который осуществляется на ранних стадиях развития ребенка. В целом проблема отношения к жизни в психологии трактуется следующим образом: в понимании смысла жизни как высшей интегративной основы личности, а также в понимании смысла жизни как структурного элемента сознания и человеческой деятельности [5, с. 57].

Отношение к жизни может быть различным и зависит от индивидуальных особенностей осужденных, их мировоззрения, ценностей и убеждения. Неизлечимо больные осужденные склонны к пессимистическому взгляду на жизнь, отличаются безразличием к своей жизни, апатией.

Отношение к жизни определяется ценностями индивида и выражается в принятии либо непринятии жизни, принятии себя, ответственности за свою жизнь, стремлении или отсутствии стремления человека к развитию [6, с. 123]. Отношение к жизни формирует направленность осужденного. Она выражается в доминирующих целях и мотивах деятельности, интересах, идеалах, убеждениях, системе отношений, жизненных планах и перспективах, формируемых на основе потребностей, стремлений, желаний [7]. Желание представляет собой осознанную потребность в чем-либо вполне определенном [8]. Стремление у осужденного возникает при включении в структуру желания волевого компонента, а его интерес есть познавательная форма направленности на предметы. Интересы у большинства правонарушителей (как мужского, так и женского пола), отбывающих уголовные наказания, сугубо материальные, примитивные и развлекательные [9, с. 15]. Убеждение (высшая форма направленности) – это система мотивов

личности, побуждающих ее поступать в соответствии со своими взглядами, принципами [10].

Психологическая характеристика отношения к жизни у неизлечимо больных осужденных является сложной и многогранной темой, отражающей глубинные внутренние переживания и механизмы адаптации личности в условиях предельного стресса. Одной из ключевых составляющих отношения к жизни будет являться отношение к настоящему, прошлому и будущему [11, с. 3]. У индивидов, находящихся на грани жизни и смерти, наблюдается особое восприятие времени, которое становится не линейным, а скорее цикличным, насыщенным моментами отчаяния и надежды. Условия болезни диктуют разные модели поведения, которые могут отличаться от базовых устойчивых для общества [12, с. 162].

Сквозь призму неизлечимости болезни приходит осознание конечности существования, что нередко приводит к глубоким экзистенциальным размышлениям. Чувство утраты контроля над собственной судьбой формирует смесь гнева, тоски и смирения. Осужденный вступает в роль больного, которая предполагает выражение определенных эмоций и социальных обязательств [13]. Эти эмоции могут побуждать к переосмыслению жизненных ценностей – от поиска смысла в страданиях до стремления к примирению с окружающим миром. Потребности данной категории осужденных также притупляются, главным становится лишь физиологическое благополучие, а самоактуализация пропадает совсем [14, с. 370].

Взаимоотношения с другими людьми, например с сотрудниками администрации и другими осужденными, также играют ключевую роль в формировании их отношения к жизни, служа источником как поддержки, так и обвинений. Стремление к самовыражению и пониманию своего места в этом мире становится основным механизмом адаптации, позволяющим им справляться с нависшей тенью неизбежности.

В условиях тюремной среды, особенностями которой являются изоляция и подавленность, поддержка со стороны других заключенных и персонала может стать жизненно важной. Установление новых связей в общении может оказать положительное воздействие, создавая ощущение принадлежности к обществу. Единство с определенной группой способствует преодолению глубокого одиночества. Происходит повышение самооценки человека, что является первоочередным аспектом в процессе преодоления заблуждения.

Прежде всего, сам факт наличия неизлечимого заболевания вызывает у любого человека внутренний конфликт, провоцирующий депрессию, эмоциональную неустойчивость, скрытую или явную агрессию. Отношение неизлечимо больных осужденных к своему заболеванию может варьироваться в зависимости от многих факторов, таких как тип заболевания, тяжесть симптомов. Реакция на заболевание во многом зависит от возраста, предшествующего злоупотребления алкоголем, наркотиками или их суррогатами, индивидуальных особенностей личности. Человек осознает неизбежность наступления смерти, и это осознание временности своего физического суще-

ствования дает возможность задуматься о жизни и ее смысле [15, с. 16].

Рассмотрим наиболее типичные реакции ВИЧ-инфицированных осужденных:

1. Отрицание. Часто люди отрицают факт собственного заболевания, что может иметь двойное значение. Так, первоначальное отрицание может быть полезным, так как на некоторое время оно способно ослабить стресс. Однако его продолжение способно затруднить адаптацию к новым жизненным условиям, которые необходимы, чтобы справиться с заболеванием, предотвратить его дальнейшее распространение, осознать социальную ответственность, которая налагается на осужденного.

2. Озлобленность. Поведение таких людей может стать разрушающим, осужденные могут нанести вред себе и другим. По мере прогрессирования заболевания человек может стать неспособным к работе, но при этом чувствовать себя удовлетворительно. «Бессодержательная» жизнь, полная ограничений в питании, деятельности, контактах, становится обычным явлением, а часто и причиной озлобленности. Озлобленность проявляется в раздражительности по поводу незначительных событий, может выражаться в идеях самообвинения, принимать форму суицидального поведения.

3. Суицидальные идеи и поступки. У осужденных значительно повышается риск суицида. Самоубийство может быть как активным (намеренное самоповреждение, влекущее за собой смерть), так и пассивным (саморазрушающее поведение, сокрытие серьезных осложнений).

4. Страх. Наиболее часто встречается страх смерти. Также имеются следующие страхи: быть брошенным или отвергнутым, оставить семью без поддержки, страх увечья, потери телесных или умственных способностей, потери конфиденциальности. Страх часто базируется на опыте других.

5. Беспокойство. Беспокойство почти всегда присутствует в жизни неизлечимо больного, отражая хроническую неопределенность, связанную с заболеванием. Оно может быть вызвано увеличившимся риском заражения другими заболеваниями, ухудшающейся способностью к эффективной деятельности, потерей физической и финансовой независимости.

Также можно отметить негативное отношение окружающих к лицам, имеющим неизлечимые заболевания. Неизлечимо заболевшие осужденные представляются как социально отвергнутые люди. Зачастую к ним проявляют отрицательную реакцию в связи с недостаточной осведомленностью большинства людей. Общество представляет неизлечимо больных как социально иных, практикующих маргинальные формы социального поведения – употребление наркотиков и сексуальную распущенность, что часто не лишено оснований. В связи с этим происходит формирование реакции отторжения от общества, что зачастую проявляется агрессивным поведением, желанием отомстить, страхом за свою жизнь и иногда заканчивается совершением преступлений или суицидами [16].

У осужденных происходит фиксация на отрицательных событиях прошлого, при этом осознание непоправимых совершенных ошибок, болезненные воспоминания и неприятные образы прошлого усугубляют тяжесть настоящего. Требования режима и особые условия пенитенциарного учреждения исключают гедонистическую ориентацию на настоящее [17, с. 11]. При этом временная перспектива подвергается резким изменениям, она подчиняется новой реальности. Отмечаются низкая осмысленность жизни, узость смысла жизни, отсутствие представлений о жизненном пути, низкая активность в сфере реализации жизненных смыслов, сосредоточение на прошлых событиях и нежелание думать о будущем. Осознание невозможности реализации контроля над собственной жизнью в местах лишения свободы усиливает ощущение бессмысленности происходящего вокруг, усиливает состояние неопределенности, страха перед будущим, отчаяния и бессилия [18, с. 3].

Сложные эмоциональные состояния неизлечимо больных осужденных нередко проявляются через творчество (изобразительное искусство, литература, музыка), что становится важным каналом самовыражения. Так, например, А. Г. Ковалев и Т. В. Бородкина подчеркивают, что арт-терапия – один из главных методов работы с тяжело больными пациентами. Создание рисунков, написание текстов или сочинение музыки помогает больным пациентам выразить свои внутренние чувства и переживания, которые они не могут передать словами [19, с. 145–147]. С помощью данного метода есть возможность взаимодействовать с неизлечимо больными осужденными, анализировать их внутреннее состояние.

Зачастую неизлечимо больные осужденные сталкиваются с внутренними конфликтами, страхами и переживаниями за свою жизнь. Внутренние составляющие личности переходят в негативный статус, понимание своей жизни и своего состояния исчезает. Некоторые осужденные начинают чувствовать вину перед другими. Эти эмоции зачастую проявляются во взаимоотношениях с другими осужденными. Социальная среда не всегда эмпатична к данной категории лиц. В связи с этим возможны различные психологические проблемы, которые специфически отражаются. Рассмотрим некоторые из них:

– Социальная изоляция: отстранение осужденного, имеющего неизлечимые заболевания, от общества, избегание самим обществом данного осужденного. Длительное нахождение в условиях социальной изоляции способно привести к нарушению социально полезных связей, навыков и т. д., что в дальнейшем может затруднять процесс ресоциализации [20, с. 327].

– Чувство утраты контроля над жизнью: неизлечимо больные считают, что не могут планировать свою жизнь и вообще управлять ей. Все события в их жизни происходят случайным образом [21, с. 124–128].

– Страх перед неизбежностью смерти: постоянные мысли о своей смерти и невозможности будущей жизни без заболевания способствуют развитию тревожности, депрессии и многих других негативных психоэмоциональных состояний [22, с. 235–239].

– Чувство сомнения: перед осужденным встает вопрос о лечении или отказе от медицинской помощи, что связано с малой информационной осведомленностью о заболевании, а также низким уровне самооценки [20, с. 150].

– Проблемы с адаптацией к болезни: наличие неизлечимого заболевания сказывается и на физическом состоянии осужденного. Проявляются слабость, беспокойство, различные проблемы с телом. Все это может привести к снижению физической активности [23, с. 178].

– Проблемы в коммуникативной сфере: факт наличия заболевания способствует развитию страха у окружающих при взаимодействии с осужденным, имеющим заболевание [24, с. 95–99]. На фоне этого осужденный может испытывать одиночество, трудности с получением поддержки от близких и знакомых.

– Агрессия по отношению к сотрудникам администрации: неизлечимо больные могут испытывать недоверие к сотрудникам администрации, а также медицинскому персоналу. Зачастую такое поведение сопровождается нарушением правил внутреннего распорядка учреждения и отказом от прохождения курса лечения [25, с. 12–15].

– Чувство несправедливости: неизлечимое заболевание может вызвать чувство злости и обиды на свою судьбу, родственников. Осужденный может считать виноватым во всем общество или других людей, но забывать про собственные принятые решения в жизни [26, с. 110].

– Состояние депрессии: получение информации о наличии неизлечимого заболевания зачастую сопровождается таким негативным состоянием, как депрессия [23, с. 182]. В состоянии депрессии осужденный практически полностью отказывается от всех своих потребностей, оставляя в своей жизни только физические потребности, что в дальнейшем может сказываться на развитии личности.

– Аффективный и скрытый суицид: под влиянием негативных эмоций после получения информации о заболевании осужденный в отсутствие поддержки может совершать суицидальные действия [21, с. 128].

В работах В. Н. Мясищева мы можем увидеть, что проблема отношения личности к своей жизни рассматривается вместе с ее развитием и становлением. Отношение к своей жизни раскрывается как отношение к себе, другим и своей деятельности [13, с. 398]. В связи с этим психокоррекционная работа с неизлечимо больными осужденными должна проводиться в различных направлениях, таких как проработка ценностей личности, саморегуляции, взаимоотношений с другими осужденными, сотрудниками администрации. Одним из главных направлений будет формирование целей и их достижение [27, с. 903].

В исследованиях зарубежных авторов также освещается проблема, связанная с отношением к жизни у неизлечимо больных осужденных. Так, например, Марусчак Л. отмечает, что заключенные с хроническими заболеваниями чаще сообщают о психическом напряжении, депрессии и потере интереса к повседневной жизни, чем те, у кого таких заболеваний нет [28]. Многие заключенные мужчины с ВИЧ/СПИДом

переживают глубокую скорбь из-за утраты будущих жизненных возможностей, включая свободу, семейные отношения и личные цели. Это свидетельствует о кризисе смысла жизни, который возникает у неизлечимо больных осужденных, они могут чувствовать, что все, чего они хотели достичь, стало недостижимым [29, с. 23–29]. Д. Рич отмечает, что заключенные с неизлечимыми болезнями испытывают трудности в построении жизненных планов, поскольку их диагноз воспринимается как приговор, а условия содержания усиливают чувство бессмысленности существования [30].

В эмпирическом исследовании С. Фазела было выявлено, что среди заключенных с хроническими заболеваниями (ВИЧ, рак, гепатит) отмечено значительно более высокое число попыток самоубийства, чем среди здоровых заключенных. Также было установлено, что внедрение специализированных программ поддержки (включая психотерапию, работу с диагнозом и планирование будущего) снизило уровень суицидальности на 30 % [31]. Стоит отметить, что неизлечимо больные осужденные подвержены более высокому уровню рецидива после освобождения [32].

Таким образом, на основе анализа литературы отечественных и зарубежных авторов мы можем сделать вывод, что у неизлечимо больных осужденных зачастую наблюдается чувство безысходности и отчаяния, они теряют интерес к жизни. Диагноз данной категорией воспринимается как приговор, что вызывает тревожность, депрессию и склонность к саморазрушению. Такой критерий, как отношение к жизни у неизлечимо больных осужденных, может играть важную роль в их ресоциализации, помощи в лечении болезни, а также является одним из важных показателей для снижения уровня суицидального риска и рецидива преступности с целью формирования реалистичного и позитивного отношения к жизни.

Описание исследования

Для изучения категории «отношение к жизни» у неизлечимо больных осужденных было проведено эмпирическое исследование на базе ФКЛПУ МБ-10 УФСИН России по Вологодской области. Были отобраны осужденные двух категорий: имеющие неизлечимые заболевания и здоровые. 60 осужденных мужского пола в возрасте от 25 до 30 лет (образование основное общее) были разделены на 2 группы: первая группа – 30 здоровых осужденных. Вторая группа – 30 неизлечимо больных осужденных. Среди неизлечимо больных представлены лица со следующими заболеваниями: ВИЧ/СПИД, туберкулез (в запущенной форме), сахарный диабет II степени, цирроз печени, хроническая сердечная недостаточность. Для анализа отношения к жизни использовалась методика «Смыслоразностные ориентации» Д. А. Леонтьева. Эта методика, разработанная российским психологом и философом, фокусируется на выявлении и развитии смысла жизни человека, а также на определении его ценностей, целей и мотивов. При анализе полученных результатов выявлены осознаваемые и неосознаваемые установки осужденных по отношению к своей жизни (см. рис.).

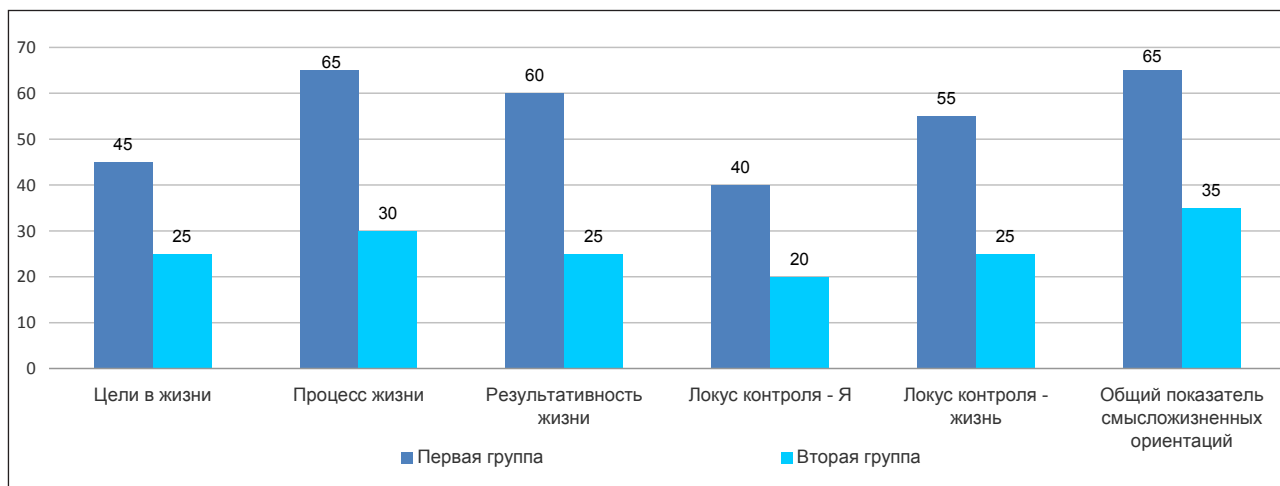

Рис. Показатели оценки смысла жизни осужденных (в %)

Такие показатели, как «Цели в жизни», имеют средний уровень и находятся с поле нормы. Осужденные из обеих групп не имеют планов на далекое будущее, живут настоящим днем, жизнь уже сложилась, жизнь, которую они прожили, уже никак не изменить.

По шкале «Процесс жизни» осужденные первой группы имеют результаты намного выше, чем второй. Они отмечают, что реализовали себя полностью в жизни, имеют ближайшие жизненные планы. Считают, что необходимо развивать себя, а также использовать свой жизненный опыт в будущем.

Низкий показатель по шкале «Результативность жизни» отмечается во второй группе. Осужденные чаще высказывают мнение о том, что их жизнь не достигла важных целей. Им не удалось добиться желаемого. Все планы на жизнь не имеют дальнейшей возможности осуществления. Неизлечимо больные осужденные не имеют сформированного понятия о своей жизни, конкретных целей, утрачена вера в себя и свои действия. Они хотели бы изменить свою жизнь, но не имеют сил и возможностей для этого.

Также по всем показателям у неизлечимо больных осужденных результаты ниже среднего. Они считают, что человек не может контролировать свою жизнь, нет смысла строить планы на будущее, нет веры в какие-либо медицинские возможности лечения. Осужденные утратили воспоминания о своей жизни, считают, что она всегда имела отрицательный характер. Отмечают, что взаимоотношения с родственниками и окружающими всегда были негативными, без взаимопонимания.

При сравнении полученных результатов выявлено, что осужденные первой группы, наоборот, имеют более высокие показатели по всем шкалам. Здоровые осужденные считают, что имеют власть и контроль над своей жизнью, сами выбирают круг своего взаимодействия. Убеждены что контролируют свою жизнь и действия. Выстраивают дальнейшие планы на жизнь. У них появляются мотивы создания семьи и изменения своей жизни с целью недопущения дальнейших преступных действий.

Анализируя критерий «Общий показатель смысложизненных ориентаций» отметим, что осужденные первой группы имеют достижения в жизни, считают

себя физически и психически здоровыми личностями, принимают себя такими, какие они есть. Осужденные второй группы, наоборот, имеют отрицательное отношение к себе, заниженную самооценку, низкие показатели адаптивных способностей и когнитивных возможностей.

Неизлечимо больные осужденные испытывают трудности в принятии решений и действуют только тогда, когда уверены, что все будет хорошо. Данная категория склонна к самоуничтожению, самокритике, считают себя неудачниками, проявляют высокую чувствительность к мнению других людей и боятся, что их осудят или отвергнут. Могут сомневаться в своих решениях и действиях, даже если они уже были приняты. Наличие неизлечимого заболевания может мешать осужденным достигать своих целей, брать на себя ответственность и жить полной жизнью.

Осужденные первой группы отмечают наличие возможностей для реализации в жизни, определения новых целей, проявляют интерес к своему здоровью. Неизлечимо же больные осужденные делают акцент на том, что недостаточно следили за своим здоровьем, что хотели бы изменить прошлое. Считают, что их жизнь обречена и никакое лечение не поможет в решении их проблем.

Для подтверждения или опровержения гипотезы о том, что имеются различия в отношении к жизни у осужденных с неизлечимыми болезнями и здоровыми, проведено сравнение показателей в изучаемых выборках при помощи U-критерия Манна – Уитни – критерия для сравнения независимых выборок. По полученным результатам все шесть критериев находятся в зоне значимости $U_{кр} = 2,63$ ($p \leq 0,01$), таким образом, имеются достоверные различия показателей в группах осужденных, а значит, неизлечимо больные осужденные имеют негативное отношение к жизни, а также состояние отрицания реальности.

По результатам исследования у осужденных, имеющих неизлечимые заболевания, отмечаются наиболее низкий уровень принятия своей жизни, отрицание реальности, а также недостаточное принятие прожитой жизни. Осужденные не переживают за свою жизнь, имеют недоверие к себе и окружающим, при взаимодействии с другими испытывают жалость

к себе. На контакт идут опосредованно, не следят за своим внешним видом и поведением в связи с отсутствием принятия дальнейшей жизни. Неизлечимо больные осужденные зачастую отмечают хроническую усталость, которая является эффектом от постоянных негативных мыслей. Испытывают чувство социальной изоляции и одиночества. Могут испытывать трудности в выполнении обычных задач, что приводит к потере независимости и необходимости помощи других людей.

Выводы

Представленное исследование является пилотажным, проведено с целью изучения общих механизмов переживания у неизлечимо больных осужденных с разными заболеваниями. По результатам можно сделать вывод, что независимо от того, какие неизлечимые заболевания имеют осужденные, все они в равной мере испытывают физические и эмоциональные переживания. В будущем данное исследование может быть продолжено и конкретизировано с учетом диагнозов осужденных. Изучение данного вопроса поможет сформировать более точные и эффективные меры психологической, медицинской, социальной помощи осужденным в зависимости от их диагноза.

На основе полученных результатов разработаны рекомендации по психологическому сопровождению неизлечимо больных осужденных с целью поиска позитивной стратегии отношения к жизни, изменения уровня тревожности, определения смысло-жизненных ориентаций, формирования реалистичного отношения к жизни и принятия диагноза, создания положительной осмысленности своих действий и др.

Необходимо внедрять систематическую психологическую работу с неизлечимо больными осужденными, которая включает несколько этапов.

Первый этап предполагает диагностику с целью определения эмоционального и психологического состояния осужденных, выявления потребностей и уровня отношения к жизни, а также ее осмысленности. По результатам выстраивается индивидуальный план психологического сопровождения неизлечимо больного осужденного.

На этапе индивидуальной работы психолог использует различные методы воздействия, такие как психокоррекция, консультация, тренинг. Именно индивидуальная работа является перспективной и необходимой – осужденного нельзя оставлять наедине с самим собой. Необходимо постоянно проводить лонгитюдные исследования для определения изменений в поведении, а также формирования реалистичного образа будущего, отслеживания их в ходе индивидуальной работы, что поможет повысить предсказуемость результатов деятельности. Кроме того, следует развивать чувство уверенности в себе,

навыки постановки целей, жизнестойкость, обучать методам саморегуляции и рефлексии с целью изменения отношения к своей жизни и самому себе. Важно использовать методы когнитивно-поведенческой терапии для изменения отрицательных установок и убеждений по поводу своей настоящей и будущей жизни.

Неизлечимо больные осужденные должны видеть достижение своих целей и задач для формирования навыков саморегуляции и саморазвития, формирования положительной направленности на будущую жизнь. При оказании поддержки необходимо также использовать педагогические методы воздействия, привлекать сотрудников воспитательного отдела, обеспечивать участие неизлечимо больных осужденных в образовательном процессе для повышения их уверенности в себе, личностного развития.

Наличие неизлечимого заболевания может мешать осужденным достигать своих целей, брать на себя ответственность и жить полной жизнью, поэтому важно работать над преодолением страхов и сомнений. Уже на ранних этапах получения информации о наличии неизлечимой болезни следует повышать адаптивные возможности и формировать принятие своей болезни. Привлечение сотрудников медицинских частей позволит доводить информацию до осужденных о возможностях лечения заболевания на ранних этапах.

Социальным работникам исправительных учреждений необходимо помочь осужденным восстанавливать и поддерживать социальные связи с родственниками. Общение с близкими может сыграть важную роль в оказании помощи неизлечимо больным осужденным. Для многих людей, находящихся в заключении, поддержка близких является жизненно важной, особенно когда они сталкиваются с серьезным заболеванием. В таких случаях общение с родственниками может способствовать улучшению психического и эмоционального состояния больного, а также помочь ему справиться с чувством одиночества. Родственники могут предложить утешение, понимание и поддержку, которые помогут осужденному справиться с такими проблемами, как стресс, депрессия и тревога.

Соблюдение данных рекомендаций, включающих в себя работу по формированию позитивной самооценки, развитие навыков принятия решений, позволит значительно улучшить психологическое состояние данной категории осужденных, они смогут обрести смысл и цели в жизни, восстановить уверенность в себе и своих действиях, а также восстановить связь с близкими. В дальнейшем комплексная работа с данной категорией станет важным шагом по уменьшению показателей смертности, а также суицидальных действий неизлечимо больных осужденных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php> (дата обращения: 29.01.2025).
2. Зауторова Э. В. Особенности ценностных и смысло-жизненных ориентаций ВИЧ-инфицированных осужденных : моногр. М., 2018. 107 с.
3. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб., 2017. 165 с.

4. Пилюкова С. С., Тарасова С. А. Пенитенциарная психология и педагогика : учеб.-метод. пособие. Самара, 2017. 85 с.
5. Будько Е. В. Модусы социального поведения в условиях кризисной ситуации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). С. 57–62.
6. Петросьян С. Н., Рябикова З. И. Современные подходы к проблеме жизненного сценария личности как социально-психологического феномена // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 3 (183). С. 123–135.
7. Бобылева И. Ю., Романов А. И., Степаненко М. В. Характеристика мужчин, отбывающих наказание в ИТК (по материалам спецпереписи 1989 г.). М., 2012. 37 с.
8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999. 349 с.
9. Деев В. Г. Психология направленности личности осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986.
10. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 2015. 342 с.
11. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / R. Fair and S. Moscovici (Eds.). Cambridge, 1984. P. 3–69.
12. Segall A. The Sick Role Concept: Understanding Illness Behavior // Journal of Health and Social Behavior. 1976. Vol. 17, no. 2. P. 162–169.
13. Parsons T. The social system. Glencoe, 1951.
14. Maslow A. H. A theory of human motivation // Psychological review. 1943. Vol. 50, № 4. P. 370–396.
15. Шкуратов В. А., Шкуратов В. А., Михайлова О. Ю., Котова Т. А. Проблемы изучения отношения к жизни и смерти в юридической психологии // Российский психологический журнал. 2012. № 2. С. 16–22.
16. Воронин Р. М. Психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3 (6). С. 68–75.
17. Саар Ю. Р. Психологическая характеристика жизненных планов правонарушителей (на материале ЭССР) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 24 с.
18. Адылин Д. М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных к лишению свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3. С. 3–8.
19. Ковалев А. Г., Бородкина Т. В. Психологические аспекты работы с тяжелобольными пациентами. СПб., 2017. 280 с.
20. Лебедев И. Б., Евсеева И. Г., Чуманов Ю. В. Психологические особенности представления о смысле жизни осужденными и особенности его формирования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 326–332.
21. Абрамова Г. С. Психология заключенных: проблемы адаптации и реабилитации. М., 2018. 320 с.
22. Братусь Б. С. Аномальная психология : учеб. для вузов. М., 2019. 450 с.
23. Лебедева Н. М. Психология стресса и кризисных состояний. М., 2016. 300 с.
24. Холмогорова А. Б. Психотерапия в системе работы с тяжелобольными. М., 2018. 200 с.
25. Рекомендации по оказанию паллиативной помощи в условиях пенитенциарных учреждений. М., 2020. 50 с.
26. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2015. 240 с.
27. Chronicle E. P., Ormerod T. C., MacGregor J. N. When Insight Just Won't Come: The Failure of Visual Cues in the Nine-Dot Problem // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2001. Vol. 54, no. 3. Section A. P. 903–919.
28. Maruschak L. M., Harrison P. M., Song J. Medical Problems of State and Federal Prisoners and Jail Inmates, 2011–12. Washington, 2015. 18 p.
29. Vogel W. N. HIV disease in prisons: psychosocial aspects // AIDS Patient Care and STDs. 1996. Vol. 10, no. 1. P. 23–29.
30. Rich J. D., Rich J. D., Wakeman E. A., Dickman S. L. Delivering quality health care in the correctional setting // American Journal of Public Health. 2011. Vol. 101, suppl. 1. P. 23–30.
31. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners // The Lancet. 2011. Vol. 377, no. 9769. P. 956–965.
32. Williams B. A., Johnson E. M., West T. D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners // Journal of Aging and Social Policy. 2012. Vol. 24, no. 3. P. 254–266.

REFERENCES

1. Statistical data. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service: official website]. Available at: <https://pda.fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/index.php> (In Russ.). (Accessed January 29, 2025)
2. Zautorova E.V. *Osobennosti tsennostnykh i smyslozhiznennykh orientatsii VICH-infitsirovannykh osuzhdennykh: monogr.* [Features of the value and meaning of life orientations of HIV-infected convicts: monograph]. Moscow, 2018. 107 p.
3. Adler A. *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg, 2017. 165 p.
4. Pilyukova S.S., Tarasova S.A. *Penitentsiarnaya psikhologiya i pedagogika: ucheb.-metod. posobie* [Penitentiary psychology and pedagogy: educational and methodical manual]. Samara, 2017. 85 p.
5. Bud'ko E.V. Modes of social behavior in a crisis situation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, no. 8 (430), pp. 57–62. (In Russ.).
6. Petros'yan S.N., Ryabikova Z.I. Current approaches to the problem of personality life script as a social and psychological phenomenon. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Adygea State University*, 2016, no. 3 (183), pp. 123–135. (In Russ.).
7. Bobyleva I.Yu., Romanov A.I., Stepanenko M.V. *Kharakteristika muzhchin, otbyvayushchikh nakazanie v ITK (po materialam spetsperepisi 1989 g)* [Characteristics of men serving sentences in penitentiary institutions (based on the materials of the 1989 special census)]. Moscow, 2012. P. 37.

8. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, 1999. 349 p.
9. Deev V.G. *Psikhologiya napravlenosti lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: avtoref. dis. ... d-pa psikh. nauk* [Psychology of personality orientation of convicts serving sentences in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 1986. P. 15.
10. Poznyshchev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, 2015. 342 p.
11. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Fair R., Moscovici S. (Eds.). *Social representations*. Cambridge, 1984. Pp. 3–69.
12. Segall A. The sick role concept: understanding illness behavior. *Journal of Health and Social Behavior*, 1976, vol. 17, no. 2, pp. 162–169.
13. Parsons T. *The social system*. Glencoe, 1951.
14. Maslow A.H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, 1943, vol. 50, no. 4, pp. 370–396.
15. Shkuratov V.A., Mikhailova O.Yu., Kotova T.A. Problems of studying attitudes to life and death in legal psychology. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2012, no. 2, pp. 16. (In Russ.).
16. Voronin R. M. Psychological features of the HIV-infected prisoners. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye = Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2014, no. 3(6), pp. 68–75. (In Russ.).
17. Saar Yu.R. *Psikhologicheskaya kharakteristika zhiznennykh planov pravonarushitelei: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Psychological characteristics of offenders' life plans: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2009. P. 11.
18. Adylin D.M. Criminal law and penal characteristics of hiv-infected persons sentenced to deprivation of liberty. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2012, no. 3, pp. 3–8. (In Russ.).
19. Kovalev A.G., Borodkina T.V. *Psikhologicheskie aspekty raboty s tyazhelobol'nymi patsientami* [Psychological aspects of working with seriously ill patients]. Saint Petersburg, 2017. 280 p.
20. Lebedev I.B., Evseeva I.G., Chumanov Yu.V. Psychological features of ideas about the meaning of life by convicts and features of its formation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 326–332. (In Russ.).
21. Abramova G.S. *Psikhologiya zaklyuchennykh: problemy adaptatsii i reabilitatsii* [Psychology of prisoners: problems of adaptation and rehabilitation]. Moscow, 2018. 320 p.
22. Bratus' B.S. *Anomal'naya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov* [Abnormal psychology: textbook for universities]. Moscow, 2019. 450 p.
23. Lebedeva N.M. *Psikhologiya stressa i krizisnykh sostoyanii* [Psychology of stress and crisis states]. Moscow, 2016. 300 p.
24. Kholmogorova A.B. *Psikhoterapiya v sisteme raboty s tyazhelobol'nymi* [Psychotherapy in the system of work with the seriously ill]. Moscow, 2018. 200 p.
25. *Ministerstvo zdoravookhraneniya RF. Rekomendatsii po okazaniyu palliativnoi pomoshchi v usloviyakh penitentsiarnykh uchrezhdenii* [Ministry of Health of the Russian Federation. Recommendations on palliative care in penitentiary institutions]. Moscow, 2020. 50 p.
26. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, 2015. 240 p.
27. Chronicle E.P., Ormerod T.C., MacGregor J.N. When insight just won't come: the failure of visual cues in the nine-dot problem. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2001, vol. 54, no. 3, pp. 903–919.
28. Maruschak L.M., Harrison P.M., Song J. *Medical problems of state and federal prisoners and jail inmates, 2011–2012*. Washington, 2015. 18 p.
29. Vogel W.N. HIV disease in prisons: psychosocial aspects. *AIDS Patient Care and STDs*, 1996, vol. 10, no. 1, pp. 23–29.
30. Rich J.D., Wakeman E.A., Dickman S.L. Delivering quality health care in the correctional setting. *American Journal of Public Health*, 2011, vol. 101, no. 1, pp. 23–30.
31. Fazel S., Baillargeon J. The health of prisoners. *The Lancet*, 2011, vol. 377, no. 9769, pp. 956–965.
32. Williams B.A., Johnson E.M., West T.D. Chronic medical disease and recidivism in older prisoners. *Journal of Aging and Social Policy*, 2012, vol. 24, no. 3, pp. 254–266.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КУЧКАРЕВ – старший психолог психологической лаборатории Межобластной больницы № 10 УФСИН России по Вологодской области, Вологда, Россия, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, stanislav-rz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

YURII YU. KUCHKAREV – Senior Psychologist at the Psychological Laboratory of the Interregional Hospital for Convicts No. 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Vologda Oblast, Vologda, Russia, kuchkarev_adunktura@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7194-6037>

STANISLAV V. GORNOSTAEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, stanislavrz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>

Статья поступила 27.02.2025

Научная статья

УДК 159.9.072

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009

Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВНаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Реферат

Введение: расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, среди осужденных представляют многоуровневую проблему, обусловленную взаимодействием нейробиологических, психологических и социальных факторов. Высокий уровень рецидивизма среди осужденных с зависимостями и низкая эффективность традиционных подходов к реабилитации требуют проведения углубленного междисциплинарного анализа. Многочисленные исследования указывают на высокий уровень хронического стресса, испытываемого осужденными, что обуславливает необходимость рассмотрения взаимосвязи между хроническим стрессом и поддержанием зависимости в данной популяции. Высокая коморбидность зависимости и заключения под стражу требует более глубокого понимания основных факторов, таких как стресс, для разработки эффективных стратегий вмешательства. **Цель:** исследование механизмов формирования и поддержания зависимости в условиях пенитенциарной системы с особым акцентом на анализе влияния хронического стресса на нейробиохимические процессы, когнитивно-эмоциональные паттерны и социальные детерминанты; обоснование ключевой значимости хронического стресса по сравнению с другими факторами поддержания зависимости и разработка расширенных рекомендаций для реабилитации. **Методы:** углубленный обзор и анализ актуальных научных публикаций, содержащих эмпирические данные, касающиеся распространенности и влияния хронического стресса, его связи с зависимостью у осужденных, а также эффективности различных реабилитационных подходов. **Результаты:** выявлено, что условия лишения свободы (сенсорная депривация, ограничение автономии, суровые условия содержания, насилие) приводят к повышенному уровню хронического стресса у осужденных, который усугубляет нейробиологические нарушения (дисфункция дофаминовой системы, гиперкортизолемиа, подавление нейрогенеза) и эпигенетические изменения, связанные с данными расстройствами. Хронический стресс выступает ключевым фактором в поддержании и рецидиве зависимости, провоцируя тягу и способствуя употреблению психоактивного вещества как средства самолечения. Психологические факторы (выученная беспомощность, деформация временной перспективы, эмоциональная дисрегуляция) и социальные риски (стигматизация, изоляция, отсутствие реинтеграционных программ) тесно взаимодействуют со стрессом, формируя цикл дезадаптации. Подтверждена эффективность комплексных стратегий, сочетающих психологические интервенции (когнитивно-поведенческая терапия, терапия осознанностью), социальную поддержку (программы реинтеграции, вовлечение семьи, наставничество) и при необходимости фармакотерапию. **Выводы:** хронический стресс играет ключевую роль в поддержании зависимости у осужденных. Оптимизация реабилитации требует интеграции нейронаучных данных, психокоррекционных методик (когнитивно-поведенческая терапия, терапия осознанностью, травма-информированный подход) и социально-средовых подходов (программы реинтеграции, поддержка семьи, наставники, социальные работники). Перспективными являются комплексные программы, направленные на снижение аллостатической нагрузки, развитие копинг-стратегий, восстановление нейропластичности и обеспечение непрерывности поддержки после освобождения.

Ключевые слова: химические зависимости; осужденные; уголовно-исполнительная система; хронический стресс; реабилитация; рецидивизм; психологические интервенции; социальная поддержка.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Искандаров Р. Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 189–199. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009.

Original article

Biopsychosocial and Structural Determinants of Chemical Addictions in Prison Settings

ROBERT R. ISKANDAROV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Abstract

Introduction: substance use disorders among prisoners are a multi-level problem caused by the interaction of neurobiological, psychological and social factors. The problem of addiction among persons in places of imprisonment is widespread and has a significant impact on both the individuals themselves and the prison system as a whole. High recidivism rates among prisoners with addictions and low efficiency of traditional approaches to rehabilitation require in-depth interdisciplinary analysis. Numerous studies indicate high levels of chronic stress experienced by prisoners, which necessitates consideration of the relationship between chronic stress and maintenance of addiction in this population. High comorbidity of addiction and incarceration necessitates a deeper understanding of the underlying factors, such as stress, to develop effective intervention strategies. **Purpose:** to study mechanisms of addiction formation and maintenance in the penitentiary system, analyze the influence of chronic stress on neurochemical processes, cognitive-emotional patterns and social determinants, to substantiate the key importance of chronic stress compared to other factors in maintaining addiction, and to develop expanded recommendations for rehabilitation. **Methods:** an in-depth review and analysis of current scientific publications containing empirical data on the prevalence and impact of chronic stress, its relationship with addiction in convicts, and the effectiveness of various rehabilitation approaches was conducted. **Results:** it is revealed that prison conditions (sensory deprivation, limited autonomy, harsh conditions, and violence) provoke chronic stress in convicts, which aggravates neurobiological disorders (dysfunction of the dopamine system, hypercortisolemia, and suppression of neurogenesis) and epigenetic changes associated with these disorders. Chronic stress is a key factor in the maintenance and relapse of addiction, provoking cravings and contributing to the use of psychoactive substances as a means of self-medication. Psychological factors (learned helplessness, distorted time perspective, and emotional dysregulation) and social risks (stigmatization, isolation, and lack of reintegration programs) closely interact with stress, forming a cycle of maladaptation. The effectiveness of complex strategies combining psychological interventions (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy), social support (reintegration programs, family involvement, and mentoring) and, if necessary, pharmacotherapy is confirmed. **Conclusion:** chronic stress plays a key role in maintaining addiction in convicts. Optimization of rehabilitation requires the integration of neuroscientific data, psychocorrectional methods (cognitive behavioral therapy, mindfulness therapy, and a trauma-informed approach) and socio-environmental approaches (reintegration programs, family support, mentors, and social workers). Promising are complex programs aimed at reducing allostatic load, developing coping strategies, restoring neuroplasticity and ensuring continuity of support after release.

Keywords: chemical dependencies; convicts; penal system; chronic stress; rehabilitation; recidivism; psychological interventions; social support.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical addictions in prison settings. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 189–199. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009.

Введение

В современном мире расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, приобретают масштабы системного кризиса, затрагивающего как индивидуальное здоровье, так и общественную

безопасность. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, доля осужденных с диагностированной зависимостью варьируется от 20 до 65 % в разных регионах [1]. По официальной статистике МВД России, каждый десятый заключенный страдает от химической аддикции [2]. Эти цифры не

только отражают масштаб проблемы, но и подчеркивают ее структурную природу: употребление психоактивных веществ тесно связано с рецидивизмом, поскольку большая часть преступлений среди зависимых совершается либо под воздействием веществ, либо с целью их приобретения [3; 4].

Однако ключевой проблемой остается отсутствие достаточной эффективности реабилитационных программ в пенитенциарных учреждениях. Традиционные подходы, основанные на изоляции и принудительном воздержании, демонстрируют ограниченные результаты: лишь 5–15% лиц сохраняют ремиссию после освобождения [5]. Основная причина кроется в игнорировании комплексного взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов, формирующих феномен «двойной несвободы».

С одной стороны, хронический стресс, сенсорная депривация и ограничение автономии в тюрьмах усугубляют нейрохимические нарушения, вызванные длительным употреблением психоактивных веществ. Многочисленные исследования указывают на высокий уровень стресса, испытываемого осужденными, что требует детального рассмотрения его роли [6–11]. С другой стороны, дезадаптивные когнитивные паттерны и стигматизация закрепляют зависимость как стратегию выживания. Высокая коморбидность зависимости и заключения под стражу обуславливает необходимость более глубокого понимания основных факторов, таких как стресс, для разработки эффективных стратегий вмешательства.

Существует практическая потребность в научно обоснованном анализе и конкретных действиях, которые могут быть реализованы для улучшения результатов реабилитации. Важно отметить, что данная проблема выходит за рамки пенитенциарной медицины, приобретая социально-экономическое измерение. Например, в странах с высоким уровнем неравенства, таких как США или Бразилия, отсутствие доступа к жилью и трудоустройству после освобождения увеличивает риск рецидива [12; 13].

В этой связи актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от репрессивных мер к научно обоснованным стратегиям, учитывающим как нейробиологические механизмы зависимости (например, дисфункцию дофаминовой системы под влиянием стресса), так и структурные недостатки пенитенциарной реабилитации. Целью работы является анализ взаимосвязи между нейробиологическими изменениями (особенно вызванными хроническим стрессом), психологическими особенностями [14; 15] и социальными условиями [16], которые совместно определяют устойчивость аддиктивного поведения среди осужденных. Особое внимание уделяется концепции аллостатической нагрузки, объединяющей биологические последствия хронического стресса и их влияние на адаптационный потенциал личности.

Настоящий обзор направлен на углубленный анализ научных публикаций, содержащих эмпирические данные по этой проблеме, с целью обосновать ключевую

значимость хронического стресса по сравнению с другими факторами, способствующими сохранению зависимости у осужденных. Кроме того, будут представлены расширенные рекомендации для психологического и социального компонентов реабилитационной модели, направленные на повышение практической значимости работы.

Результаты исследования призваны стать основой для разработки интегративных программ реабилитации, сочетающих фармакотерапию, психокоррекцию и социальную поддержку. Таким образом, представленная работа вносит вклад в междисциплинарный диалог, связывающий нейронауку, клиническую психологию и пенитенциарную практику. Ее практическая значимость заключается в обосновании моделей, способных не только снизить рецидивизм, но и восстановить социально-психологический ресурс лиц, оказавшихся в условиях «двойной несвободы».

Распространенность и влияние хронического стресса среди осужденных. Эмпирические данные, полученные в результате научных исследований, последовательно демонстрируют повышенный уровень хронического стресса среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, а многочисленные исследования сходятся во мнении, что опыт тюремного заключения обычно характеризуется высоким уровнем стресса, тревожности, низкой самооценкой, одиночеством и депрессией [17–20]. В частности, исследование, проведенное в тюрьмах Ганы, показало, что более половины заключенных испытывали умеренный или высокий уровень стресса, причем наиболее высокий уровень отмечался среди заключенных тюрьмы строгого режима [17].

Сама тюремная среда играет значительную роль в развитии стресса и психических проблем среди заключенных. Факторы, способствующие стрессу, включают изоляцию от семьи и социальных сетей [21], суровые условия содержания, отсутствие личного пространства, плохие санитарно-гигиенические условия [22; 23], насилие [24; 25] и отсутствие целенаправленной деятельности. Последовательность этих результатов в различных исследованиях и странах подчеркивает универсальность стресса как значимого фактора в тюремной среде.

Хронический стресс оказывает глубокое психологическое воздействие на заключенных. Он связан с различными психологическими расстройствами, включая тревожность, депрессию, самоповреждение, агрессивное поведение, навязчивые мысли и злоупотребление психоактивными веществами. Тюремное заключение может привести к развитию посттюремного синдрома, сходного с посттравматическим стрессовым расстройством, с долгосрочными последствиями для психического здоровья [25]. Хронический стресс может негативно влиять на тело, разум и жизнь человека, вызывая чувство подавленности, возбужденности, тревоги и опасений. Долгосрочные последствия хронического стресса, выходящие за пределы периода заключения, подчеркивают необходимость вмешательств, способствующих пси-

хологическому благополучию как во время, так и после лишения свободы [26].

Биологические основы: нейрхимия зависимости в условиях изоляции и хронического стресса. Хроническое употребление психоактивных веществ провоцирует глубокие нейробиологические сдвиги, которые в условиях тюрьмы усугубляются из-за сенсорной депривации, ограничения подвижности и постоянного стресса. Центральную роль играет дисфункция дофаминовой системы, регулирующей мотивацию и систему вознаграждения. У лиц с опиоидной зависимостью плотность D2-рецепторов в стриатуме снижается, что ослабляет контроль над импульсивными действиями и усиливает тягу к веществам. В тюрьме эти нарушения накладываются на хронический стресс, повышающий уровень кортизола. Гиперкортизолемиа подавляет нейрогенез в гиппокампе, структуре, критичной для памяти и эмоциональной регуляции, и снижает уровень BDNF (нейротрофического фактора мозга) [27], что ограничивает нейропластичность и способность к обучению. Это создает порочный круг: стресс ухудшает когнитивные функции, что затрудняет преодоление зависимости, а сама зависимость усиливает восприимчивость к стрессу.

Эпигенетические модификации, индуцированные средой, закрепляют эти изменения [28; 29]. У осужденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, выявлено гиперметилирование генов DRD2 и COMT, регулирующих дофаминовый обмен. Это снижает экспрессию D2-рецепторов и замедляет метаболизм дофамина, усиливая его накопление в синапсах и провоцируя импульсивность. Подобные изменения могут сохраняться годами, повышая уязвимость к рецидивам даже после освобождения.

Гиперактивация лимбической системы является еще одним следствием тюремных условий и хронического стресса. У заключенных с рассматриваемым расстройством фиксируется повышенная активность амигдалы, ответственной за реакции страха, и снижение активности префронтальной коры, модулирующей самоконтроль [30]. Этот дисбаланс усиливает эмоциональную лабильность, снижая толерантность к фрустрации и закрепляя связь между стрессом и поиском психоактивных веществ как быстрого решения.

Хронический стресс как ключевой фактор в поддержании зависимости. Анализ эмпирических данных и нейробиологических моделей позволяет утверждать, что хронический стресс играет ключевую роль в возникновении, поддержании и рецидиве зависимости у осужденных [5–7]. Многие люди попадают в тюремную систему уже с зависимостью, и стресс, связанный с заключением, может усугубить эти расстройства, приводя к употреблению психоактивных веществ в качестве средства самолечения. Тюремная среда, характеризующаяся насилием, изоляцией и недостатком реабилитационных услуг, может спровоцировать или усилить нездоровое употребление психоактивных веществ как способ спра-

виться с трудностями. Стресс может вызывать тягу к наркотикам и приводить к рецидивам даже после периодов воздержания во время заключения. Чувство безнадежности, отсутствие перспектив на будущее и угнетающая тюремная среда способствуют стрессу и желанию уйти от реальности с помощью психоактивных веществ.

Нейробиологические модели показывают, что стресс активирует мозговые пути, участвующие в системе вознаграждения и мотивации (включая дофаминергические и норадренергические системы, а также кортикотропин-рилизинг-фактор), что повышает уязвимость к зависимости и рецидиву. Циклическая природа зависимости и стресса, когда стресс может провоцировать употребление психоактивных веществ, а употребление, в свою очередь, приводит к еще большему стрессу (включая юридические и социальные последствия), подчеркивает необходимость одновременного решения обеих проблем в рамках программ реабилитации. Нейробиологические данные предоставляют убедительное основание для понимания физиологической основы поведения, связанного со стрессом и зависимостью, что указывает на потенциальную эффективность вмешательств, направленных на эти пути.

Таким образом, хотя другие факторы играют роль, именно хронический стресс часто выступает тем катализатором и поддерживающим механизмом, который препятствует устойчивой ремиссии в условиях лишения свободы и после освобождения.

Психологические механизмы: ловушка дезадаптации под влиянием стресса. В условиях лишения свободы аддиктивное поведение трансформируется в сложный психологический феномен, где когнитивные искажения, эмоциональная дисрегуляция и институциональные ограничения взаимно усиливаются, часто под влиянием хронического стресса. Центральную роль играет феномен выученной беспомощности, описанный М. Селигманом [14]. Систематическое подавление автономии, невозможность влиять на базовые аспекты жизни и хроническая непредсказуемость среды формируют устойчивое убеждение в бессмысленности усилий. Исследования показывают, что лица с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в тюрьмах демонстрируют установки типа «ничего не изменить», что коррелирует с резистентностью к терапии и рецидивами. Этот когнитивный паттерн, усугубляемый стрессом и чувством безнадежности, не только снижает мотивацию, но и разрушает самоэффективность, закрепляя зависимость как единственную доступную стратегию контроля над негативными переживаниями.

Важным элементом становится деформация временной перспективы. В условиях изоляции и стресса происходит коллапс долгосрочного планирования: большинство заключенных фокусируются на текущем моменте, что связано как с нейробиологическими изменениями (угнетением префронтальной коры под влиянием стресса) [6; 30], так и с адаптацией к среде, где будущее воспринимается как абстракция.

Согласно теории Ф. Зимбардо, такая суженная временная ориентация повышает привлекательность психоактивных веществ как средства немедленного эскапизма, минимизируя значимость отдаленных последствий [15]. Это создает порочный круг: вещества используются для подавления стресса и тревоги, вызванных неопределенностью, но их употребление еще сильнее разрушает способность к планированию.

Дисфункциональные убеждения, мифологизирующие эффекты психоактивных веществ, усугубляют ситуацию. В тюремной субкультуре формируются нарративы, идеализирующие вещества как инструмент «контроля над эмоциями» или «символ сопротивления». Эти убеждения, подкрепляемые групповой динамикой, трансформируют употребление в ритуал, конструирующий смысл в условиях экзистенциального вакуума [31]. Например, в некоторых сообществах заключенных прием психоактивных веществ ассоциируется с демонстрацией силы или принадлежностью к группе, что усиливает их символическую ценность.

Эмоциональная дисрегуляция, усугубляемая хроническим стрессом, выступает ключевым драйвером аддикции. У осужденных в тюрьмах часто диагностируются клинически значимая тревожность и симптомы депрессии. Гиперактивация амигдалы, ответственной за обработку страха и усиленной стрессом, сочетается с дефицитом нейромедиаторов, что снижает толерантность к фрустрации. Импульсивность, измеряемая тестами на отложенное вознаграждение, часто повышена [32]. В условиях ограничения альтернативных копинг-стратегий (творчество, спорт, общение) формируется патологическая петля: дистресс провоцирует употребление, которое, в свою очередь, углубляет эмоциональную нестабильность.

Адаптивные стратегии в тюремной среде приобретают парадоксальный характер. Употребление психоактивных веществ становится не только механизмом совладания с индивидуальным стрессом, но и инструментом социальной интеграции. В условиях депривации базовых потребностей (безопасность, принадлежность) вещества превращаются в социальный капитал, обмен на который укрепляет статус в иерархии сообщества. Например, доступ к веществам может служить «валютой» для получения защиты или информации, что институционализирует их употребление как норму.

Кульминацией этих процессов становится формирование такой зависимой идентичности, как устойчивая саморепрезентация, объединяющая стигму («Я – наркоман»), эмоциональную фиксацию на психоактивных веществах и восприятие трезвости как угрозы социальному положению [33]. Нейропсихологически это сопровождается снижением активности медиальной префронтальной коры, ответственной за саморефлексию [34], и гиперфункцией островковой доли, связанной с телесными ощущениями и тягой. Такая идентичность резистентна к внешним воздействиям, требуя глубокой реконфигурации самонаративов.

Социальные факторы и их взаимодействие со стрессом. Хронический стресс является одним из ключевых факторов, влияющих на поддержание зависимости у осужденных, однако другие факторы также играют значительную роль и часто взаимодействуют со стрессом, усугубляя его воздействие. Социальная архитектура тюремной системы и условия после освобождения катализируют зависимость через стигматизацию, институциональное насилие, социальную изоляцию и экономическое исключение.

Социальная изоляция, вызванная разлукой с семьей и друзьями, усугубляется условиями заключения и может привести к чувству одиночества и безнадёжности, что, в свою очередь, усиливает стресс и может способствовать употреблению психоактивных веществ как способу справиться с этими эмоциями. Двойная маргинализация, как преступника и наркомана, приводит к системной эксклюзии: после освобождения лица сталкиваются с отказами в трудоустройстве и жилье, что вызывает стресс и возвращает их в криминальные сети. Внутри тюрем иерархия, где зависимость ассоциируется со слабостью, ограничивает доступ к реабилитационным программам, закрепляя стигму.

Институциональное насилие (физическое, психологическое) является мощным стрессором, коррелирующим с усилением аддикции как формы сопротивления или бегства. В странах с репрессивной наркополитикой смертность от передозировок после освобождения значительно выше, чем в регионах с медико-социальным подходом, что отчасти связано с потерей толерантности и стрессом реинтеграции [35; 36]. «Культура молчания», где обращение за помощью воспринимается как предательство, блокирует доступ к поддержке и усиливает чувство изоляции. Отсутствие возможностей для образования, работы и личностного роста во время и после заключения может вызвать чувство безнадёжности и отсутствия цели, что также является источником стресса и может способствовать рецидиву зависимости.

Экономические барьеры усиливают цикл зависимости: бедность, отсутствие страховки и жилья значительно повышают стресс и риск рецидива. В США значительная доля освобожденных с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, становятся бездомными в первый год [12; 13], что толкает их к криминалу или употреблению как стратегии выживания в условиях стресса.

Психические расстройства, такие как депрессия, тревожность и ПТСР, часто встречаются среди заключенных (особенно с учетом травматического опыта многих из них) [9–11; 25] и могут быть как причиной, так и следствием зависимости, а также фактором, способствующим ее поддержанию. Травма-информированный подход важен в этом контексте [37]. Хронический стресс значительно усугубляет эти состояния.

Таким образом, хотя социальные, экономические и сопутствующие психические факторы важны сами по себе, хронический стресс выступает как общий знаменатель и усилитель, пронизывающий все

аспекты жизни заключенного и поддерживающий зависимость.

Философские основания: детерминизм, свобода воли и этика ответственности. Философский анализ зависимости в контексте лишения свободы требует обращения к фундаментальным вопросам человеческого агентства, моральной ответственности и природы принуждения. Во-первых, противоречие между нейродетерминизмом и свободой воли приобретает здесь особую остроту. Сторонники детерминизма, опираясь на данные нейронаук, утверждают, что аддиктивное поведение обусловлено изменениями в мозге: снижением активности префронтальной коры, дисфункцией системы вознаграждения и эпигенетическими модификациями [7; 28; 29]. В этой парадигме осуждение за употребление психоактивных веществ становится этически проблематичным аналогично наказанию за болезнь. Однако такой подход сталкивается с критикой со стороны экзистенциалистской традиции, подчеркивающей, что даже в условиях ограничений человек сохраняет способность к выбору. Как писал Ж.-О. Сартр, «мы приговорены быть свободными», что в контексте тюрьмы означает следующее: заключенный, несмотря на внешние и внутренние ограничения, продолжает нести ответственность за свои действия.

Во-вторых, дискуссия о моральной ответственности затрагивает этические теории, лежащие в основе пенитенциарных систем. Деонтология И. Канта, акцентирующая долг и рациональную автономию, оправдывает наказание как восстановление справедливости. Однако если зависимость лишает человека рационального контроля (из-за дисфункции префронтальной коры), то карательный подход теряет легитимность. Альтернативу предлагает утилитаризм И. Бентама: наказание должно быть направлено не на возмездие, а на предотвращение будущего вреда через реабилитацию. Этот подход согласуется с данными о том, что программы снижения вреда сокращают рецидивизм эффективнее, чем изоляция [35].

Компатибилизм, или «мягкий детерминизм», предлагает синтез этих позиций. Согласно Дж. Фишеру, даже в условиях биологической предопределенности человек сохраняет «направляющий контроль», способность реагировать на причины, что делает его морально ответственным [38]. В контексте рассматриваемых расстройств это означает, что, хотя нейробиологические нарушения ограничивают свободу выбора, заключенные сохраняют потенциал для изменений при наличии адекватных стимулов (терапия, образование). Например, применение налтрексона, блокирующего опиоидные рецепторы, не отменяет агентность, но создает условия для ее реализации [5].

Нейроэтика вносит в дискуссию новые аспекты. Работы П. Черчленд подчеркивают, что нейробиологические данные не отменяют мораль, но требуют переосмысления критериев ответственности [39]. Если зависимость – это хроническое заболевание мозга, то пенитенциарные системы должны фокусировать-

ся на лечении, а не наказании [39]. Это согласуется с моделью восстановительного правосудия, где акцент смещается с изоляции на реинтеграцию, а диалог между жертвой и преступником становится инструментом исцеления.

Исторический контекст также важен: от дисциплинарных институтов М. Фуко, где тюрьма функционирует как «машина нормализации» [40], до современных концепций, рассматривающих ее как пространство восстановления человеческого достоинства. Философия Э. Левинаса, акцентирующая этику «другого», предлагает рассматривать заключенных не как объекты контроля, а как субъекты, чья уязвимость требует эмпатии и поддержки [41].

Отметим, что философский анализ демонстрирует, что зависимость в условиях лишения свободы – это не просто клиническая или правовая проблема, но этический вызов. Баланс между ответственностью и состраданием может быть достигнут через принцип пропорциональности: вмешательство должно учитывать как степень нейробиологических ограничений, так и потенциал для восстановления агентности. Это требует перехода от бинарной логики вины и наказания к комплексной модели, интегрирующей достижения нейронаук, этики и социальной работы.

Результаты исследования и обсуждение

Проведенный анализ позволил выявить комплекс взаимосвязанных факторов, определяющих устойчивость зависимости в условиях пенитенциарной системы, с особым акцентом на роли хронического стресса.

Нейробиологические и психологические аспекты. Выявлено, что нейробиологические нарушения (снижение плотности D2-рецепторов, гиперактивация амигдалы, дисфункция префронтальной коры) усугубляются под воздействием хронического стресса, характерного для тюремной среды. Эпигенетические изменения (гиперметилирование генов DRD2 и COMT) создают долгосрочные риски рецидивов. Психологические механизмы, такие как выученная беспомощность, деформация временной перспективы и эмоциональная дисрегуляция, тесно связаны с уровнем стресса и формируют замкнутый цикл дезадаптации и поддержания зависимости.

Ключевая роль хронического стресса. Анализ показывает, что хронический стресс выступает не просто одним из факторов, а центральным звеном, связывающим и усиливающим другие детерминанты зависимости у осужденных. Он напрямую влияет на нейробиологические пути, связанные с тягой и рецидивом, усугубляет психологическую уязвимость (тревогу, депрессию, импульсивность) и делает индивида более восприимчивым к негативным социальным влияниям (стигма, изоляция). Стресс тюремного заключения может как инициировать употребление психоактивных веществ в качестве копинг-механизма, так и провоцировать срывы у лиц, пытающихся сохранить ремиссию. Именно системное и пролонгированное воздействие стресса в условиях ограниченных ресурсов совладания объясняет его ключевую роль в поддержании зависимости в данной

популяции, превосходя по своему интегрирующему влиянию другие отдельные факторы.

Социальные факторы и необходимость комплексных вмешательств. Социальные факторы, такие как стигматизация, отсутствие программ реинтеграции и экономическая эксклюзия, создают среду, благоприятствующую рецидиву, особенно в условиях стресса после освобождения. Опыт стран, внедряющих комплексные программы поддержки (образование, трудоустройство, жилье), демонстрирует значительное снижение рецидивизма, подтверждая важность средовых модификаций и социального компонента реабилитации.

Эффективность интервенций. Анализ литературы подтверждает эффективность комплексных подходов. Психологические интервенции, такие как когнитивно-поведенческая терапия и практики осознанности, доказали свою результативность в снижении стресса, тяги и предотвращении рецидивов у заключенных. Социальные программы, включающие поддержку при освобождении, вовлечение семьи, наставничество и активное участие социальных работников и волонтеров, играют критическую роль в успешной реинтеграции и поддержании ремиссии. При необходимости применяется фармакотерапия.

Рекомендации по реализации психологического компонента реабилитации

Для снижения хронического стресса и улучшения результатов ремиссии у осужденных с зависимостями в психологический компонент модели реабилитации целесообразно включить следующие конкретные действия и программы:

– *Когнитивно-поведенческая терапия.* Расширение доступа к индивидуальным и групповым сеансам, адаптированным для тюремных условий. Фокус на выявлении и изменении негативных мыслительных паттернов, связанных со стрессом и зависимостью, развитие навыков совладания с тягой. Использование таких техник, как ведение дневника мыслей, функциональный анализ поведения, когнитивная реструктуризация, тренировка навыков совладания, предотвращение рецидивов, самоконтроль, тренировка решения проблем.

– *Практики осознанности.* Внедрение программ, основанных на mindfulness (осознанности), включая медитацию, йогу и специализированные протоколы, такие как Mindfulness-Based Relapse Prevention (практики осознанности с когнитивно-поведенческими стратегиями, MBRP). Эти практики помогают снизить уровень стресса, улучшить эмоциональную регуляцию, повысить осознанность триггеров зависимости и развить безоценочное принятие. Протоколы MBRP могут быть адаптированы для тюремных условий.

– *Группы поддержки.* Организация регулярных групп поддержки, включая группы самопомощи (АА, АН) и терапевтические группы под руководством психологов. Предоставление безопасного пространства для обмена опытом, получения эмоциональной поддержки и развития чувства общности.

– *Травма-информированный подход.* Интеграция принципов травма-информированного подхода во

все аспекты реабилитации с учетом высокой распространенности травмы у осужденных с зависимостями. Это включает обучение персонала, скрининг на травму, создание безопасной среды и применение травма-специфических вмешательств.

– *Развитие навыков совладания.* Целенаправленное обучение заключенных эффективным стратегиям управления стрессом: техникам релаксации, саморегуляции, решения проблем, повышения самооценки.

– *Позитивные психологические интервенции.* Включение программ, направленных на развитие психологического благополучия и сильных сторон личности, что может улучшить психологическое состояние в условиях заключения.

Рекомендации по реализации социального компонента реабилитации

Реализация социального компонента для улучшения результатов ремиссии зависимых осужденных может включать следующие действия, программы и агенты влияния:

– *Программы поддержки при освобождении.* Разработка и расширение комплексных программ, обеспечивающих непрерывность поддержки при переходе из тюрьмы в общество. Включают помощь в поиске стабильного жилья, содействие в трудоустройстве, доступ к медицинским (включая лечение зависимости и психических расстройств) и социальным услугам, восстановление документов. Примеры: программы «PathwayForward» Армии Спасения, «FIT Program» Университета Северной Каролины.

– *Вовлечение семьи.* Интеграция членов семьи в процесс реабилитации (с согласия осужденного). Предоставление семейной терапии, обучения и групп поддержки для родственников с целью улучшения взаимоотношений, снижения стресса в семье и создания благоприятной домашней среды для выздоровления.

– *Программы наставничества.* Создание и поддержка программ, где успешно реабилитировавшиеся бывшие заключенные (наставники) оказывают практическую и эмоциональную поддержку освобождающимся. Наставничество способствует социальной интеграции, дает надежду, снижает чувство изоляции и риск рецидива.

– *Образовательные и профессиональные программы.* Расширение доступа к качественным образовательным (включая базовое образование и высшее) и профессиональным программам (профобучение востребованным специальностям) как во время заключения, так и после освобождения. Это повышает самооценку, конкурентоспособность на рынке труда, снижает экономический стресс и риск рецидива.

– *Агенты влияния:*

Социальные работники: усиление роли социальных работников в пенитенциарных учреждениях и службах пробации. Они координируют планирование реинтеграции, связывают с необходимыми ресурсами, оказывают психосоциальную поддержку и помогают в навигации по системе социальных услуг.

Волонтеры: привлечение обученных волонтеров из сообщества (включая выздоравливающих зави-

симых) для оказания неформальной поддержки, наставничества, помощи в организации досуга и групп самопомощи.

Группы взаимопомощи (АА/АН): обеспечение доступа и поддержка функционирования групп анонимных алкоголиков и анонимных наркоманов как внутри учреждений, так и в сообществе после освобождения.

Общественные организации: сотрудничество с некоммерческими и религиозными организациями, предоставляющими услуги по реинтеграции (жилье, питание, юридическая помощь, группы поддержки).

Выводы

На основании проведенного анализа можно заключить, что эффективная реабилитация лиц с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в пенитенциарной системе требует многоуровневого подхода, интегрирующего достижения нейронауки, психологии и социальной работы, с особым акцентом на управлении хроническим стрессом.

1. Признание ключевой роли стресса. Необходимо признать, что хронический стресс является центральным фактором, поддерживающим зависимость у осужденных, и сделать его снижение и управление им приоритетной задачей реабилитационных программ.

2. Интеграция биологического компонента. Следует учитывать нейробиологические последствия хронического стресса. При необходимости использовать фармакотерапию (например, налтрексон для снижения тяги при опиоидной зависимости) и методы, стимулирующие нейропластичность.

3. Внедрение комплексных психологических программ. Необходимо обеспечить широкий доступ к доказательным психологическим интервенциям, таким как когнитивно-поведенческая терапия и практики

осознанности, адаптированным к условиям тюрьмы и направленным на развитие навыков совладания со стрессом и тягой. Возможно интегрировать травматизированный подход во все аспекты психологической помощи.

4. Развитие социального компонента и непрерывности поддержки. Ключевым условием является трансформация среды и поддержка после освобождения. Необходимо развивать программы реинтеграции (жилье, работа, образование), укреплять социальные связи (семья, наставничество), активно привлекать социальных работников и волонтеров. Следует обеспечить «бесшовный» переход и непрерывность лечения и поддержки при выходе из исправительного учреждения в общество.

5. Многоуровневый подход. Успешная реабилитация возможна лишь при синтезе трех компонентов:

- биологического (фармакологическая и нефармакологическая коррекция нейрохимических дисфункций, вызванных зависимостью и стрессом);
- психологического (формирование адаптивных паттернов мышления, поведения и совладания со стрессом);
- социального (создание поддерживающей среды и условий для реинтеграции, исключая стигму и маргинализацию).

Данный подход не только соответствует принципам доказательной медицины и лучшим мировым практикам [42], но и отвечает на этические вызовы, связанные с проблемой зависимости в условиях лишения свободы, предлагая путь к восстановлению человеческого и социального капитала. Реализация этих рекомендаций позволит создать более эффективную и гуманную систему реабилитации, способствующую снижению уровня стресса, предотвращению рецидивов зависимости и успешной реинтеграции осужденных в общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. World Drug Report 2024 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: <https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году // Государственный антинаркотический комитет. 2023. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (дата обращения: 20.04.2025).
3. Искандаров Р. Р. Психоактивные вещества как фактор совершения насильственных преступлений: современное состояние проблемы // Наркология. 2024. № 23 (1). С. 42–45.
4. Краткая характеристика состояния преступности за 2024 год. URL: <https://мвд.рф/reports/index/> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Chandler R. K., Fletcher B. W., Volkow N. D. Treating drug abuse and addiction in the criminal justice system: improving public health and safety // JAMA. 2009. Vol. 301, № 2. P. 183–190.
6. McEwen B. S. Neurobiological and Systemic Effects of Chronic Stress // Chronic Stress (Thousand Oaks). 2017. Vol. 1. Art. 2470547017692328.
7. Volkow N. D., Fowler D. S., Wang G. D. Neurobiologic Advances from the Brain Disease Model of Addiction // The New England journal of medicine. 2016. Vol. 374, № 4. P. 363–371.
8. Goomany A., Dickinson T. The influence of prison climate on the mental health of adult prisoners: a literature review // Journal of psychiatric and mental health nursing. 2015. Vol. 22, № 6. P. 413–422.
9. Brinded P. M. et al. Prevalence of psychiatric disorders in New Zealand prisons: a national study // The Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2001. Vol. 35. P. 166–173.
10. Brugha T. et al. Psychosis in the community and in prisons: a report from the British National Survey of psychiatric morbidity // The American journal of psychiatry. 2005. Vol. 162. P. 774–780.
11. Schnittker J., Massoglia M., Uggen C. Out and down: incarceration and psychiatric disorders // Journal of health and social behavior. 2012. Vol. 53, № 4. P. 448–464.

12. Baker O. et al. Experience delivering an integrated service model to people with criminal justice system involvement and housing insecurity // *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Art. 222.
13. Morenoff J. D., Harding D. J. Incarceration, Prisoner Reentry, and Communities // *Annual review of sociology*. 2014. Vol. 40. P. 411–429.
14. Seligman M. E. Learned helplessness // *Annual review of medicine*. 1972. Vol. 23. P. 407–412.
15. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1271–1288.
16. Crewe B. *The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. Oxford, 2012. 528 p.
17. Ansah E. W. et al. Assessing Stress Levels, Predictors and Management Strategies of Inmates at Ankaful Prison Complex in the Central Region, Ghana // *Behavioral sciences*. 2023. Vol. 13, № 3. P. 201.
18. Edgemon T. G., Clay-Warner J. Inmate Mental Health and the Pains of Imprisonment // *Society and Mental Health*. 2018. Vol. 9, № 1. P. 33–50.
19. Lindquist C. H., Lindquist C. A. Gender differences in distress: mental health consequences of environmental stress among jail inmates // *Behavioral sciences & the law*. 1997. Vol. 15, № 4. P. 503–523.
20. Palmer E. J., Connelly R. Depression, hopelessness and suicide ideation among vulnerable prisoners // *Criminal behaviour and mental health : CBMH*. 2005. Vol. 15, № 3. P. 164–170.
21. Solbakken L. E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway // *BMC Psychology*. 2022. Vol. 10. Art. 185.
22. Evans G. W. The built environment and mental health // *Journal of urban health : bulletin of the New York Academy of Medicine*. 2003. Vol. 80. P. 536–555.
23. Nurse J., Woodcock P., Ormsby J. Influence of environmental factors on mental health within prisons: focus group study // *BMJ*. 2003. Vol. 327, № 7413. P. 480.
24. Boxer P., Middlemass K., Delorenzo T. Exposure to Violent Crime During Incarceration: Effects on Psychological Adjustment Following Release // *Criminal Justice and Behavior*. 2009. Vol. 36, № 8. P. 793–807.
25. Piper A., Berle D. The association between trauma experienced during incarceration and PTSD outcomes: a systematic review and meta-analysis // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2019. Vol. 30, № 5. P. 854–875.
26. Andersen H. S. et al. A longitudinal study of prisoners on remand: psychiatric prevalence, incidence and psychopathology in solitary vs. non-solitary confinement // *Acta psychiatrica Scandinavica*. 2000. Vol. 102, № 1. P. 19–25.
27. Вялова Н. М., Левчук Л. А. Роль BDNF в формировании депрессивных расстройств // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 10-4. С. 771–775.
28. Andersen A. M. et al. Current and Future Prospects for Epigenetic Biomarkers of Substance Use Disorders // *Genes (Basel)*. 2015. Vol. 6, № 4. P. 991–1022.
29. Bohacek J., Mansuy I.M. Molecular insights into transgenerational non-genetic inheritance of acquired behaviours // *Nature reviews genetics*. 2015. Vol. 16, № 11. P. 641–652.
30. Tanabe J. et al. Prefrontal cortex activity is reduced in gambling and nongambling substance users during decision-making // *Human brain mapping*. 2007. Vol. 28, № 12. P. 1276–1286.
31. Zika S., Chamberlain K. On the relation between meaning in life and psychological well-being // *British journal of psychology*. 1992. Vol. 83 (Pt. 1). P. 133–145.
32. Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling // *Behavioural pharmacology*. 2006. Vol. 17, № 8. P. 651–667.
33. Дьяков Д. Г., Жук Н. Н., Малаховская Е. С. Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 59. С. 85–107.
34. Nejad A. B., Fossati P., Lemogne C. Self-referential processing, rumination, and cortical midline structures in major depression // *Frontiers in human neuroscience*. 2013. Vol. 7. Art. 666.
35. Degenhardt L. et al. Global patterns of opioid use and dependence: harms to populations, interventions, and future action // *Lancet*. 2019. Vol. 394. P. 1560–1579.
36. Iacobucci G. Prisoners die from natural causes 20 years earlier than the general population, finds review // *BMJ*. 2024. Vol. 384. P. 198.
37. *Trauma-Informed Care in Behavioral Health Services*. Rockville (MD), 2014.
38. Fischer J. *Deep Control: Essays on Free Will and Value*. Oxford, 2012. 243 p.
39. Churchland Braintrust. What Neuroscience Tells Us About Morality // *Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior*. 2012. Vol. 3. P. 10.
40. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, 1975. 328 p.
41. Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М. : СПб., 2000. 416 с.
42. Solbakken L. E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway // *BMC Psychol*. 2022. Vol. 10. Art. 185.

REFERENCES

1. World Drug Report 2024. *United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC)*. 2024. Available at: <https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html> (accessed April 20, 2025).
2. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2023. *Gosudarstvennyi antinarkoticheskii komitet* [State Anti-Drug Committee]. 2023. Available at: <https://media.mvd.ru/files/embed/6440403> (In Russ.) (Accessed April 20, 2025).
3. Iskandarov R.R. Psychoactive substances as a factor in committing violent crimes: the current state of the problem. *Narkologiya = Narcology*, 2024, no. 23 (1), pp. 42–45.

4. Brief description of the crime situation in 2024. *MVD Rossii* [The Ministry of the Interior of Russia]. 2024. Available at: <https://mvd.rf/reports/index/> (In Russ.). (Accessed April 20, 2025).
5. Chandler R.K., Fletcher B.W., Volkow N.D. Treating drug abuse and addiction in the criminal justice system: improving public health and safety. *JAMA*, 2009, vol. 301, no. 2, pp. 183–190.
6. McEwen B.S. Neurobiological and systemic effects of chronic stress. *Chronic Stress (Thousand Oaks)*, 2017, vol. 1, art. 2470547017692328.
7. Volkow N.D., Fowler D.S., Wang G.D. Neurobiologic advances from the brain disease model of addiction. *The New England Journal of Medicine*, 2016, vol. 374, no. 4, pp. 363–371.
8. Goomany A., Dickinson T. The influence of prison climate on the mental health of adult prisoners: a literature review. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 2015, vol. 22, no. 6, pp. 413–422.
9. Brinded P.M. et al. Prevalence of psychiatric disorders in New Zealand prisons: a national study. *The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2001, vol. 35, pp. 166–173.
10. Brugha T. et al. Psychosis in the community and in prisons: a report from the British National Survey of psychiatric morbidity. *The American Journal of Psychiatry*, 2005, vol. 162, pp. 774–780. (In Russ.).
11. Schnittker J., Massoglia M., Uggen C. Out and down: incarceration and psychiatric disorders. *Journal of Health and Social Behavior*, 2012, vol. 53, no. 4, pp. 448–464.
12. Baker O. et al. Experience delivering an integrated service model to people with criminal justice system involvement and housing insecurity. *BMC Public Health*, 2023, vol. 23, art. 222.
13. Morenoff J.D., Harding D.J. Incarceration, prisoner reentry, and communities. *Annual Review of Sociology*, 2014, vol. 40, pp. 411–429.
14. Seligman M.E. Learned helplessness. *Annual Review of Medicine*, 1972, vol. 23, pp. 407–412.
15. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1,271–1,288.
16. Crewe B. *The Prisoner Society: Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. Oxford, 2012. 528 p.
17. Ansah E.W. et al. Assessing stress levels, predictors and management strategies of inmates at Ankafu Prison Complex in the central region, Ghana. *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, no. 3, p. 201.
18. Edgemon T.G., Clay-Warner J. Inmate mental health and the pains of imprisonment. *Society and Mental Health*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 33–50.
19. Lindquist C.H., Lindquist C.A. Gender differences in distress: mental health consequences of environmental stress among jail inmates. *Behavioral Sciences & the Law*, 1997, vol. 15, no. 4, pp. 503–523.
20. Palmer E.J., Connelly R. Depression, hopelessness and suicide ideation among vulnerable prisoners. *Criminal Behaviour and Mental Health: CBMH*, 2005, vol. 15, no. 3, pp. 164–170.
21. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychology*, 2022, vol. 10, art. 185.
22. Evans G. W. The built environment and mental health. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 2003, vol. 80, pp. 536–555.
23. Nurse J., Woodcock P., Ormsby J. Influence of environmental factors on mental health within prisons: focus group study. *BMJ*, 2003, vol. 327, no. 7,413, pp. 480.
24. Boxer P., Middlemass K., Delorenzo T. Exposure to violent crime during incarceration: effects on psychological adjustment following release. *Criminal Justice and Behavior*, 2009, vol. 36, no. 8, pp. 793–807.
25. Piper A., Berle D. The association between trauma experienced during incarceration and PTSD outcomes: a systematic review and meta-analysis. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2019, vol. 30, no. 5, pp. 854–875.
26. Andersen H.S. et al. A longitudinal study of prisoners on remand: psychiatric prevalence, incidence and psychopathology in solitary vs. non-solitary confinement. *Acta psychiatrica Scandinavica*, 2000, vol. 102, № 1. p. 19–25.
27. Vyalova N.M., Levchuk L.A. The role of BDNF in the development of depressive disorders. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2014, no. 10–4, pp. 771–775. (In Russ.).
28. Andersen A.M. et al. Current and future prospects for epigenetic biomarkers of substance use disorders. *Genes (Basel)*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 991–1,022.
29. Bohacek J., Mansuy I.M. Molecular insights into transgenerational non-genetic inheritance of acquired behaviours. *Nature Reviews Genetics*, 2015, vol. 16, no. 11, pp. 641–652.
30. Tanabe J. et al. Prefrontal cortex activity is reduced in gambling and nongambling substance users during decision-making. *Human Brain Mapping*, 2007, vol. 28, no. 12, pp. 1,276–1,286.
31. Zika S., Chamberlain K. On the relation between meaning in life and psychological well-being. *British Journal of Psychology*, 1992, vol. 83, pp. 133–145.
32. Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling. *Behavioural Pharmacology*, 2006, vol. 17, no. 8, pp. 651–667.
33. D'yakov D.G., Zhuk N. N., Malakhovskaya E. S. Self-identification of patients suffering from mental and behavioral disorders due to the use of different types of psychoactive substances: comparative analyses. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2016, no. 59, pp. 85–107. (In Russ.).
34. Nejad A.B., Fossati P., Lemogne C. Self-referential processing, rumination, and cortical midline structures in major depression. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, vol. 7, art. 666.
35. Degenhardt L. et al. Global patterns of opioid use and dependence: harms to populations, interventions, and future action. *Lancet*, 2019, vol. 394, pp. 1,560–1,579.
36. Iacobucci G. Prisoners die from natural causes 20 years earlier than the general population, finds review. *BMJ*, 2024, vol. 384, pp. 198.

37. Trauma-informed care in behavioral health services. *Center for Substance Abuse Treatment (US). Rockville (MD): Substance Abuse and Mental Health Services Administration (US)*. 2014.
38. Fischer J. *Deep Control: Essays on Free Will and Value*, Oxford, 2012. 243 p.
39. Churchland Braintrust. What Neuroscience Tells Us About Morality. *Rivista Italiana di Filosofia Analitica Junior*, 2012, vol. 3, p. 10.
40. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, 1975. 328 p. (In French).
41. Levinas E. *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected works. Totality and the Infinite]. Moscow; Saint Petersburg, 2000. 416 p.
42. Solbakken L.E., Wynn R. Barriers and opportunities to accessing social support in the transition from community to prison: a qualitative interview study with incarcerated individuals in Northern Norway. *BMC Psychol*, 2022, vol. 10, art. 185.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОБЕРТ РАФАИЛЕВИЧ ИСКАНДАРОВ – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

ROBERT R. ISKANDAROV – Candidate of Sciences (Medicine), Senior Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, dr.iskandarov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7277-7693>

Статья поступила 04.04.2025

Научная статья

УДК 37

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010

Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФИМЕНКО

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
Томск, Россия, AAE.13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0589-1116>

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ

Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Реферат

Введение: в статье предпринята попытка актуализации ряда проблемных вопросов, связанных с функционированием института наставничества в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания. В контексте воспитательной работы с персоналом пенитенциарного ведомства определяются цели и задачи наставнической деятельности. Акцентируется внимание на нормативно-правовой и социальной составляющих процесса наставничества, многообразии реализуемых функций. Констатируется, что наставничество представляет собой важный и эффективный инструмент, способствующий оптимальной адаптации молодых специалистов к условиям современной пенитенциарной деятельности. *Цель:* определение проблемных областей деятельности института наставничества в уголовно-исполнительной системе на современном этапе путем комплексной оценки отношений наставника и подшефного. *Методы:* метод анализа литературных источников, психологический вербально-коммуникативный метод, анкетирование. В качестве респондентов выступили 542 сотрудника уголовно-исполнительной системы, представленные двумя фокус-группами. *Результаты:* при организации наставнической деятельности важно сочетание организационных, правовых, социальных, психолого-педагогических факторов, учет которых позволяет найти наиболее оптимальные формы работы наставника с подшефным. Установлено, что для наставника важны дисциплинированность, коммуникабельность, правовая грамотность, сформированная готовность обучать. Выявлено, что занятия с имитацией выполнения служебных задач, контроль за исполнением служебных поручений по направлению деятельности, регулярные информирование и индивидуальные беседы являются наиболее эффективными формами наставнической деятельности. Определено, что эффективность взаимоотношений наставника и подшефного заключается в создании рациональной модели служебного поведения, в основе которой лежит практико-ориентированный подход к молодому сотруднику. Даны предложения по повышению роли института наставничества в уголовно-исполнительной системе. *Выводы:* констатируется, что институт наставничества играет важную роль в служебной деятельности. Интеграция административных, социальных, психолого-педагогических и методических компонентов позволяет сформировать эффективную модель взаимодействия наставника и подшефного. Это позволит повысить потенциал проводимой воспитательной работы с персоналом, в основе которой лежат принципы профессиональной преемственности и укрепления служебных традиций.

Ключевые слова: сотрудник уголовно-исполнительной системы; воспитательная работа; институт наставничества; наставник; подшефный; служебная деятельность; профессиональное становление.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Ефименко А. А., Писарев О. М. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: взгляд сотрудников // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 200–208. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010.

Original article

On Functioning of the Mentoring Institution in the Penitentiary System: the View of Employees

ALEKSANDR A. EFIMENKO

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0589-1116>

OLEG M. PISAREV

Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Abstract

Introduction: the article attempts to update a number of problematic issues related to the functioning of the mentoring institution in facilities and bodies executing criminal penalties. In the context of educational work carried out with the staff of the penitentiary department, the goals and objectives of mentoring activities are determined. Attention is focused on regulatory and social components of the mentoring process and the variety of functions performed. It is stated that mentoring is an important and effective tool that contributes to the optimal adaptation process of young professionals to the conditions of modern penitentiary activities. *Purpose:* to identify problematic areas of activity of the mentoring institution in the penitentiary system at the present stage and to determine the effectiveness of the work carried out by means of a comprehensive assessment of mentor-mentee relationships. *Methods:* a method of literary sources analysis, a psychological communicative method, and a survey. The survey covered 542 people divided into two focus groups. *Results:* when implementing mentoring activities, it is important to combine organizational, legal, social, psychological and pedagogical factors. It is established that discipline, sociability, legal erudition, and willingness to teach are of paramount importance for mentors. It is revealed that practice-focused lessons, monitoring of the execution of service duties, regular individual conversations are the most effective forms of mentoring. It is determined that the effectiveness of the mentor-mentee relationship depends on a rational model of official behavior based on a practice-oriented approach to a young employee. Some ways of increasing the role of the mentoring institution in the penal system are proposed. *Conclusion:* it is stated that in modern realities, the mentoring institution plays an important role in solving problems related to the personnel and organizational aspects of professional activity in the penal system. It is determined that the integration of administrative, social, psychological, pedagogical and methodological components in the implementation of mentoring activities makes it possible to form an effective mentor-mentee interaction model. This will significantly increase capacities of educational work with staff, based on key principles of supporting professional continuity and strengthening service traditions.

Keywords: penal system employee; educational work; mentoring institution; mentor; mentee; professional activity; professional development.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Efimenko A.A., Pisarev O.M. On functioning of the mentoring institution in the penitentiary system: the view of employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, np. 2 (70), pp. 200–208. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.010.

Введение

В настоящее время одним из векторов развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является повышение качества подготовки специалистов, работающих в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания [1]. Работа в данном направлении подразумевает скоординированные действия должностных лиц всех уровней по непрерывному и дифференцированному подходу к различным категориям работников уголовно-исполнительной системы в целях их профессионального становления. Ежегодно на службу приходит значительное число молодых сотрудников, с которыми проводится обширный комплекс различных мероприятий в сфере государственно-политического (общественно-политического), духовно-нравственного и патриотического воспитания [2]. В этой связи большая роль отводится подготовке специалистов пенитенциарного профиля, представляющей собой целенаправленный процесс, ориентированный на систематическое приобретение профессиональных компетенций, необходимых для эффективного выполнения задач, возложенных на пенитенциарную службу. Указанная деятельность определена приказом ФСИН России от 13.06.2023 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» и направлена на формирование высокопрофессионального кадрового состава, способного эффективно решать задачи, стоящие перед Федеральной службой исполнения наказаний. Институт наставничества [3] определяется как важный, практико-ориентированный элемент целостной системы подготовки кадров в уголовно-исполнительной системе [4]. Ряд исследователей полагает, что с помощью активного использования системы наставничества возможно достичь постоянства кадрового состава. При этом система наставничества должна иметь определенную степень привлекательности для наставников, а также возможность давать объективную оценку достижений адаптанта [5].

Реализация наставничества в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”», приказами ФСИН России от 30.12.2022 № 948 «Об утверждении Концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», от 17.07.2024 № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», от 05.12.2024 № 851 «Об утверждении порядка организации индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, переведенного на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность

в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности», от 13.01.2025 № 5 «Об утверждении порядка организации индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, проходящего испытание, изучения его личных и деловых качеств и Порядка оценки результатов индивидуального обучения сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, прошедшего испытание», а также иными локальными нормативными актами учреждений и органов ФСИН России.

Наставничество является важной частью воспитательной работы, под которой в соответствии с приказом Минюста Российской Федерации от 17.06.2024 № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» понимается комплекс информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и профилактику нарушений служебной дисциплины. Наставничество является одним из важнейших направлений деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в работе с сотрудниками. Это позволяет говорить о важности имеющейся нормативно-правовой базы в контексте рассматриваемого нами вопроса [6].

Институт наставничества предполагает передачу знаний и навыков от более квалифицированных лиц менее квалифицированным, а также содействие их профессиональному становлению, под которым понимается процесс направленного и закономерного развития и саморазвития личности, определение своего места в мире профессий, реализация себя в профессии и самоактуализация своего потенциала для достижения вершин профессионализма [7]. Также следует акцентировать внимание на социальной составляющей наставничества, поскольку данный вид деятельности характеризуется целым рядом социальных функций, каждая из которых обладает определенной характеристикой (интегративной, воспроизводящей, регулятивной, коммуникативной, гуманистической, культурной, социально-политической, социализирующей) [8].

Таким образом, на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы наставничество является одним из эффективных инструментов адаптации молодых специалистов к условиям пенитенциарной действительности и выполнению служебных обязанностей в строгом соответствии с действующим законодательством, а также сохранения профессиональных традиций в служебной деятельности.

Эмпирическая часть

Для изучения эффективности института наставничества на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы, на базе Томского института

повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний с сентября 2023 г. по октябрь 2024 г. было проведено эмпирическое исследование. В качестве респондентов выступили 542 ($n = 542$) сотрудника, проходящих обучение (профессиональное образование, профессиональную переподготовку, повышение квалификации) в институте.

Теоретическим базисом исследования выступил метод анализа нормативно-правовых и литературных источников. Был приведен скрининг научных публикаций по рассматриваемому вопросу, что позволило получить более детальное представление о теме исследования.

Для эмпирической части исследования разработана авторская анкета, включающая 21 закрытый и открытый вопрос, структурированный в два блока. Первый блок был направлен на выяснение социально-демографических и профессионально-служебных данных опрашиваемых, второй – включал вопросы, направленные на изучение мнений сотрудников относительно наставнической деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Было предположено, что эффективность индивидуального обучения молодых сотрудников определяется функционированием специфической модели в диаде взаимоотношений «наставник – подшефный», значимыми составляющими которой являются социальный аспект (вхождение молодого специалиста в новую для него социальную группу с учетом динамики выстраивания служебных взаимоотношений), профессиональный аспект (степень профессионализма наставника), морально-психологический аспект (учет эмоционального состояния участников воспитательного процесса, этическая ответственность за результат работы, формирование позитивной профессиональной модели поведения).

Для проведения анкетирования и последующей обработки полученных результатов респонденты были разделены на две фокус-группы, основанием формирования которых являлся имеющийся опыт работы в уголовно-исполнительной системе.

Фокус-группа 1 – сотрудники, проходящие обучение по образовательной программе «Профессиональное обучение граждан, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему» (лица, имеющие стаж службы до одного года), – 248 человек ($n = 248$).

Фокус-группа 2 – сотрудники, имеющие стаж службы от одного года и более (сотрудники отделов безопасности исправительных учреждений, отделов режима СИЗО, оперативных отделов исправительных учреждений, СИЗО, начальники отрядов, сотрудники психологических лабораторий исправительных учреждений, СИЗО, сотрудники кадровых подразделений, отделов охраны, по конвоированию), – 294 человека ($n = 294$).

Изучение личности традиционно принято начинать с социально-демографической характеристики. Использование данных показателей по отношению к одной группе (подгруппе) позволяет составить усредненный портрет личности. Более того, психологи-

ей и педагогикой выявлены многие закономерности, позволяющие учитывать особенности сотрудников разного пола, возраста, образовательного уровня и т. п., которые могут быть использованы в профессионально-служебной деятельности при постановке и решении конкретных служебных задач.

Анализ выборки свидетельствует об относительно равных долях сотрудников женщин (46 %) и мужчин (54 %) в целевой группе лиц, имеющих стаж службы в уголовно-исполнительной системе до одного года (фокус-группа 1). В фокус-группе 2 доля мужчин составляет значительное большинство – 71,4 %, женщин – 28,6 %.

Все опрошенные фокус-группы 1 находятся в возрастной группе до 45 лет. Большинство из них – это лица молодого возраста от 18 до 25 лет (46,8 %), далее – лица в возрасте от 25 до 30 лет (24,2 %), от 30 до 35 лет (19,3 %), от 35 до 40 лет и от 40 до 45 лет – по 4,8 % соответственно.

В фокус-группе 2 разделение респондентов по возрастным группам выглядит следующим образом: от 18 до 25 лет – 6,1 %; от 25 до 30 лет – 13,9 %; от 30 до 35 лет – 37,1 %; от 35 до 40 лет – 25,9 %; от 40 до 45 лет – 16,3 %; свыше 45 лет – 7,5 %.

41,9 % респондентов фокус-группы 1 имеет высшее образование, 30,6 % – среднее специальное, 23,4 % – среднее профессиональное, 4,1 % – среднее. Высшее образование имеют большинство сотрудников из фокус-группы 2 (89,1 %), среднее специальное – 8,8 %, среднее профессиональное – 5,1 %.

Стаж службы в уголовно-исполнительной системе у сотрудников фокус-группы 1 составляет до одного года. Вариативность стажа службы в фокус-группе 2 выглядит следующим образом: лица, имеющие стаж службы до одного года – 2 %; от 1 года до 5 лет – 17,7 %; от 5 до 10 лет – 24,8 %; от 10 до 15 лет – 27,6 %; от 15 до 20 лет – 18,4 %; свыше 20 лет – 9,2 %.

Таким образом, анализ социально-демографических данных позволил составить примерный портрет подшефного. Это молодой человек (мужчина или женщина), поступивший на службу в возрасте до 30 лет, имеющий в большинстве случаев высшее образование. Портрет сотрудника, который может выступить наставником, следующий: мужчина в возрасте от 25 до 45 лет, имеющий высшее образование и стаж службы от 10 до 20 лет.

Как известно, Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года требует от сотрудников знания нормативных правовых актов, реализующих пенитенциарную политику государства, поэтому важным обстоятельством является постоянное взаимодействие наставника и подшефного в вопросах анализа нормативных правовых актов, касающихся отбывания наказания разных категорий осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых.

Особую роль приобретает знакомство подшефного с личным составом учреждения. В частности, респонденты обеих фокус-групп отмечают тот факт, что наставник познакомил их в первый рабочий день с сотрудниками подразделения, а также с теми сотрудниками, с которыми общение происходит постоянно по

роду занятий (37 % и 29,2 % соответственно). Респонденты фокус-группы 1 признают, что наставник их ни с кем не познакомил – 13 %, в фокус-группе 2 данный показатель составил 9 %.

Не вызывает сомнения тот факт, что формирование знаний, ценностей, правовых установок и чувств по отношению к существующей пенитенциарной действительности требует постоянного контакта между различными отделами и службами исправительного учреждения, которые обеспечивают соблюдение порядка и условий отбывания наказаний, а также эффективное использование средств исправления осужденных.

Основополагающую роль в служебной деятельности играет умение наставника давать правильные ответы на вопросы подшефного, применять правовые нормы на практике.

Исследование показало, что наставник мог дать ответы на вопросы подшефных практически всегда, на это указали 63 % респондентов фокус-группы 1 и 50,4 % – фокус-группы 2.

Около половины (48,3 %) респондентов фокус-группы 1 подчеркнули, что наставник каждый раз давал обратную связь по результатам работы, обосновывал целесообразность тех или иных действий по направлениям служебной деятельности.

Аналогичный показатель для респондентов фокус-группы 2 составил 58,6 %. Достаточно большое количество опрошенных обеих фокус-групп (29 % и 21 % соответственно), указали, что результаты их работы подводились раз в неделю, вне зависимости от окончания задания.

Полученные результаты показывают, что наставнику важно учитывать индивидуально-психологические особенности подшефных, деятельность которых с одной стороны, направлена на исправление и ресоциализацию осужденных, а с другой – включает контроль за их поведением, исполнением ими обязанностей, ограничений и запретов, угрозу собственной безопасности.

Подчеркнем, что инициатива общения в одинаковой мере исходила как от наставника, так и подшефного (50 % на 50 %, в зависимости от инициатора общения). В данном ключе этот показатель составил 53,2 % в фокус-группе 1 и 51,7 % в фокус-группе 2.

Практические исследования показывают, что создание атмосферы доверия и взаимопонимания в коллективе достигается коммуникацией [9]. У руководителей, которые прислушиваются к мнению своих подчиненных, четко структурирована служебная деятельность. Производительность труда наставника увеличивается, что позволяет уделить большее внимание подшефным.

По мнению респондентов фокус-группы 1, результаты наставничества проявляются в эффективном выполнении конкретных поручений – 30,6 %, в формировании самостоятельности наставляемого – 30,6 %. В свою очередь, 35 % респондентов фокус-группы 2 в основном отмечают положительную мотивацию наставляемого к службе. Полагаем, что наставнику важно соблюдать золотую середину, то есть, с одной стороны, выбирать эффективные правовые методы

воздействия на подшефных, а с другой – создавать условия для саморазвития и формирования самостоятельности наставляемого, где немаловажная роль отводится умению быть честным и брать на себя ответственность за принятые решения.

Проведенное исследование показало, что абсолютное большинство (92 %) сотрудников, входящих в фокус-группу 1, не имеют опыта работы в качестве наставника, 56,8 % респондентов фокус-группы 2 такой опыт имеют. Данное обстоятельство связано с тем, что в фокус-группу вошли сотрудники, имеющие стаж службы до одного года.

К следующему существенному показателю, характеризующему эффективность работы института наставничества, следует отнести уровень подготовки наставника [10]. Респондентам было предложено указать перечень профессиональных навыков, которыми, по их мнению, должен обладать наставник. Следует отметить, что классическая модель наставничества подразумевает, что наставник не является частью административной иерархии, выстроенной над подопечным. Это, в первую очередь, старший товарищ, обладающий большими знаниями и опытом [11]. Молодые сотрудники (фокус группа 1) в числе приоритетных назвали следующие: большой практический опыт, профессионализм в своей сфере (наличие данного навыка у наставника считают первостепенным 37,1 % опрошенных), выраженные организаторские качества (методичность, учение четко планировать, дисциплинированность, пунктуальность) – 24,8 %, компетентность, которая заключается в знании нормативно-правовой базы (21 %), ответственность (13,1 %). К числу незначимых были отнесены такие качества, как взаимопомощь, рассудительность, порядочность (по 1,1 %).

Несколько иная картина наблюдается у респондентов фокус-группы 2. Ими были выделены следующие значимые качества, способствующие эффективной наставнической деятельности: большой практический опыт, профессионализм в своей сфере (42,5 %), коммуникабельность (27,9 %), знание нормативно-правовых документов, регламентирующих служебную деятельность (25,2 %), ответственность (22,7 %). Не представляющими особой значимости действующие сотрудники назвали такие качества, как саморазвитие (1,4 %), умение оптимизировать свою работу (1 %), владение программным обеспечением, владение психологическими навыками, а также поддержание опрятного внешнего вида (по 0,7 %). Как можно заметить, существуют определенные различия во взглядах между молодыми и опытными сотрудниками, касающихся значимых качеств, которыми должен обладать наставник. Однако и те, и другие единодушны, что определяющим качеством, которое будет способствовать успешному наставничеству, является высокий уровень квалификации сотрудника, ответственного за данный вид работы.

Не менее интересным было получить представление о том, какими качествами, по мнению респондентов, должен обладать подшефный. Как приоритетные респонденты фокус-группы 1 указали качества, так

или иначе относящиеся к волевому и мотивационному компонентам (целеустремленность, упорство, желание работать, заинтересованность в дальнейшей профессиональной деятельности) – 30,6 %; к сфере знаний – 19,3 %, в области коммуникации (открытость в контактах, умение работать и общаться в команде, доброжелательность) – 14,5 %. К числу наименее важных качеств подшефного молодые сотрудники отнесли самоконтроль, решительность, инициативность, саморазвитие, честность (каждое из указанных качеств набрало менее 3 %).

Схожая картина наблюдается при анализе ответов респондентов фокус-группы 2. Первое место по степени значимости, так же как и у молодых сотрудников, занимают качества, относящиеся к волевой и мотивационной сфере (целеустремленность, обучаемость, трудолюбие, мотивированность, заинтересованность в результатах в своей деятельности), – 32 %, на второе – коммуникативные качества (23,8 %). Такое качество, как ответственность (под ним действующие сотрудники понимали готовность выполнения функциональных обязанностей лучшим образом, учет последствий, которые могут повлечь решения или действия самого человека, умение принимать решения в сложных ситуациях отметили 18,3 % респондентов. В то же время эмоциональный интеллект, стремление к карьерному росту, решительность, патриотизм в меньшей степени актуальны при проведении наставнической работы с подшефным (суммарный показатель составил 5,1 %). Мы можем говорить о том, что сотрудники, выступающие в роли наставников в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, так или иначе анализируют соответствие подшефных тем качествам, которые должны являться частью адаптационного процесса в русле служебной деятельности [12].

Один из вопросов анкеты касался типа информации, которую необходимо довести наставнику до своего подшефного для того, чтобы облегчить его вхождение в должность. Как известно, наличие объективной информации в процессе пенитенциарной деятельности позволяет получить сотрудникам полную картину оперативной обстановки в учреждении, а также грамотно ее оценить, что способствует более быстрой профессиональной адаптации [13]. В качестве наиболее значимой информации респонденты фокус-группы 1 назвали знание законов, иных нормативно-правовых актов, документов, регламентирующих служебную деятельность в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания (25,8 %). На второе место молодые сотрудники поставили вопросы, связанные с получением информации, касающейся особенностей прохождения службы в целом, а также функциональных обязанностей по занимаемой должности (16,1 %). Также для них важны специфика работы отдела, в котором они проходят службу, особенности структур рабочего графика (14,5 %). Наименее значимая информация, по мнению респондентов группы 1, связана с действиями (выработкой алгоритма) при возникновении внештатных, экстремальных ситуаций, существующими обычаями и традициями в служебном коллективе, а также информация, рас-

крывающая этику служебного поведения, корпоративный этикет (1,6 %).

Что касается действующих сотрудников, имеющих большой стаж службы, то они считают, что в первую очередь подшефному необходимы знания, касающиеся деятельности конкретного структурного подразделения, в которое пришел сотрудник (21,7 % респондентов фокус-группы 2). На второе место сотрудники поставили информацию о правовых документах, определяющих современную уголовно-исполнительную политику (20,6 %), на третье – сведения о функциональных обязанностях молодого сотрудника (16,5 %). Хотелось бы обратить внимание на то, что сотрудники, готовые выступить наставниками, в плане информационного обеспечения обратили бы внимание на особенности взаимодействия с осужденными и лицами, содержащимися под стражей (11,8 %), в том числе с приведением примеров из своей практической деятельности, а также знакомство молодого сотрудника с коллегами (например, обмен контактными данными) – 10,8 %. Информация, касающаяся этики служебного поведения, общего культурного развития для наставников представляется наименее актуальной (3,4 %).

Заслуживает внимания проблемная область, связанная с определением наиболее эффективных форм работы с наставляемыми (подшефными). Молодые сотрудники в качестве приоритетных назвали практические занятия с имитацией выполнения служебных задач, а также исполнение служебных поручений по направлению деятельности (24,2 %). Второе место по степени значимости заняли беседы наставников с подшефными (17,7 %). Также молодые сотрудники считают важными информирование об оперативной обстановке в учреждении в целом и ситуации в конкретном подразделении в частности, оперативные консультации по текущим вопросам, возникающим в служебной деятельности, оказание индивидуальной помощи (12,9 %). К менее эффективным формам работы респонденты фокус-группы 1 отнесли использование аудио- и видеометодов, а также организацию досуга во внеслужебное время (менее 2 %).

Иная ситуация наблюдается в фокус-группе 2. Так, первостепенным сотрудники считают проведение бесед с подшефными об особенностях службы в конкретном пенитенциарном учреждении, обязанностях по занимаемой должности (29,3 %). Решение практических задач также представляется важной формой работы наставника с подшефным (23,1 %). В решении повседневных служебных задач большую роль играют пример наставника, обращение к опыту наиболее квалифицированных сотрудников, ветеранов уголовно-исполнительной системы (16,3 %). К неэффективным формам работы респонденты фокус-группы 2 отнесли аудио- и видеометоды, а также проведение мероприятий, направленных на повышение культурного и образовательного уровня молодых сотрудников во внеслужебное время (2,8 %).

В заключение респондентам было предложено сформулировать рекомендации для эффективной наставнической деятельности. К сожалению, большая часть респондентов не высказала никаких пред-

ложений по данному вопросу (82,9 % респондентов фокус-группы 1 и 69,4 % – фокус-группы 2). Из предложенных путей повышения роли института наставничества отметим следующие:

- материально-финансовая составляющая (проработка вопроса, связанного с доплатой за наставническую деятельность, материальным стимулированием, поощрением за конкретные достижения). На важность данного вопроса обратили внимание более 70 % респондентов из тех, кто так или иначе проявил активность при ответе на последний пункт анкеты;

- временной фактор (выделение времени на наставничество для непосредственной работы с подчиненным, не в ущерб личному, контроль над подшефным, постоянный контакт с ним, недопущение снижения установленного срока наставничества в случае возникновения у молодого сотрудника каких-либо проблем в процессе службы);

- психологический аспект, связанный с учетом индивидуально-психологических особенностей личности подшефного, с последующей разработкой алгоритма индивидуальной работы с ним (в том числе в тесном контакте с психологической службой);

- оценка социального и профессионального концепта служебной деятельности, связанной с назначением наставниками самых опытных и ответственных сотрудников, формирование корпоративной культуры в системе отношений «наставник – подчиненный», проведение уроков мастерства, учебно-методических сборов наставников для обмена опытом и решения насущных проблем в этой области.

Выводы

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводу о том, что институт наставничества эффективен в решении ряда проблем организационного и кадрового характера, существующих в современных реалиях функционирования отечественной пенитенциарной системы, а именно: недостаток профессиональных знаний и опыта, трудности в социально-служебной сфере, наличие адаптационных препятствий в конкретном служебном подразделении, затруднения, связанные с формированием и повышением мотивации, отсутствие опоры на профессиональные традиции.

Установлено, что при осуществлении наставнической деятельности принципиальное значение имеет учет комплекса составляющих организационного, правового, социального и психолого-педагогического характера, которые позволяют применять на практике наиболее эффективные формы работы. К таким

составляющим однозначно можно отнести оценку индивидуально-психологических особенностей наставников и подшефных, уровень подготовки наставника и имеющиеся у него инструменты передачи профессионального опыта и знаний, а также внедрение в служебную деятельность новых методов их трансляции, определение уровня мотивации к выполнению функциональных обязанностей по конкретной должности.

Определено, что особая роль в индивидуальной работе с подшефным принадлежит наставнику, который должен знать нормативно-правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний, объяснять особенности их применения на практике, профессионально отвечать на вопросы, возникающие у подшефного, а также предоставлять иную актуальную информацию с учетом складывающейся оперативно-режимной обстановки. Установлено, что большое значение имеет поддержка инициативы молодого сотрудника в пределах обозначенного служебного функционала, позволяющая формировать и развивать необходимые профессиональные качества: целеустремленность, усердие, решимость, стойкость, стремление к успеху.

Констатируется, что в контексте повышения роли института наставничества в уголовно-исполнительной системе целесообразно учитывать административные решения в плане как материального, так и нематериального поощрения деятельности наставников, выстраивание эффективной модели взаимодействия с заинтересованными служебными подразделениями в ходе осуществления индивидуального обучения, организация соответствующей методической работы по данному направлению.

На основе полученных эмпирических данных представляется целесообразной разработка методических рекомендаций, имеющих практико-ориентированную направленность, по организации эффективной работы с подшефным, исходя не только из специфики условий служебной деятельности, но и с учетом имеющегося у молодого сотрудника потенциала. Результаты исследования показали, что наставничество является двусторонним процессом, при котором важно соблюдение основополагающего условия, заключающегося в том, что наставник готов, имеет возможность и формирует необходимую среду для передачи своего профессионального опыта, а подшефный имеет все необходимые условия этот опыт перенять. Как итог – быстрое профессиональное становление молодого специалиста в сфере пенитенциарной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писарев О. М. Актуальные вопросы обучения профайлингу персонала УИС в образовательных организациях ФСИН России // VII Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина : сб. материалов : в 3 т. Пермь, 5–7 октября 2021 г. / сост. А. И. Согрина. Пермь, 2021. Т. 3. С. 103–106.
2. Государственно-политическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание работников молодежного возраста : метод. рекомендации / С. А. Фадеева и др. М., 2024. 45 с.
3. Организация наставнической деятельности в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России : метод. рекомендации / сост. Н. Г. Шубникова, Н. М. Тагирова, Н. Н. Ивашко ; под общ. ред. А. Б. Туманова. Новокузнецк, 2017. 46 с.
4. Ерофеева М. А., Лебедев М. В. Формирование коммуникативно-педагогической компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы средствами профессионального наставничества : моногр. М., 2024. 160 с.

5. Апахова В. М., Ваторопин А. С. Функции и особенности наставничества при первичной трудовой адаптации персонала уголовно-исполнительной системы // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5, № 4 (18). С. 63–74.
6. Филиппова Т. В. Факторы, влияющие на развитие педагогического обеспечения наставничества в УИС // Осознание культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества : материалы XXII Всерос. науч.-практ. конф., Севастополь, 16–17 апреля 2021 г. Севастополь, 2021. С. 117–119.
7. Чугунова Ю. С., Матвеев В. Е. Профессиональное становление сотрудников УИС: духовно-нравственный аспект : моногр. Рязань, 2013. 173 с.
8. Складенко И. С., Благовещенская М. А. Методические основания развития института наставничества в правоохранительных органах // *Пенитенциарная наука*. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 449–458.
9. Ерофеева М. А., Лебедев М. В. Формирование коммуникативно-педагогической компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы средствами профессионального наставничества : моногр. М., 2024. 160 с.
10. Дроздова Е. А., Аксенова А. В. Институт наставничества в уголовно-исполнительной системе: социально-правовой аспект // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 4. С. 253–255.
11. Мельникова М. В. Проблемные вопросы организации наставничества в уголовно-исполнительной системе // *Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление*. 2019. № 4 (8). С. 58–67.
12. Анфиногенов В. А. Отдельные аспекты социальной адаптации молодых сотрудников на службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 4. С. 306–308.
13. Нурбаев М. С., Мишустин С. П. Организационно-правовое обеспечение наставничества в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы : учеб.-метод. пособие. Самара, 2015. 58 с.

REFERENCES

1. Pisarev O.M. Actual issues of training in the profiling of penal system employees in educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. In: *VII Pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S.I. Zlobinas: sb. materialov: v 3 tomakh, Perm, 5–7 oktyabrya 2021 goda. Tom 3* [VII Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: collection of materials: in 3 volumes, Perm, October 5–7, 2021. Volume 3]. Perm, 2021. Pp. 103–106. (In Russ.).
2. Fadeeva S.A., Mukhin M.I., Ugryumov Yu.M. et al. *Gosudarstvenno-politicheskoe, dukhovno-nravstvennoe i patrioticheskoe vospitanie rabotnikov molodezhnogo vozrasta: metod. rekomendatsii* [State-political, spiritual, moral and patriotic education of youth workers: methodological recommendations]. Moscow, 2024. 45 p.
3. *Organizatsiya nastavnicheskoi deyatel'nosti v FKOU VO Kuzbasskii institut FSIN Rossii: metod. rekomendatsii* [Organization of mentoring activities at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: methodological recommendations]. Comp. by Shubnikova N.G., Tagirova N.M., Ivashko N.N. Ed. by Tumanov A.B. Novokuznetsk, 2017. 46 p.
4. Erofeeva M.A., Lebedev M.V. *Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professional'nogo nastavnichestva: monogr.* [Formation of communicative and pedagogical competence in employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024. 160 p.
5. Apakhova V.M., Vatoropin A.S. Functions and features of mentoring in personnel adaptation of the penal system. *Siberian Socium*, 2021, vol. 5, no. 4 (18), pp. 63–74. (In Russ.).
6. Filippova T.V. Factors influencing the development of pedagogical support for mentoring in correctional institutions. In: *Osoznanie Kultury – zalog obnoveniya obshchestva. Perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva: materialy XXII Vseros. nauch.-prakt. konf., Sevastopol, 16–17 aprelya 2021 goda* [Awareness of culture is the key to the renewal of society. Prospects for the development of modern society: proceedings of the XXII All-Russian research-to-practice conference, Sevastopol, April 16–17, 2021]. Sevastopol, 2021. Pp. 117–119. (In Russ.).
7. Chugunova Yu.S., Matveenko V.E. *Professionalnoe stanovlenie sotrudnikov UIS: dukhovno-nravstvennyi aspekt: monogr.* [Professional development of UIS staff: spiritual and moral aspect: monograph]. Ryazan, 2013. 173 p.
8. Sklyarenko I.S., Blagoveshchenskaya M.A. Methodological foundations for developing the mentoring institution in law enforcement agencies. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 449–458. (In Russ.).
9. Erofeeva M.A., Lebedev M.V. *Formirovanie kommunikativno-pedagogicheskoi kompetentnosti u sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemy sredstvami professional'nogo nastavnichestva: monogr.* [Formation of communicative and pedagogical competence among employees of the penal system by means of professional mentoring: monograph]. Moscow, 2024. 160 p.
10. Drozdova E.A., Aksenova A.V. Institute of mentoring in the penal enforcement system: social and legal aspect. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 4, pp. 253–255. (In Russ.).
11. Mel'nikova M.V. Problem issues of mentoring in the prison system. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie = Theory and Practice of Scientific Research: Psychology, Pedagogy, Economics and Management*, 2019, no. 4(8), pp. 58–67. (In Russ.).
12. Anfinogenov V.A. Certain aspects of the social adaptation of young employees in the service of institutions and bodies of the penal system. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 4, pp. 306–308. (In Russ.).
13. Nurbaev M.S., Mishustin S.P. *Organizatsionno-pravovoe obespechenie nastavnichestva v rabote s kadrami ugolovno-ispolnitelnoi sistemy: ucheb.-metod. posobie* [Organizational and legal support for mentoring in working with personnel of the penal correction system: educational and methodological guide]. Samara, 2015. 58 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕФИМЕНКО – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, AAE.13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0589-1116>

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПИСАРЕВ – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, ti.okspvr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

ALEKSANDR A. EFIMENKO – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the Department of Organization of the Execution of Sentences of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russia, AAE.13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0589-1116>

OLEG M. PISAREV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Personnel, Social, Psychological and Educational Work Organization of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, ti.okspvr@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>

Статья поступила 21.01.2025

Научная статья

УДК 377

doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011

Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема повышения профессионального уровня сотрудников уголовно-исполнительной системы, оптимизации их профессионального обучения. В связи с этим одной из приоритетных задач ФСИН России должна стать поддержка специалистов УИС на всех этапах их служебной деятельности, что предполагает как фундаментальное обучение, так и практико-ориентированный подход с эффектом погружения в служебную деятельность, профессиональное развитие сотрудников. Представлена экспериментальная программа профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, включающая в себя применение цифровых образовательных технологий, использование учебных рабочих мест, учебных полигонов, учебных рабочих маршрутов и т. д., реализуемая высококвалифицированным практико-ориентированным преподавательским составом образовательных организаций ФСИН России. **Цель:** получение объективной информации об уровне подготовки сотрудников в рамках профессионального обучения (первоначальная подготовка) для дальнейшей оптимизации образовательного процесса, улучшения качества процесса обучения. **Методы:** обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий анкетирование сотрудников; анализ данных первичной статистики; метод обобщения и сравнения. **Результаты:** исследование показало следующее: по итогам аттестации средний балл в экспериментальной группе составил 4,41, что на 1,14 балла выше уровня входного контроля. При этом средний балл в контрольной группе составил 3,68, что превышает уровень входного контроля лишь на 0,66 балла. В ходе итоговой аттестации слушатели экспериментальной группы, как правило, не имели проблем ни с теоретической, ни с практической частью квалификационного экзамена, при этом иногда допускались неточности в формулировках, а решение ситуационных задач не вызвало больших затруднений. Слушатели контрольной группы показали средний уровень знаний в теоретической части, при этом практическая часть квалификационного экзамена вызвала у большей части затруднения; решить в полном объеме ситуационные задачи смогли лишь 17,6 % испытуемых. Анализ оценки профессиональной деятельности молодого сотрудника УИС показал, что входившие в состав экспериментальной группы получили более высокие оценки руководителей, чем те, кто входил в состав контрольной группы. В связи с этим при проведении практических занятий необходимо широко применять как активные, так и интерактивные методы обучения, основанные на моделировании ситуаций служебной деятельности и выработке умений и навыков решения тех или иных профессиональных задач в условиях, максимально приближенных к реальным условиям несения службы. **Выводы:** реализация экспериментальной программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, при дифференцированном подходе позволяет определить необходимые условия для оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС, что будет способствовать повышению их профессионального уровня и эффективности их служебной деятельности в пенитенциарной системе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительные учреждения; образовательные организации ФСИН России; сотрудники; профессиональное обучение; экспериментальная программа; оптимизация профессионального обучения.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Оптимизация профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 209–217. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011.

Optimizing Professional Training of Penal System Employees

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract

Introduction: the article deals with the problem of improving the professional level of penal system employees and optimizing their professional training. In this regard, one of the priorities of the Federal Penitentiary Service of Russia should be to support its specialists at all stages of their official activities, which involves both fundamental training and a practice-oriented approach with the effect of immersion in official activities, professional development of employees. The article presents a pilot professional training program for citizens first recruited to the penal system that includes the use of digital educational technologies, training workplaces, training grounds, training work routes, etc., implemented by highly qualified practice-oriented teaching staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Purpose:* obtaining objective information about the level of training of employees in the framework of vocational training (initial training) for further optimization of the educational process and improvement of the learning process quality. *Methods:* a review and analytical method consisting in the theoretical analysis of scientific sources on the subject of research; an empirical method including employee questionnaires; analysis of primary statistics data; a method of generalization and comparison. *Results:* according to the results of the study, the average score in the pilot group amounted to 4.41, which is 1.14 points higher than the entry control level. At the same time, the average score in the control group amounted to 3.68, which exceeds the entry control level by only 0.66 points. When taking a final exam, the experimental group participants, as a rule, had no problems with either the theoretical or practical part of the qualification exam, while sometimes inaccuracies in the wording were allowed. Solution of situational problems did not cause great difficulties. The control group participants showed an average level of knowledge in the theoretical part, while the practical part of the qualification exam caused difficulties for most of them; only 17.6% of the surveyed succeeded in it. In addition, the analysis of the assessment of the professional activity of a young penal system employee shows that those who were part of the experimental group received higher ratings from managers than those who were part of the control group. In this regard, during practical training, it is necessary to widely apply both active and interactive teaching methods based on modeling situations of official activity and developing skills and abilities to solve certain professional tasks in conditions as close as possible to real conditions of service. *Conclusions:* the implementation of an experimental professional training program for citizens first recruited to the penitentiary system with a differentiated approach allows us to determine necessary conditions for optimizing professional training of penitentiary staff, which will contribute to improving their professional level and effectiveness of their official activities in the penitentiary system.

Keywords: penal system; correctional institutions; educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia; employees; vocational training; experimental program; optimization of vocational training.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Zautorova E.V. Optimizing professional training of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 209–217. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.011.

Введение

Развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) оказывает непосредственное влияние на уровень компетентности кадров и их подготовку для пенитенциарной системы. Особенности службы в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России) связаны с постоянно растущими требованиями к личностным и профессиональным качествам сотрудников, их моральной

и эмоционально-психологической устойчивости, физической нагрузке, ответственности и т. д. Тем не менее практика свидетельствует о недостаточном уровне сформированности профессиональных, профессионально-специализированных компетенций специалистов УИС, что оказывает негативное влияние на выполнение ими профессиональной деятельности в соответствии с требованиями законодательства [1–4].

Так, анализ результатов опроса сотрудников, поступивших впервые на службу, показывает, что они не в достаточной степени знают основные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность УИС, испытывают трудности при ответе на вопросы о действиях в чрезвычайных ситуациях, порядке применения физической силы и огнестрельного оружия, не знакомы с правилами оформления документации и т. д. В связи с этим необходимо осуществлять поиск путей по оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС, которая представляется как непрерывный процесс повышения эффективности использования существующего образовательного пространства (методов, подходов и технологий), ориентированный на постоянное совершенствование знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на пенитенциарную систему и ориентированных на будущую самостоятельную профессиональную служебную деятельность сотрудников.

Таким образом, приоритетной задачей ФСИН России является поддержка специалистов УИС на всех этапах их служебной деятельности для повышения их профессионального уровня, создание условий для получения фундаментального практико-ориентированного обучения, способствующего профессиональному развитию сотрудников [5–7].

Освещение изучаемой проблемы в научной литературе

В отечественной педагогике и психологии компетентностный подход, позволяющий рассматривать готовность и способность обучающихся самостоятельно выполнять профессиональные и служебные обязанности, освещался в трудах таких ученых, как В. А. Адольф, А. Г. Бермус, В. А. Болотов, В. И. Звонников, И. А. Зимняя и др. [8].

Опора на деятельностный (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Г. К. Селевко, Г. А. Цукерман, В. Д. Шадриков и др.) и практико-ориентированный (О. И. Ваганова, Д. Варнеке, И. В. Вяткина, Ю. Б. Лулева и др.) подходы позволяет рассматривать профессиональное обучение и освоение образовательной программы слушателями образовательных организаций ФСИН России в условиях, приближенных к реальным профессиональным, сформировать у них необходимые компетенции с помощью выполнения реальных практических задач в учебное время [5].

Экспериментальная Программа профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС

В 2019 г. на межкафедральном заседании кафедр Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России (с февраля 2020 г. – Университет ФСИН России) было принято решение внедрить экспериментальную Программу профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС (далее – экспериментальная Программа); составитель – Е. В. Бодрова [9].

Экспериментальное исследование проводилось на базе Университета ФСИН России, ВИПЭ ФСИН России, Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России (прошли обучение 6814 чел.) и предусматривало непрерывное посте-

пенное внедрение экспериментальной Программы в учебный процесс в течение учебного года. Непосредственными участниками эксперимента были выбраны 263 слушателя сборов профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС: рядовой и младший начальствующий состав (далее – МНС) – 136 чел., 6 групп по 18–25 чел. в каждой; средний и старший начальствующий состав (далее – СНС) – 127 чел., 6 групп по 17–25 чел. в каждой. Было выделено 6 экспериментальных групп (138 чел.) (далее – ЭГ), 6 контрольных групп (127 чел.) (далее – КГ).

Основой эксперимента стало применение в процессе обучения слушателей сборов профессионального обучения разработанной экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, для дальнейшей оптимизации образовательного процесса и улучшения качества процесса обучения.

Срок реализации экспериментальной Программы составил 18 недель (87 учебных дней): I этап – 13 недель (65 учебных дней) по месту прохождения службы с использованием дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ) до начала обучения в образовательной организации ФСИН России; II этап – 5 недель (23–24 учебных дня) в образовательной организации ФСИН России (календарный график обучения представлен в табл. № 1). Общий объем экспериментальной Программы 390 часов, в том числе: 164 ч – очное обучение, 130 ч – обучение с использованием ДОТ, 96 ч – самостоятельная подготовка.

Экспериментальная Программа предусматривала освоение обучающимися следующих циклов учебных дисциплин: общепрофессиональный цикл, профессионально-специализированный цикл, цикл факультативных дисциплин, прохождение итоговой аттестации. Перечень учебных дисциплин факультативного цикла, указанный в экспериментальной Программе, носит рекомендательный характер.

Экспериментальная Программа разработана для всех сотрудников УИС: рядового состава и младшего начальствующего состава, среднего и старшего начальствующего состава (среднее/высшее профессиональное (неюридическое) образование), среднего и старшего начальствующего состава (среднее/высшее профессиональное (юридическое) образование). Освоение экспериментальной Программы было направлено на формирование у обучающихся профессиональной компетенции, сформулированной в рамках реализации экспериментальной Программы, ПК-1 (Э) – способность на основе законодательства Российской Федерации и международных правовых актов осуществлять регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также при чрезвычайных обстоятельствах, оказание осужденным помощи в социальной адаптации, определение средств исправления осужденных, охрану их прав, свобод и законных интересов. ПК-1 (Э) включает в себя 2 раздела: специальная (операционно-технологическая) составляющая и профессиональная психолого-педагогическая и этико-поведенческая составляющая компетентности.

Календарный график обучения по экспериментальной Программе

Место обучения / форма обучения	Неделя	Названия циклов						Всего аудиторных часов	Самостоятельная подготовка	ВСЕГО часов
		Общепрофессиональный цикл		Профессионально-специализированный цикл		Цикл факультативных дисциплин				
		Аудиторных часов	Самостоятельная подготовка	Аудиторных часов	Самостоятельная подготовка	Аудиторных часов	Самостоятельная подготовка			
I этап экспериментальной Программы										
По месту прохождения службы / ДОТ	1	6	4	4	2			10	6	16
	2	6	4	4	2			10	6	16
	3	6	4	4	2			10	6	16
	4	6	4	4	2			10	6	16
	5	4	2	4	2	2	2	10	6	16
	6	4	2	2	2	4	2	10	6	16
	7	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	8	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	9	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	10	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	11	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	12	2	2	4	2	4	2	10	6	16
	13	2	2	4	2	4	2	10	6	16
ИТОГО:		46	34	50	26	34	18	130	78	208
II этап экспериментальной Программы										
В образовательной организации ФСИН России / очная	14	2 (входной контроль)						40	4	44
		8	2	24	2	6				
	15	6 2 (зачет)		26	4	4	2	38	6	44
	16			28	2	12	2	40	4	44
	17			202 (зачет)	2	142 (зачет)	2	38	4	42
	18			8 (итоговая аттестация)				8		8
ИТОГО:		16	2	100	10	38	6	164	18	182
ВСЕГО часов		64	36	150	36	72	24	294	96	390
Общая трудоемкость		100		186		96		390		

Этапы реализации экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС

I этап – обучение по месту прохождения службы – предусматривал изучение дисциплин общепрофессионального цикла, профессионально-специализированного цикла, цикла факультативных дисциплин. Обучение включало в себя лекционные и семинарские занятия в режиме ДОТ с использованием LMS Moodle, а также онлайн-лекций с дублированием их записи в ЭИОС образовательной организации ФСИН России для слушателей, которые по разным причинам не смогли присутствовать на занятии. При этом обучающиеся выполняли задания преподавателей, используя рабочую тетрадь с

серией творческих и интерактивных заданий (Flash-анимация, интерактивные презентации, ментальные карты, инфографика и т. п.), практических самостоятельных работ с решением ситуационных задач, кроссвордов и т. д., способствующих формированию ключевых компетенций для решения служебных задач [10–12]. В каждой теме имеется QR-код, с помощью которого обучающиеся могли просмотреть подготовленные профессорско-преподавательским составом мультимедийные материалы по теме.

Выполнение данной учебной деятельности способствует повышению мотивации к изучению специальных учебных дисциплин, преемственности и перспективности преподавания, интенсификации учебного процесса;

II этап – обучение в образовательной организации ФСИН России. По прибытии обучающихся в образовательную организацию ФСИН России в первый день обучения слушатели ЭГ выполняли входной контроль, который также направлен на выявление уровня освоения дисциплин в ходе I этапа обучения, что позволило выявить недостатки в осуществлении образовательной деятельности по месту службы, индивидуализировать обучение. Реализация ком-

петентностного подхода предусматривает широкое использование в образовательной деятельности активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных умений и навыков у обучающихся [13].

В рамках экспериментальной Программы использовались формы и методы, применяемые как индивидуальные, так и в групповых формах обучения (табл. 2).

Таблица 2

Формы и методы, рекомендованные к применению в образовательном процессе при реализации экспериментальной Программы

Формы и методы, применяемые в индивидуальном обучении		
– выполнение практических заданий		
– тренировки		
– самопроверка		
– компьютерное тестирование		цифровые образовательные технологии
– интерактивные квесты		
Формы и методы, применяемые в групповом обучении		
Дискуссионные	– групповой диалог (беседа, дискуссия, обсуждение проблемного вопроса)	
	– демонстрация, иллюстрация	
	– анализ практической ситуации (казусов)	
	– «кейс-метод»	
	– «мозговой штурм»	
	– разработка и защита мультимедиа презентаций (проектная методика)	
	– дебаты	
	– «ПОПС-формула»	
	– прогулки по «виртуальным учреждениям УИС» с выполнением заданий и их обсуждением	цифровые образовательные технологии
	– бинарная методика	
– методика интегрированных (междисциплинарных) занятий		
Игровые	– дидактические игры	
	– творческие игры	
	– деловые игры	
	– ролевые игры	
	– организационно-деятельностные игры	
	– скринкастинг	
	– викторины	
– интерактивные квесты с применением aR- VR- технологий		цифровые образовательные технологии
Тренинговые	– коммуникативные тренинги	
	– тренинг делового общения	
	– создание опросов, анкет, тестов	
	– модерация	

Обучающиеся при подготовке пользовались полнотекстовыми ресурсами электронно-библиотечной системы – электронной библиотеки с возможностью неограниченного доступа к изданиям по юридическим дисциплинам, общественным и гуманитарным наукам.

В рамках аудиторных занятий были организованы встречи с практическими работниками учреждений и

органов УИС, ветеранами УИС, представителями государственных и общественных организаций. Реализация экспериментальной Программы обеспечивалась педагогическими и руководящими работниками образовательных организаций, а также лицами, привлеченными к ее реализации на условиях гражданско-правового договора (практические работники учреждений и органов УИС).

III этап – обобщающий, заключался в проведении аналитической, статистической обработки и интерпретации результатов эксперимента, оформлении выводов, подготовке методических рекомендаций, описании опыта. В ходе третьего этапа экспериментального исследования отмечается разница между ЭГ (обучались по экспериментальной Программе) и КГ (обучались по Примерной программе) в достигнутых результатах.

В исследуемый период посредством различных педагогических методов был изучен уровень первоначальной подготовки слушателей до начала обучения по месту прохождения службы в форме тестирования и решения практических задач; уровень подготовки слушателей по итогам I этапа обучения (по месту прохождения службы) в форме входного контроля в образовательной организации ФСИН России. Через две недели обучения были проанализированы уровень подготовки в процессе обучения (тест, решение ситуационных задач), а также уровень

полученных знаний, умений и навыков после обучения в образовательной организации ФСИН России (квалификационный экзамен, собеседование, решение кейс-задач при оценивании работодателем (начальниками учреждений и органов УИС, направивших сотрудников на обучение) готовности сотрудников к профессиональной деятельности), через три месяца после окончания сборов профессионального обучения – первоначальной подготовки – решение ситуационных задач, оценка профессиональной деятельности сотрудника УИС его непосредственным руководителем.

Результаты

На первом этапе эксперимента был определен первоначальный уровень знаний, умений и навыков у сотрудников УИС, будущих слушателей ЭГ и КГ до начала I этапа обучения (по месту прохождения службы). Для этого был применен метод тестирования, включающий в себя 20 теоретических вопросов, а также одну практическую задачу (табл. 3).

Таблица 3

Первоначальный уровень знаний, умений и навыков у сотрудников УИС до начала обучения на I этапе (по месту прохождения службы)

Компоненты задания	Максимальная оценка	ЭГ		КГ	
		ср. балл		ср. балл	
		МНС	СНС	МНС	СНС
Теоретические вопросы	5	2,97	3,16	3,02	3,19
Практическая задача	5	2,20	2,32	2,34	2,21
Итого ср. балл	5	2,59	2,74	2,68	2,70
		2,67		2,69	
Всего ср. балл	5	2,68			

Исходя из данных таблицы, можно прийти к выводу, что у слушателей ЭГ и КГ уровень первоначальных знаний, умений и навыков одинаково низкий.

Далее сотрудники УИС приступили к I этапу обучения (по месту прохождения службы). Слушатели КГ обучались по месту прохождения службы (Приказ Минюста России от 27.08.2017 № 169), под руководством наставников в соответствии с Наставлением по организации профессиональной подготовки сотрудников УИС (настоящий документ утратил силу с 1 января 2024 г.). Слушатели ЭГ также обучались под руководством наставников, пользовались специально подготовленными материалами (электронная информационно-образовательная среда) образовательной организации ФСИН России (Университет ФСИН России, ВИПЭ ФСИН России, Кировский ИПКР ФСИН России).

Оценка уровня подготовки слушателей по окончании обучения в образовательной организации ФСИН России была проведена в ходе итоговой аттестации в форме квалификационного экзамена. Количество слушателей ЭГ в начале обучения в образовательной организации ФСИН России составляло 138 чел. За период обучения было отчислено 3 чел. по болезни. Количество слушателей КГ в начале обучения состав-

ляло 125 чел., отчислено 6 чел. (по болезни – 2 чел., по собственному желанию – 1 чел., за неосвоение учебного плана – 3 чел.).

Итоговая аттестация проходила в форме квалификационного экзамена и предполагала проверку персонального уровня теоретической подготовки (тест) и сформированности профессиональных умений, навыков, компетенций (комплексные практические задания) по дисциплинам «Правовые и организационные основы деятельности учреждений и органов УИС», «Основы профессиональной деятельности сотрудников».

По результатам итоговой аттестации средний балл у испытуемых ЭГ составил 4,41 (МНС – 4,34, СНС – 4,49), что на 1,14 балла выше уровня входного контроля. Средний балл сотрудников КГ составил 3,68 (МНС – 3,66, СНС – 3,71), что превышает уровень входного контроля лишь на 0,66 балла.

В ходе итоговой аттестации слушатели ЭГ, как правило, не имели проблем ни с теоретической, ни с практической частью квалификационного экзамена, при этом иногда допускались неточности в формулировках. Важно отметить, что ситуационные задачи, в том числе содержащие условия чрезвычайных происшествий, чрезвычайных ситуаций и чрезвычайных

обстоятельств, не вызвали больших затруднений, равно как и составление соответствующих документов по фактам. Слушатели КГ показали средний уровень знаний теоретической части, при этом практическая часть квалификационного экзамена вызвала у большей части затруднения. Решить в полном объеме ситуационные задачи смогли лишь 17,6 % обучающихся КГ (СНС – 14; МНС – 8), тогда как данный показатель у сотрудников ЭГ составил 36,29 % (СНС – 27; МНС – 22).

После окончания профессионального обучения сотрудник УИС обязан был пройти собеседование по месту прохождения службы, в ходе которого работодателем осуществляется оценка качества освоения им образовательной программы. Анализ оценки руководителем профессиональной деятельности молодого сотрудника УИС показал, что лица, входившие в состав ЭГ, получили более высокие оценки от руководства, чем сотрудники, которые входили в состав КГ.

В дальнейшем в обеих группах сотрудников была проведена психолого-педагогическая поддержка в осуществлении ими служебной деятельности [14].

Таким образом, для оптимизации профессионального обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов для пенитенциарной системы необходимо осуществлять поиск путей и методов, способствовать реализации разработанной экспериментальной Программы обучения в образовательных организациях и территориальных органах ФСИН России. Обучение должно осуществляться в учреждениях и органах УИС под руководством практических работников территориальных органов ФСИН России и педагогических работников образовательных организаций ФСИН России. Образовательный процесс необходимо максимально приблизить к реальным условиям несения службы с использованием учебных рабочих мест, учебных рабочих маршрутов, в том числе с использованием AR- и VR- технологий. Наряду с этим требуется проведение выездных занятий в учреждениях и органах УИС с привлечением практических работников. Данные меры будут способствовать оптимизации процесса обучения сотрудников, повышению их профессионального уровня и эффектив-

ности служебной деятельности в пенитенциарной системе.

Результаты исследования нашли отражение в описании положительного опыта «Использование специального вагона для перевозки осужденных в профессиональном обучении граждан, вновь принятых на службу» (2021) и передового опыта «Организация практико-ориентированного обучения в образовательных организациях ФСИН России с использованием дополненной и виртуальной реальности» (2022); разработки Концепции совершенствования (модернизации) электронной информационно-образовательной среды в Университете ФСИН России (2021), методических рекомендаций по реализации образовательных программ профессионального обучения и дополнительного профессионального образования в УИС (2020).

Заключение

Внедрение экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, включающей в себя применение цифровых образовательных технологий, использование учебных рабочих мест, учебных полигонов, учебных рабочих маршрутов, реализуемой высококвалифицированным практико-ориентированным преподавательским составом образовательных организаций ФСИН России, позволяет определить необходимые условия для оптимизации профессионального обучения сотрудников УИС. Среди них: расширение круга профессиональных компетенций, формируемых в процессе обучения; применение дифференцированного обучения с использованием факультативных дисциплин; использование научного, методического, педагогического, материально-технического потенциала образовательных организаций ФСИН России; реализация практико-ориентированного образовательного процесса с внедрением современного цифрового обучения; увеличение срока обучения по Программе профессионального обучения и др.

Применение в процессе обучения разработанной экспериментальной Программы профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в УИС, будет способствовать дальнейшей оптимизации и улучшению качества образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анискина Н. В., Дербина О. В., Дербин С. В. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под ред. О. В. Дербиной. Вологда, 2018. 309 с.
2. Брыков Д. А. Организация работы с кадрами УИС в современных условиях // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посв. памяти заслуженного деятеля науки РСФСР д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова и Дню российской науки (Рязань, 12 февр. 2021 г.). Рязань, 2021. С. 45–48.
3. Кириллова Т. В., Пашукова А. Д. Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными – бывшими работниками судов и правоохранительных органов // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–76.
4. Ковтуненко Л. В., Исаева К. В. Формирование профессионального мировоззрения сотрудников УИС в образовательном процессе вуза. Воронеж, 2023. 308 с.
5. Зауторова Э. В., Бодрова Е. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3 (55). С. 575–584.

6. Жаркой М. Э. Дополнительное профессиональное образование работников уголовно-исполнительной системы и «Болонский процесс»: задача сохранения качества подготовки специалистов // Современные тенденции развития системы образования : сб. ст. Чебоксары, 2019. С. 255–259.
7. Подготовка кадров в современных условиях развития образования: реалии и перспективы : сб. материалов науч.-метод. конф. (Рязань, 31 марта 2022 г.). Рязань, 2022. 115 с.
8. Зауторова Э. В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 4. С. 5–9.
9. Бодрова Е. В., Шибяева Г. Е. Организация практико-ориентированного обучения в образовательных организациях ФСИН России с использованием дополненной и виртуальной реальности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 59–66.
10. Зауторова Э. В. Некоторые проблемы и пути их решения в дополнительном профессиональном образовании // Траектория развития субъектов образовательного процесса : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2024. С. 141–147.
11. Федосеева Ж. А. Применение мультимедийных терминалов с базой данных вакансий в исправительных учреждениях УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 18–20.
12. Кузнецова Е. М. Перспективы развития современных информационных технологий в деятельности уголовно-исполнительной системы // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь, 2018. С. 92–96.
13. Краскова О. В. Использование интерактивных форм проведения занятий в целях реализации компетентностного подхода. URL: <https://www.informio.ru/publications/id1063/Isolzovanie-interaktivnyh-form-provedeniya-zanjatii-v-celjah-realizacii-kompetentnostnogo-podhoda> (дата обращения: 19.08.2024).
14. Писарев О. М. Представления сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации о модели служебного поведения, формирующей гуманное отношение к осужденным // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 2 (66). С. 210–218.

REFERENCES

1. Aniskina N.V., Derbina O.V., Derbina S.V. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: ucheb. posobie* [Public service in the penal system: textbook]. Vologda, 2018. 309 p.
2. Brykov D.A. Organization of work with the personnel of the penitentiary system in modern conditions. In: *Aktual'nye problemy organizatsii deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v usloviyakh razvitiya: mat. mezhdunar. nauchno-praktich. konf., posv. pamyati zasl. deyatelya nauki RSFSR, dok. yur. nauk, prof. A.I. Zubkova i Dnyu rossiiskoi nauki (Ryazan', 12 fevr. 2021 g)* [Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system in the context of development: proceedings of inter-university research-to-practice conference dedicated to the memory of the distinguished scientist of the RSFSR, Doctor of Sciences (Law), Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science (Ryazan', February 12, 2021)]. Ryazan, 2021. Pp. 45–48. (In Russ.).
3. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional competence of employees of the penal enforcement system working with convicted persons-former employees of courts and law enforcement agencies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 64–76. (In Russ.).
4. Kovtunen L.V., Isaeva K.V. *Formirovanie professional'nogo mirovozzreniya sotrudnikov UIS v obrazovatel'nom protsesse vuza* [Formation of professional worldview of penal system employees in the educational process of the university]. Voronezh, 2023. 308 p.
5. Zautrova E.V., Bodrova E.V. Practice-oriented training in higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 3(55), pp. 575–584. (In Russ.).
6. Zharkoi M.E. Additional professional education of penal system employees and the “Bologna process”: the task of preserving the quality of training specialists. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya: sb. statei* [Modern trends in the development of the education system: collection of articles: collection of article]. Cheboksary, 2019. Pp. 255–259. (In Russ.).
7. *Podgotovka kadrov v sovremennykh usloviyakh razvitiya obrazovaniya: realii i perspektivy: sb. materialov nauch.-metod. konf. (Ryazan', 31 marta 2022 g.)* [Personnel training in modern conditions of education development: realities and prospects: proceedings of scientific methodological conference (Ryazan, March 31, 2022)]. Ryazan, 2022. 115 p.
8. Zautrova E.V. Competence approach in the educational process of the university. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute*, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russ.).
9. Bodrova E.V., Shibaeva G.E. Organization of practice-oriented training in educational institutions of the FPS of Russia using augmented and virtual reality. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 2, pp. 59–66.
10. Zautrova E.V. Some problems and ways to solve them in additional professional education. In: *Traektoriya razvitiya sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa: mat. II Mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [The trajectory of the development of subjects of the educational process: materials of the II International research-to-practice conference]. Voronezh, 2024. Pp. 141–147. (In Russ.).
11. Fedoseeva Zh.A. The use of multimedia terminals with a database of vacancies in correctional institutions. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 11, pp. 18–20. (In Russ.).
12. Kuznetsova E.M. Prospects for the development of modern information technologies in activities of the penal system. *Vestnik FКУ НИИИТ ФСИН России = Bulletin of the Federal State Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2018, pp. 92–96. (In Russ.).
13. Kraskova O.V. *Isolzovanie interaktivnykh form provedeniya zanyatii v tselyakh realizatsii kompetentnostnogo podkhoda* [The use of interactive forms of teaching in order to implement a competence approach]. Available at: <https://www.informio.ru/publications/id1063/Isolzovanie-interaktivnyh-form-provedeniya-zanjatii-v-celjah-realizacii-kompetentnostnogo-podhoda> (accessed August 19, 2024).

14. Pisarev O.M. Ideas of Russian penal system employees about the official behavior pattern forming a humane attitude towards convicts. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 210–218. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Статья поступила 19.08.2024

Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации)

ЯНИНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
ynpolyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3852-3128>

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА КАШКИНА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются основные показатели проводимой воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ в рамках реализации Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» территориальными органами ФСИН России Северо-Западного федерального округа. Указанные результаты представляют собой основные условия для организации и осуществления взаимодействия субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ. *Цель:* предпринята попытка выявления и обоснования некоторых особенностей осуществления субъектами пробации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам и их взаимодействия с иными субъектами пробации. *Методы:* анализ эмпирического материала, обобщение результатов, опрос, анкетирование, анализ нормативных правовых актов и результатов деятельности, изучение и обобщение результатов практической деятельности сотрудников исправительных центров ФСИН России. *Результаты:* выявлены наиболее эффективные, по мнению респондентов, направления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам как в целом по обозначенному федеральному округу, так и по его составляющим отдельным субъектам. Определены приоритетные мероприятия в формате проводимой индивидуальной, групповой и массовой воспитательной работы. Осуществлена оценка взаимодействия субъектов и иных заинтересованных в реализации пробации органов и организаций на основе заключенных соглашений с территориальными органами ФСИН России по Северо-Западному федеральному округу. Полученные данные были сопоставлены с общим показателем по всем территориальным органам ФСИН России для проведения сравнительного анализа с целью выявления особенностей применения пробации в исследуемом федеральном округе. *Выводы:* взаимодействие субъектов пробации и иных организаций является одним из основных компонентов в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ, выступает педагогической технологией в системе пробации.

Ключевые слова: пробация; пенитенциарная пробация; субъекты пробации; воспитательная работа; осужденные; принудительные работы; взаимодействие; территориальные органы ФСИН России.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Полякова Я. Н., Кашкина Е. В. Взаимодействие субъектов пробации и иных организаций в системе воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации) // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 218–228. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012.

Interaction of Probation Subjects and Other Organizations in the System of Educational Work with Convicts Serving Sentences in the Form of Forced Labor (Case Study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)

YANINA. N. POLYAKOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3852-3128>

EKATERINA V. KASHKINA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

Abstract

Introduction: the article considers key indicators of educational work with convicted persons sentenced to punishment in the form of forced labor within the framework of implementation of the Federal Law of February 6, 2023 No 10-FZ "On Probation in the Russian Federation" conducted by territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The mentioned results are presented as the main conditions for organizing and implementing interaction between probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. *Purpose:* to substantiate the specifics of educational work with those sentenced to forced labor conducted by subjects of probation and their interaction with other probation subjects. *Methods:* analysis of empirical material, generalization of results, survey, questionnaire survey, analysis of normative legal acts and results of activity, study and generalization of the results of practical activity of employees of correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Results:* the most effective, in the respondents' opinion, directions of educational work with convicts sentenced to forced labor are identified both in the federal district as a whole and in individual subjects of its constituent entities. Priority activities in the format of individual, group and mass educational work are determined. The interaction between the subjects and other bodies and organizations interested in the implementation of probation is assessed on the basis of agreements concluded with territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The obtained data are compared with the general indicator for all territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia to identify the specifics of probation application in the federal district under study. *Conclusion:* it is concluded that the interaction of probation subjects and other organizations is one of the main components in the system of educational work with convicts sentenced to punishment in the form of forced labor. This interaction is presented as a pedagogical technology in the probation system.

Key words: probation; penitentiary probation; probation subjects; educational work; convicts; forced labor; interaction; territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Polyakova Ya.N., Kashkina E.V. *Interaction of probation subjects and other organizations in the system of educational work with convicts serving sentences in the form of forced labor (case study of the Northwestern Federal District of the Russian Federation)*. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 218–228. doi 10.46741/2686-9764.2025.70.2.012.

Введение

Вопросы организации и осуществления воспитательной работы с осужденными не являются новыми для отечественной пенитенциарной науки. Вместе с тем современные социальные и политические процессы диктуют иные требования к вопросам проведения воспитательной работы с осужденными, и, как следствие, возникает необходимость в их научном обосновании, а также разработке новых педагогических технологий, способных обеспечить эффектив-

ность такой работы. Изучение вопросов организации и осуществления воспитательной работы с осужденными не теряет своей актуальности, о чем свидетельствуют многочисленные исследования современных ученых (А. В. Вилкова, Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля, Т. В. Кириллова, М. И. Кузнецов, В. М. Литвишков, С. А. Лузгин, Н. А. Тюгаева и др.). Однако известно, что вопросы науки без практической реализации теоретических идей, как и практика без научного подтверждения, не имеют смысла. Эти два независимых

процесса взаимосвязаны, неотъемлемы друг от друга, что побуждает исследовать тот или иной процесс в зависимости от первоисточника образования как с научной, так и с практической стороны.

Основная часть

Принятый 6 февраля 2023 г. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» (далее – закон «О пробации»), выросший на подтвержденной наукой и практикой необходимости разработки принципиально нового подхода не только в исправлении осужденных, но и оказании им социальной помощи, позволяющей в том числе не допустить рецидива, аккумулировал в себе все перечисленные аспекты, где главным компонентом, позволяющим достичь наиболее значимых результатов в профилактике правонарушений и коррекции социального поведения, является воспитательная работа. Особую значимость данный вид деятельности приобретает при работе как с осужденными к лишению свободы, так и с осужденными к принудительным работам, то есть при применении пенитенциарной пробации, механизм реализации которой регламентирован приложением № 2 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»» (далее – приказ Минюста России № 350).

По прошествии первых шести месяцев действия закона «О пробации» в рамках научного исследования, реализуемого Научно-исследовательским институтом ФСИН России, были проанализированы результаты проводимой воспитательной работы в территориальных органах ФСИН России (далее – ТО) в целях рассмотрения первых результатов реализации положения федерального и ведомственного законодательства, а также дальнейшего как совершенствования законодательства в этой сфере, так и распространения положительного опыта.

Анализ действующего федерального и ведомственного законодательства в части организации и осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках пенитенциарной пробации позволяет утверждать, что воспитательная работа с осужденными представляет собой педагогическую систему, схематично представленную на рисунке 1. Представленная система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам разработана на основе положений закона «О пробации» и приказа Минюста России № 350. Компоненты и элементы системы указаны в соответствии с упомянутыми выше нормативными правовыми актами. Следует отметить, что компонентом системы воспитательной работы могут выступать условия ее осуществления (материально-технические, кадровые; педагогические, психологические, социальные и т. д.). В упомянутых нормативных правовых актах условия как таковые не конкретизированы. Полагаем, что опыт практической реализации пенитенциарной пробации находится на начальной стадии, поэтому детальное изучение условий осуществления пени-

тенциарной пробации может быть предметом отдельного исследования.

Следуя принципам системного подхода, воспитательная работа с осужденными к принудительным работам в сфере пенитенциарной пробации представляет собой целостную совокупность компонентов и элементов, которые путем взаимодействия и интеграции способствуют достижению целей пенитенциарной пробации.

В представленной системе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам выделен ряд компонентов, а именно: субъекты, объекты, формы, направления воспитательной работы, цель и методы воспитательной работы в период прибытия осужденных в исправительные центры (далее – ИЦ) и отбывания наказания в ИЦ, взаимодействие с иными субъектами пенитенциарной пробации, структуры из числа работников и сотрудников ИЦ, организующих и осуществляющих воспитательную работу.

В целом компоненты рассматриваемой системы воспитательной работы не вызывают каких-либо специфических вопросов, тогда как взаимодействие с иными субъектами пенитенциарной пробации представляет собой новое направление деятельности [1]. Таким образом, в представленной системе отдельным компонентом является собственно механизм взаимодействия администрации ИЦ с иными субъектами пробации, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественными наблюдательными комиссиями, добровольцами (волонтерами), родственниками осужденных, а также гражданами [2–4].

Значимость такого взаимодействия по всем направлениям воспитательной работы неоспорима. Основные вопросы взаимодействия субъектов пробации заключается в ряде особенностей, объекты воспитательной работы – осужденные к принудительным работам (личностные качества, права и обязанности в соответствии с условиями отбывания наказания), режимные требования отбывания наказания в виде принудительных работ, правовые основы взаимодействия и т. д. [4; 5].

В нашем исследовании целью является выявление и обоснование некоторых особенностей осуществления субъектами пробации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам и взаимодействия с иными субъектами пробации. В первую очередь необходимо определить элементы воспитательной работы в составе системы, поскольку они выступают определяющими при дальнейшей организации взаимодействия с иными субъектами пробации.

Структура воспитательной работы с осужденными к принудительным работам

Субъекты ВР (предусмотрены ст. 6 ФЗ № 10): администрация ИЦ, сотрудники подразделений пробации, групп организации трудовой деятельности и воспитательной работы и иные сотрудники ИЦ, органы государственной власти, иные субъекты пробации, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных, а также граждане (п. 3, 4 Приложения № 2 к Приказу № 350).

Цель ВР: ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения, коррекция поведения осужденных к наказаниям в виде принудительных работ (п. 1).

Объекты ВР: осужденные к принудительным работам.

Формы проведения ВР: индивидуальные, групповые, массовые (п. 24).

Направления ВР: нравственное, правовое, трудовое, физическое, духовное, патриотическое (п. 14–23).

Периоды отбывания наказания:

Прибытие осужденного в ИЦ

Цель: адаптация к условиям ИЦ.

Методы: Изучение личного дела (в течение 3 дней со дня прибытия осужденного в ИУ), ознакомительная беседа, планирование ВР (план ИВР на год) (п. 25–28).

Совместные мероприятия ВР:

– общественные объединения и религиозные организации, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных к принудительным работам и иные лица, имеющие положительное влияние на поведение осужденных к принудительным работам (п. 11);

– органы государственной власти, иные субъекты пробации, органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения, негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественные наблюдательные комиссии, добровольцы (волонтеры), родственники осужденных, а также граждане (п. 3, 36).

Структуры из числа работников и сотрудников ИУ:

– администрация ИЦ (п. 10).

Структуры из числа осужденных ИЦ:

– общие собрания осужденных (п. 37–39).

Отбывание наказания в ИЦ

Цель: ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация после освобождения, коррекция поведения осужденных.

Методы: ВР по направлениям (п. 14–23), индивидуальные беседы (не реже 1 раза в 3 месяца) – п. 29, 32, ИВР с нарушителями (не реже 1 раза в неделю) – п. 30–31, общественно полезный труд (п. 34), социально-правовое просвещение (п. 40–41).

Рис. 1. Система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам

Итак, в ходе исследования была проведена оценка полученных из ТО ФСИН России Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) данных о реализуемых мероприятиях при осуществлении воспитательной работы с указанной категорией осужденных. Напомним, что СЗФО состоит из следующих 11 субъектов Российской Федерации – Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа – с центром в г. Санкт-Петербурге [6]. Следовательно, как и в целом по стране, на деятельность ТО перечисленных субъектов распространяется действие главы 2 приложения № 2 к приказу № 350, согласно которой сотрудниками подразделений пробации, групп организации трудовой деятельности и воспитательной работы и иными сотрудниками ИЦ в рамках пенитенциарной пробации проводится вос-

питательная работа с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ.

В процессе исследования должностным лицам ТО было предложено ответить на вопрос о частоте проводимых мероприятий в формате различных направлений воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ, предусмотренных п. 14–23 приказа Минюста России № 350, проранжировав ответы в опросном листе в порядке убывания, где 6 – наиболее часто используемые направления, 1 – наименее используемые направления соответственно.

Для оценки частоты проведения мероприятий в формате различных направлений воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ использовался метод ранжирования, поскольку необходимо было выявить, какие направления более предпочтительны и значимы.

Основываясь на проведенной оценке полученных результатов, отметим, что трудовое воспитание оказалось в приоритете при осуществлении воспитательной работы с осужденными (средний ранг = 5,5), далее (по мере убывания ранга) – правовое воспитание (средний ранг = 4,31), нравственное воспитание (средний ранг = 4,23), патриотическое (средний ранг = 3,5), физическое (средний ранг = 2,65) и замыкает этот список духовное воспитание (средний ранг = 2,58) (рис. 2). Проанализировав полученные результаты, пришли к выводу, что трудовое воспитание является приоритетным, исходя из специфики исполнения самого вида наказания – принудительные работы, а также многоплановости воздействия

данного направления, которое научно обосновано [7–11].

В результате сравнения частоты осуществления воспитательной работы (по направлениям) с общими аналогичными показателями по всем ТО в целом выявлено, что в ТО СЗФО направления физического, правового и духовного воспитания имеют более низкие показатели, чем по всем ТО, тогда как трудовому воспитанию отдается большее предпочтение (рис. 2). Патриотическое и нравственное направления воспитательной работы в ТО СЗФО по частоте использования в практической деятельности сотрудников ИЦ аналогичны всем ТО.

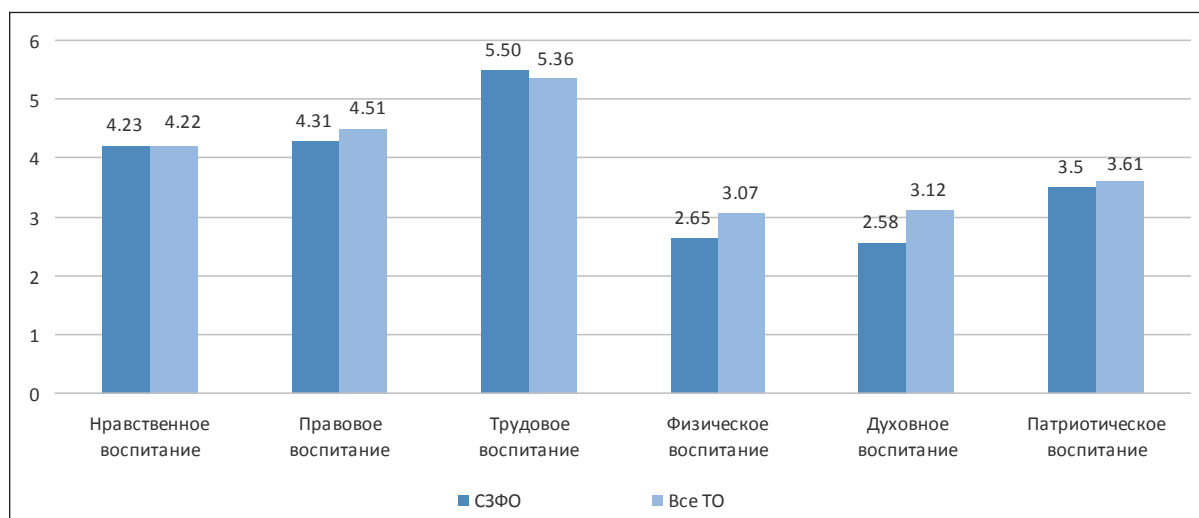

Рис. 2. Направления воспитательной работы

Сравнивая показатели по отдельным ТО тех или иных субъектов, входящих в состав СЗФО, наблюдается единообразие в выборе трудового воспитания как наиболее эффективного направления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам.

Единственный ТО, из предоставивших запрашиваемую информацию, указавший на приоритетность правового направления воспитательной работы (средний ранг = 6), определив трудовое лишь на третье место – УФСИН России по Республике Карелия (рис. 3).

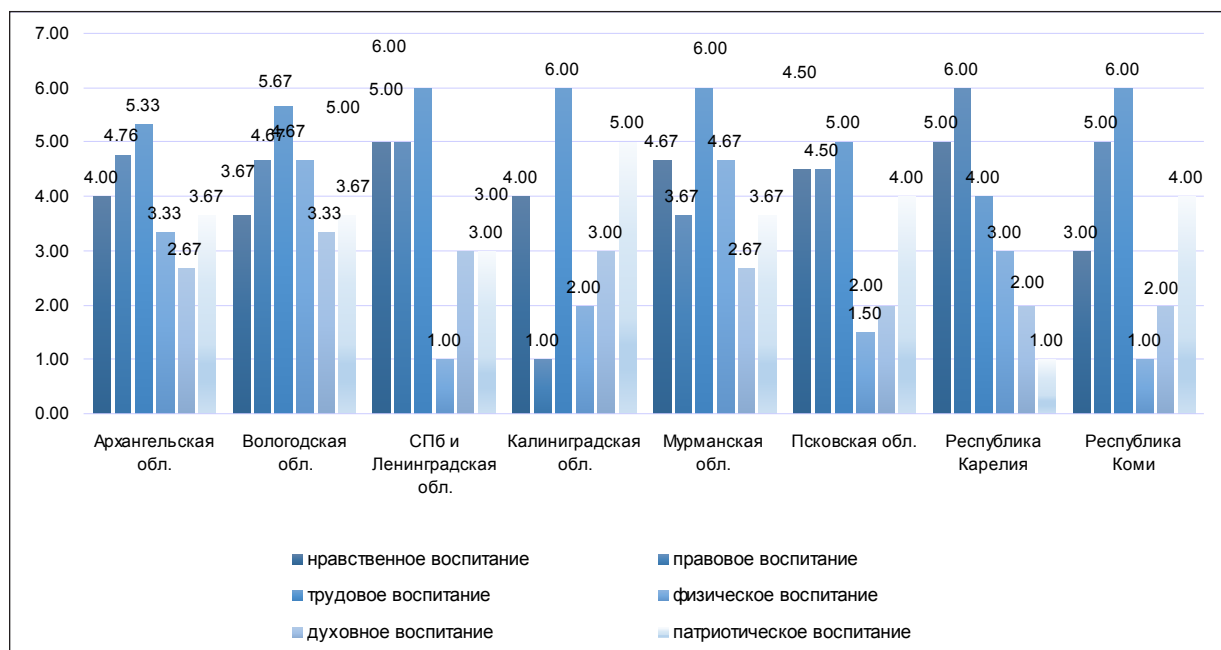

Рис. 3. Оценка направлений воспитательной работы по эффективности

Следующее, что заслуживает нашего внимания, это формы проведения воспитательной работы, которых, согласно п. 24 приложения № 2 к приказу № 350, насчитывается три: индивидуальные (далее – ИВР), групповые (далее – ГВР) и массовые (далее – МВР). Было предложено оценить по 5-ти балльной системе (5 – очень высокая, 4 – высокая, 3 – значительная, 2 – малозначительная, 1 – незначительная) эффективность воспитательной работы по указанным формам работы, а также по конкретным мероприятиям, относящимся к этим формам. При этом респондентам

пояснялось, что эффективность определяется достижением цели мероприятия с наименьшими затратами ресурсов (временных, личностных, материальных и т. д.). Так, согласно полученным данным проведение мероприятий в рамках индивидуальной воспитательной работы респонденты указали наиболее эффективными (4,52 балла), при этом предпочтение отдавалось мероприятиям, проводимым с каждым осужденным к принудительным работам (4,5 баллов), а наименее результативной признана аттестация осужденных (2,48 балла) (рис. 4).

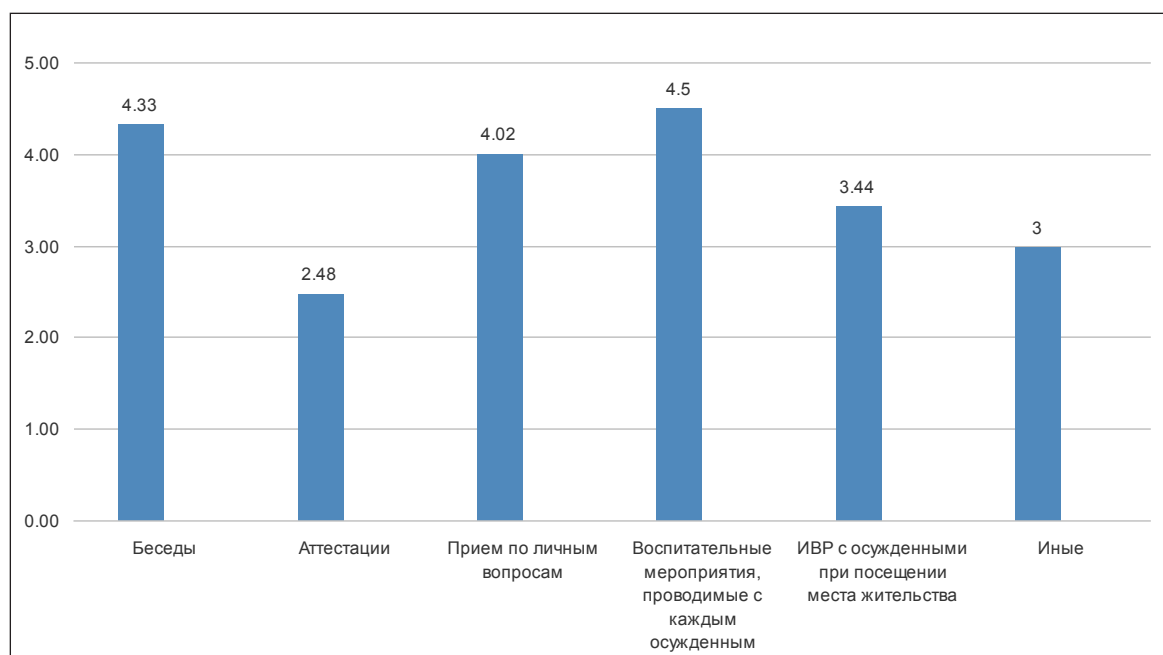

Рис. 4. Оценка эффективности индивидуальной воспитательной работы (все ТО СЗФО)

Отдельно обратим внимание на УФСИН России по Калининградской области, где наряду с мероприятиями, проводимыми с каждым осужденным к принудительным работам, прием осужденных по личным вопросам также расценивается как наиболее эффективное ИВР, определив каждому из этих меропри-

ятий по 5 баллов. Отметим, что ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области каждому мероприятию в рамках ИВР по степени эффективности присудило по 4 балла (не стала исключением и аттестация осужденных), при этом индивидуальные беседы являются наиболее эффективными.

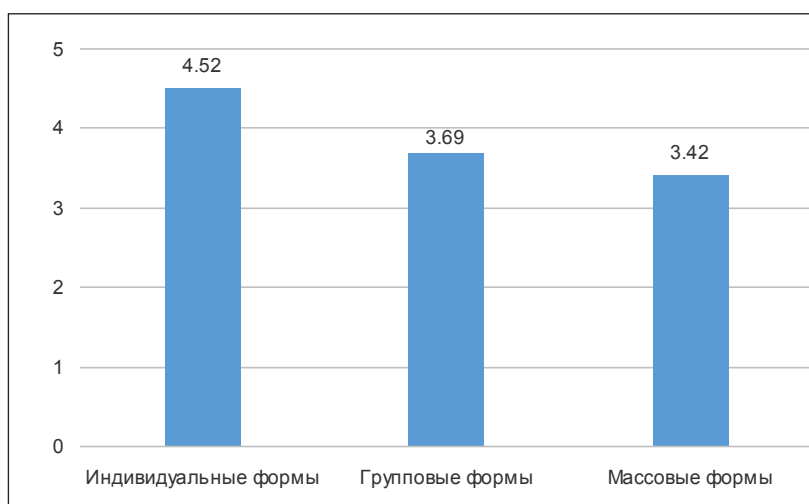

Рис. 5. Эффективность воспитательной работы (по формам проведения)

Групповая воспитательная работа, по мнению респондентов, по степени эффективности следует после ИВР (3,69 балла). К мероприятиям ГВР относятся обсуждение общих актуальных вопросов (3,6 балла), а также проводимые мероприятия с отдельными категориями (группами) осужденных (3,35 балла). Однако примечателен тот факт, что при оценке воспитательной работы по формам работы (рис. 5) (без дифференциации мероприятий) массовой воспитательной работе отдается наименьшее предпочтение (3,42 балла), а проводимые в рамках нее мероприятия респондентами признаны наиболее эффективными в сравнении с некоторыми мероприятиями

ГВР: культурно-массовая (3,65 балла) и физкультурно-спортивная работы (3,17 балла), общие собрания (3,48 балла) и просветительские мероприятия (3 балла). При этом респонденты из УФСИН России по Псковской области и УФСИН России по Республике Карелия полагают, что наиболее эффективными в процессе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам являются общие собрания. Более того, ТО последнего из указанных субъектов на общем фоне резко контрастируют, обозначая физкультурно-спортивные мероприятия как наименее эффективные (1 балл). Общие показатели наглядно представлены на рисунке 6.

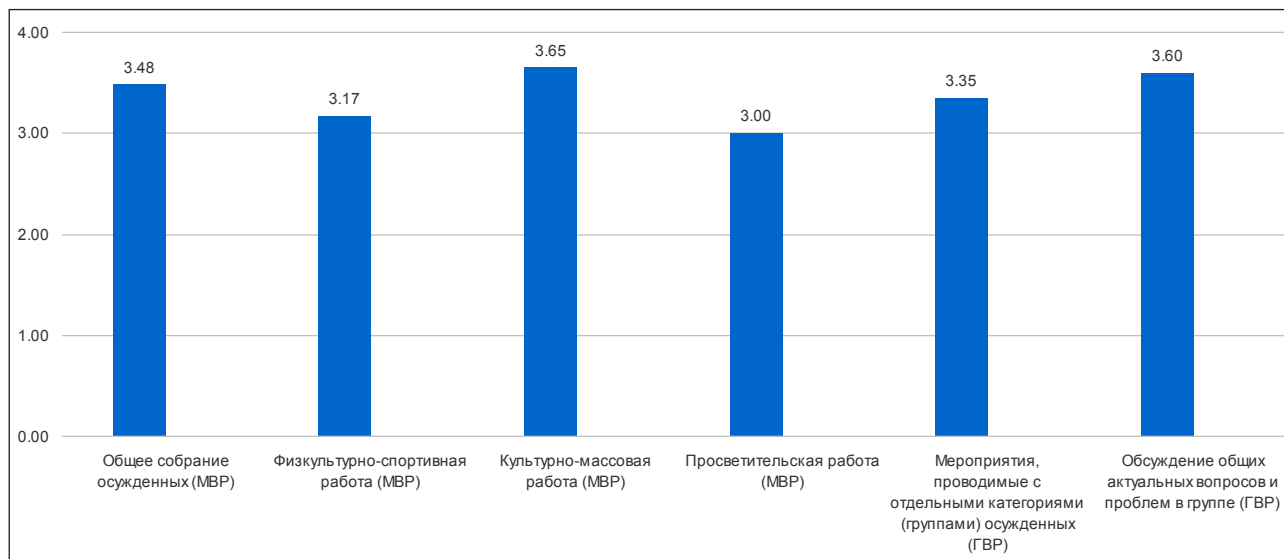

Рис. 6. Оценка эффективности проведения ГВР и МВР (все ТО СЗФО)

В целом можно признать, что с незначительным отрывом друг от друга по показателям ГВР и МВР равнозначны по эффективности проводимых мероприятий в отношении осужденных к принудительным работам в рамках probation. Вместе с тем отметим, что использование ГВР и МВР в отношении осужденных к принудительным работам имеет свою специфику, связанную с самыми главными факторами – численностью и массовостью, которые обеспечиваются исключительно условиями исполнения наказания [12].

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос о частоте проводимых мероприятий с осужденными по направлениям воспитательной работы (нравственное, трудовое, правовое, физическое, патриотическое, духовное) в индивидуальной и групповой форме, где 5 – очень часто, а 1 – очень редко. Итак, наиболее часто в процессе индивидуальной воспитательной работы проводится правовое (3,90 балла), нравственное (3,48 балла), трудовое (3,43 балла), физическое (3,41 балла), патриотическое (3,40 балла) и духовное (3,26 балла) воспитание. В формате групповой воспитательной работы показатели идентичны, за исключением патриотического воспитания, занимающего третье место, и нравственного – пятое, тогда как при проведении индивидуальной работы эти направления зеркально противоположны (рис. 7).

Таким образом, анализ показателей воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках probation показал, что основной упор в воспитательной работе, осуществляемой сотрудниками ИЦ, приходится на трудовое, правовое и нравственное направления. При этом мероприятия физического воспитания представлены в основном в виде массовых спортивных мероприятий, тогда как физическое воспитание имеет более широкую направленность, в том числе формирование здорового образа жизни, профилактику социально значимых заболеваний и т. д. [13; 14].

В системе воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в сфере probation особое место занимают вопросы взаимодействия с иными субъектами probation.

Анализ проводимых субъектами probation совместных мероприятий свидетельствует, что мероприятия духовной, патриотической и нравственной направленности чаще других реализуются в рамках заключенных соглашений. Следовательно, организованное взаимодействие позволяет увеличить частоту использования некоторых мероприятий, которые могут быть реализованы более эффективно сотрудниками ИЦ в совместной деятельности [15]. Кроме того, качество таких мероприятий также повышается, поскольку привлекаются специалисты по конкретным направлениям воспитательного воздействия.

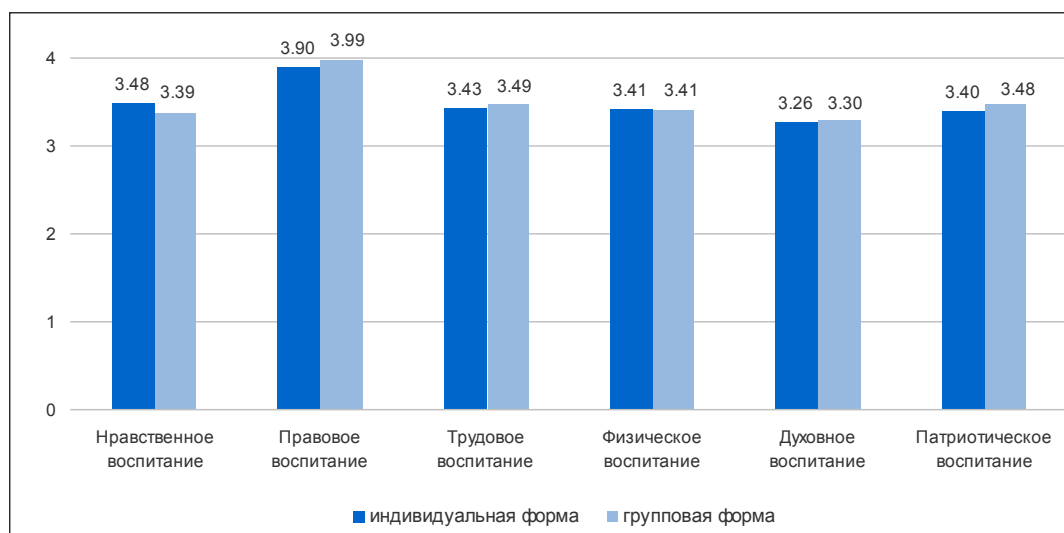

Рис. 7. Частота мероприятий по направлениям воспитательной работы в групповой и индивидуальной формах (все ТО СЗФО)

Основой такого взаимодействия представляется собственно система воспитательной работы с осужденными к принудительным работам, а само взаимодействие как совместная деятельность субъектов probationи организуется с учетом множества факторов: психологических, педагогических, организационных, правовых и т. д. [16–18].

Следуя положениям федерального и ведомственного законодательства, регламентирующего применение probationи, помимо субъектов probationи – сотрудников уголовно-исполнительной системы, задействованных в воспитательном процессе, немаловажная роль в нем отводится иным субъектам – заинтересованным органам и организациям, указанным в ч. 3 ст. 6 закона «О probationи» (далее – субъекты). Из представленных данных следует, что представителями ФСИН России того или иного субъекта были заключены соглашения с субъектами с целью оказания содействия осужденным к наказаниям в виде принудительных работ, где наиболее активно к воспитательной работе с ними в формате взаимодействия привлекаются государственные организации – 16 (61,5 %), некоммерческие – 6 (23 %), коммерческие – 2 (7,7 %), а также по одному соглашению заключено с общественной и образовательной организацией (по 3,8 % соответственно).

В этой связи полагаем необходимым более детально рассмотреть виды оказываемого субъектами содействия ИЦ в процессе осуществления пенитенциарной probationи в виде воспитательной работы с осужденными. Итак, если рассматривать оказываемое содействие в рамках соглашений по субъектам, их заключивших, то следует обратить внимание, что государственные органы в наибольшей степени оказывают содействие по вопросам трудоустройства, в разъяснении мер поддержки при трудоустройстве осужденных к принудительным работам после отбывания наказания, предоставлении рабочих мест (29,4 %). К примеру, реализуемое взаимодействие территориальных органов ФСИН России по Калининградской области с Центром занятости населения

Калининградской области. Такое положение объясняется заинтересованностью и нуждаемостью работодателей в привлечении кадров, о чем свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики, согласно которым потребность в работниках у работодателей в Калининградской области за 2023 г. превысила 125 % по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года (в органы службы занятости поступило 13 609 заявлений). Схожее взаимодействие имеется у ТО ФСИН России по Псковской области с Областным центром занятости населения в рамках имеющегося соглашения, ориентированного на обозначенное направление, чем объясняется 10 566 поданных заявлений от работодателей, что составляет 109,7 % к декабрю 2022 г. [19].

Любопытно, что Мурманская область занимает последнее место в рейтинге по запросу кадров (78 %) при наличии взаимодействия ТО ФСИН России по Мурманской области с Центром занятости населения. Полагаем это обстоятельство является решающим при выборе направлений взаимодействия с заинтересованными субъектами, о чем свидетельствует приоритет проводимых духовно-нравственных мероприятий в формате содействия как с государственными органами, так и некоммерческими организациями (50 % от общей массы проводимой работы с осужденными в рамках probationи), что делает данный субъект лидирующим по духовно-нравственному воспитанию осужденных к принудительным работам среди иных субъектов по СЗФО. Рассматривая аспекты взаимодействия с иными субъектами probationи в УФСИН России по Мурманской области, следует отметить, что в рамках имеющихся соглашений с заинтересованными организациями задействованы основные направления воспитательной работы, а именно: трудовое, правовое (Мурманский центр занятости населения), духовное и нравственное (Мурманская и Мончегорская епархия Русской православной церкви), патриотическое в части пропаганды службы по контракту (Вооруженные силы РФ), физическое в части антинаркотической направленности

(МРОО «Пробуждение», НО МРБФ «Шаг за шагом»). Кроме того, указанные организации принимают участие в мероприятиях социально-психологической и социально-педагогической направленности. Полагаем, что именно такой опыт взаимодействия по всем направлениям воспитательной работы может существенно влиять на эффективность проводимой воспитательной работы с осужденными к принудительным работам, в отношении которых применяется пенитенциарная пробация.

Кроме того, благодаря воспитательной работе, проводимой ТО ФСИН России по Архангельской и Мурманской областям, духовно-нравственное воспитание осужденных, реализуемое совместно субъектами пробации, занимает ведущие позиции среди всех направлений воспитательной работы, реализуемой согласно приказу Минюста России № 350.

Мы отметили лишь некоторые особенности взаимодействия субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в рамках пенитенциарной пробации.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования были сформулированы следующие выводы:

– в рамках организации и осуществления воспитательной работы с осужденными в сфере пенитенциарной пробации в ИЦ приоритетными направлениями являются трудовое, правовое, патриотическое;

– наиболее эффективной формой воспитательной работы с осужденными в рамках пенитенциарной пробации в ИЦ признается индивидуальная;

– взаимодействие субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам является важным компонентом системы и повышает качество проводимых мероприятий за счет привлечения специалистов по конкретным направлениям воспитательного воздействия;

– взаимодействие субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам осуществляется с учетом ряда условий и ограничений, связанных с категорией осужденных и условиями отбывания наказания.

Вопросы взаимодействия субъектов пробации в процессе осуществления воспитательной работы с осужденными к принудительным работам на современном этапе требуют более детального научного обоснования и являются перспективным направлением педагогического исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ольховик Н. В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 71–79.
2. Кондратовская С. Н., Валькова Е. В. К вопросу о сотрудничестве органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями // Уголовно-исполнительная система и Русская Православная Церковь, другие традиционные для России религиозные объединения – взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–19 сентября 2018 г.). Рязань, 2018. С. 179–185.
3. Широкова А. А., Лебешев И. С. Правовые основы организации и практика проведения воспитательной работы с осужденными к принудительным работам // Нотариус. 2022. № 7. С. 8–11.
4. Чернышенко Е. В. Правовое регулирование и особенности организации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам в исправительных центрах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 2 (237). С. 22–27.
5. Мустафаев З. Р. Проблемы воспитательной работы в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы права, психологии, педагогики и экономики : сб. науч. тр. проф.-препод. состава ВИПЭ ФСИН России : в 2 ч. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2021. Ч. 2. С. 35–42.
6. Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Справочник. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/58> (дата обращения: 12.11.2024).
7. Зауторова Э. В. Трудовое воспитание осужденных в условиях лишения свободы при взаимодействии уголовно-исполнительной системы и различных организаций // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Псков, 2023. С. 72–76.
8. Литвишков В. М., Митькина А. В. Пенитенциарная педагогика : курс лекций. М., 2004. 400 с.
9. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Проблемы воспитательной службы исправительных учреждений // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 2 (14). С. 18–23.
10. Полякова Я. Н. Организационно-педагогические условия реализации профессиональной ориентации лиц, осужденных к принудительным работам, их самоопределение и привлечение к труду в исправительных центрах // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежекварт. изд. Вып. 1. М., 2020. С. 263–267.
11. Полякова Я. Н. Организационные условия профессиональной ориентации лиц, осужденных к принудительным работам. Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : науч.-практ. ежекварт. изд. М., 2019. С. 113–117.
12. Горина Е. Е., Саулина М. А. Применение групповых и массовых форм воспитательной работы с осужденными на современном этапе развития общества // Социальные отношения. 2023. № 2 (45). С. 19–27.
13. Зауторова Э. В. Роль физического воспитания осужденных в местах лишения свободы // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Вологда, 2018. С. 57–60.
14. Тюгаева Н. А., Чистотина О. Н. Педагогические основы воспитательной работы с условно осужденными : учеб. пособие. Рязань, 2011. 107 с.
15. Колесов В. И., Силенков В. И. Духовно-нравственное воспитание как средство воспитательной работы с осужденными // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 3 (11). С. 67–69.

16. Лебешев И. С., Новиков А. В., Слабая Д. Н. Педагогическое воздействие в пенитенциарной системе. Практико-ориентированный аспект на примере осужденных к принудительным работам // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 301–309.
17. Кевля Ф. И. Личностные особенности осужденных, приговоренных к принудительным работам // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Вологда, 11 декабря 2020 года. Вологда, 2021. Ч. 3. С. 85–89.
18. Горина Е. Е. Направления воспитательной работы с осужденными: особенности правового регулирования на современном этапе развития УИС // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты : сб. материалов круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов д-ра пед. наук, проф. Литвишкова В. М. и д-ра психол. наук, проф. Сочивко Д. В. (Рязань, 9 февраля 2024 г.). Тверь, 2024. С. 40–45.
19. Социально-экономическое положение Северо-Западного федерального округа в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-zapad_fo_4k-2023.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

REFERENCES

1. Ol'khovik N.V. Subject, mechanisms and legal bases of interaction of probation subjects with civil society institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 1 (54), pp. 71–79. (In Russ.).
2. Kondratovskaya S.N., Val'kova E.V. On the issue of cooperation between bodies and institutions of the penal system and religious organizations. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov', drugie traditsionnye dlya Rossii religioznye ob"edineniya – vzaimodeistvie v dukhovno-nravstvennom vospitanii osuzhdennykh: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ryazan', 18–19 sentyabrya 2018 g.)* [Penal system and Russian Orthodox Church, other traditional religious associations in Russia – interaction in spiritual and moral education of convicts: collection of materials of the VI International research-to-practice conference (Ryazan, September 18–19, 2018)]. Ryazan, 2018. Pp. 179–185. (In Russ.).
3. Shirokova A.A., Lebeshev I.S. Legal grounds for organization and practice of carrying out of educational work with persons convicted to correctional labor. *Notarius = Notary*, 2022, no. 7, pp. 8–11. (In Russ.).
4. Chernyshenko E.V. Legal regulation and features of the organization of educational work with convicts sentenced to coercive labor in correctional centers. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2022, no. 2 (237), pp. 22–27. (In Russ.).
5. Mustafaev Z.R. Problems of educational work in correctional centers of the penal system. In: Nekrasov V.N. (Ed.). *Aktual'nye voprosy prava, psikhologii, pedagogiki i ekonomiki: sb. nauch. tr. prof.-prepod. sostava VIPE FSIN Rossii: v 2 ch. Ch. 2* [Actual issues of law, psychology, pedagogy and economics: collection of scientific works of lecturers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia: in 2 parts. Part 2]. Vologda, 2021. Pp. 35–42. (In Russ.).
6. Severo-Zapadnyi federal'nyi okrug (SZFO). *Spravochnik* [Northwestern Federal District (NWFD). Guide]. Available at: <http://www.kremlin.ru/catalog/glossary/58> (accessed November 12, 2024).
7. Zautorova E.V. Labor education of convicts in conditions of deprivation of liberty in the interaction of the penal enforcement system and various organizations. In: *Pravookhranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodeistviya: sb. materialov mezhvuz. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction: collection of materials of the inter-university scientific and practical conference with international participation]. Pskov, 2023. Pp. 72–76. (In Russ.).
8. Litvishkov V.M., Mit'kina A.V. *Penitentsiarnaya pedagogika: kurs lektsii* [Penitentiary pedagogy: course of lectures]. Moscow, 2004. 400 p.
9. Zautorova E.V., Kevlya F.I. Problems of the educational service of correctional institutions. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk = Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences*, 2021, no. 2 (14), pp. 18–23. (In Russ.).
10. Polyakova Ya.N. Organizational and pedagogical conditions for the implementation of professional orientation of persons sentenced to forced labor, their self-determination and involvement in labor in correctional centers. In: *Nauchnye trudy FNU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd. Vyp. 1* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue. Issue 1]. Moscow, 2020. Pp. 263–267. (In Russ.).
11. Polyakova Ya.N. Organizational conditions of professional orientation of persons sentenced to forced labor. In: *Nauchnye trudy FNU NII FSIN Rossii: nauch.-prakt. ezhekvartal'noe izd.* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: scientific and practical quarterly issue]. Moscow, 2019. Pp. 113–117. (In Russ.).
12. Gorina E.E., Saulina M.A. The application of group and mass forms of educational work with convicts at the modern stage of society. *Sotsial'nye otnosheniya = Social Relations*, 2023, no. 2 (45), pp. 19–27. (In Russ.).
13. Zautorova E.V. The role of physical education of convicts in places of deprivation of liberty. In: *Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii* [Collection of scientific papers of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service]. Vologda, 2018. Pp. 57–60. (In Russ.).
14. Tyugaeva N.A., Chistotina O.N. *Pedagogicheskie osnovy vospitatel'noi raboty s uslovno osuzhdennymi: ucheb. posobie* [Pedagogical foundations of educational work with probation prisoners: study manual]. Ryazan, 2011. 107 p.
15. Kolesov V.I., Silenkov V.I. Spiritual and moral education, as a means of educational work with convicts. *Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Professional Legal Education and Science*, 2023, no. 3 (11), pp. 67–69. (In Russ.).

16. Lebeshev I.S., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Pedagogical impact in the penitentiary system. practice-oriented aspect on the example of persons sentenced to forced labor. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022, vol. 12, no. 6A, pp. 301–309. (In Russ.).
17. Kevlya F.I. Personal characteristics of convicts sentenced to forced labor. In: *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i vosstanovleniyu : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. Vologda, 11 dekabrya 2020 goda. Ch. 3* [The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and restoration: collection of materials of the international research-to-practice conference: in 3 parts. Vologda, December 11, 2020. Part 3]. Vologda, 2021. Pp. 85–89. (In Russ.).
18. Gorina E.E. Directions of educational work with convicts: features of legal regulation at the present stage of the development of penal institutions. In: *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti v penitentsiarnoi sisteme: pedagogicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: sb. materialov kruglogo stola, posv. pamyati uchenykh-penitentsiaristov d-ra ped. nauk, prof. Litvishkova V. M. i d-ra psikhol. nauk, prof. Sochivko D.V. (Ryazan', 9 fevralya 2024 g.)* [Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects: collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists Doctor of Sciences (Pedagogy) Professor. Litvishkov V.M. and Doctor of Sciences (Psychology), Professor Sochivko D.V. (Ryazan, February 9, 2024)]. Tver, 2024. Pp. 40–45. (In Russ.).
19. Socio-economic situation of the North-Western Federal District in 2023. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: sait* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation: website]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sev-zapad_fo_4k-2023.pdf (In Russ.). (Accessed November 14, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЯНИНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ynpolyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3852-3128>

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА КАШКИНА – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, 000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

YANINA N. POLYAKOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ynpolyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3852-3128>

EKATERINA V. KASHKINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, 000049@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>

Статья поступила 21.02.2025

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да (отнесен к категории К2)

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>